

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 10 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Павленков Р.В., к.э.н., доцент

Члены редакционного совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакшин В.С., д.ю.н., профессор;

Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент;

Грибунов О.П., д.ю.н., профессор; Давлетов А.А., д.ю.н.,

профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Дегтярев С.Л., д.ю.н.,

профессор; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н.,

профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Мансуров Г.З., д.ю.н.,

доцент; Осинцев Д.В., д.ю.н., профессор; Савоськин А.В., д.ю.н.,

доцент; Семьякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н.,

профессор; Стельмах В.Ю., к.ю.н., доцент; Татьяна Л.Г., д.ю.н.,

профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор; Шнарбаев Б.К., д.ю.н.,

доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Андреев А.В., к.ю.н.; Аюпова Г.Ш., к.ю.н.; Бердникова О.П., к.ю.н.,

доцент; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гребенщикова И.В., к.ю.н.;

Гусев А.В., к.ю.н., доцент; Дерюгин Р.А., к.ю.н.; Казанцев А.О., к.ю.н.,

доцент; Климович Ю.С., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н.,

доцент; Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н.; Макеева И.С., к.ю.н.,

доцент; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент;

Пересакина О.В., к.ю.н.; Плетникова М.С., к.ю.н., доцент;

Сазон К.Д., к.ю.н., доцент; Сергеев Д.Н., к.ю.н.; Тенетко А.А., к.ю.н.,

доцент; Хамидуллин Р.С., к.ю.н.; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент;

Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудоярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 29.09.2022. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 80 экз. Заказ № 54

Дата выхода в свет 30.09.2022. Свободная цена

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФЦ77-63039 dated September 10, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Pavlenkov R.V., cand. of economics, associate professor

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., dr. of law, professor; Balakshin V.S., dr. of law, professor;

Bozrov V.M., dr. of law, professor; Goncharov D.YU., dr. of law, associate

professor; Gribunov O.P., dr. of law, professor; Davletov A.A., dr. of law,

professor; Darmenov A.D., cand. of law, associate professor; Degtyarev S.L.,

dr. of law, associate professor; Karasyov A.T., dr. of law, professor; Kodan

S.V., dr. of law, professor; Majorov V.I., dr. of law, professor; Mansurov G.Z.

dr. of law, associate professor; Osincev D.V., dr. of law, professor; Savos'kin

A.V., dr. of law, associate professor; Semyakin M.N., dr. of law, professor;

Smykalin A.S., dr. of law, professor; Stelmakh V.Yu., cand. of law, associate

professor; Tat'yana L.G., dr. of law, professor; Shaburov A.S., dr. of law,

professor; Shnarbaev B.K., dr. of law, associate professor

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Andreev A.V., cand. of law; Ayupova G.SH., cand. of law; Berdnikova

O.P., cand. of law, associate professor; Goloviznin A.V., cand. of law;

Grebenshchikova I.V., cand. of law; Gusev A.V., cand. of law, associate

professor; Deryugin R.A., cand. of law; Kazancev A.O., cand. of law,

associate professor; Klimovich YU.S., cand. of law, associate professor;

Kokorin D.L., cand. of law, associate professor; Kurilov S.I., cand. of law;

Lappo E.A., cand. of law; Makeeva I.S., cand. of law, associate professor;

Noskova Yu.B., cand. of law, associate professor; Orlov K.A., cand. of law,

associate professor; Peresadina O.V., cand. of law; Pletnikova M.S., cand.

of law, associate professor; Sazon K.D., cand. of law, associate professor;

Sergeev D.N., cand. of law; Tenetko A.A., cand. of law, associate professor;

Khamidullin R.S. cand. of law, associate professor; Schetinina N.V., cand. of

law, associate professor; Kharlamova A.A., cand. of law, associate professor

Executive Secretary Kudoyarova G.R.

Editor Bebikh I.B.

Translator Guzikova V.V.

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru Website: <http://www.ural-mvd.ru>
ISSN 2312-5640 The index E43226

Signed in the press on September 29, 2022. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 18.0.
Uch.-ed. L. 18.0 Edition 80 copies. Order No. 54
Date of publication on September 30, 2022. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2022

Содержание

Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства	
<i>Афанасьева А.А.</i> Оптимизация процесса собирания доказательств по уголовным делам	5
<i>Баймухаметова Г.М.</i> Периодизация развития представлений о принципах медиации в национальном уголовно-процессуальном праве: исторический экскурс	10
<i>Давлетов А.А.</i> Исторический путь российского уголовного процесса. Размышления после научно-практической конференции «20 лет действия УПК РФ: уроки и перспективы»	15
<i>Жусипбекова А.М.</i> Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу	19
<i>Соколов И.А.</i> Кто инициирует особый порядок прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа?	24
<i>Стельмах В.Ю.</i> Современные проблемы применения залога как меры пресечения	29
<i>Титов П.М.</i> Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения в публичном порядке	35
Актуальные проблемы административного права и процесса	
<i>Кошелев Д.А.</i> Особенности исчисления сроков в законодательстве Российской Федерации об административных правонарушениях	41
<i>Осинцев Д.В.</i> Государственное регулирование и государственное администрирование: соотношение правовых моделей	48
Вопросы криминалистики	
<i>Воеводкин Д.В., Муканбеткалиев А.А.</i> О некоторых вопросах расследования уголовных правонарушений в сфере медицинского обслуживания населения (по законодательству Республики Казахстан)	58
<i>Елфимов П.В.</i> Осмотр места происшествия как неотложное следственное действие при расследовании фактов незаконной рубки лесных насаждений	65
<i>Иванов Э.А.</i> Тактические особенности обыска по делам о незаконном изготовлении самодельного взрывного устройства	70
<i>Лаппо Е.А.</i> О возможности идентификации оружия по следам его деталей на кожаном снаряжении (по законодательству Республики Беларусь)	74
<i>Щербаков И.О.</i> Расследование преступлений, связанных с поджогами: современные возможности эффективных методов выявления следов рук при осмотре места пожара	79
Основные тенденции государственно-правового развития	
<i>Карасев А.Т., Савоськин А.В.</i> Публичная власть и представительство: вопросы содержания и соотношения	87
Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений	
<i>Абдраязпов Р.Р., Файзуллин Р.Р.</i> Об отдельных аспектах расследования преступлений, связанных с деятельностью «финансовых пирамид» (на примере уголовного дела в отношении создателей и руководителей преступного сообщества, осуществлявших свою преступную деятельность от имени ООО «ДП»)	92
<i>Егошин И.В., Константинов В.Н.</i> Актуальность практического применения органами внутренних дел беспилотных летательных аппаратов при выполнении оперативно-служебных задач	99
<i>Хамидуллин Р.С.</i> Некоторые особенности оперативно-розыскного противодействия кражам и угонам автотранспорта	105
Укрепление законности и правопорядка	
<i>Джамбулатов Г.К.</i> Понятие преступлений, совершаемых в период проведения публичных массовых мероприятий ...	111
<i>Курилов С.И.</i> Особенности замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России и пути его совершенствования	118
<i>Михеева С.Н., Скупский Г.А.</i> Институт околоточных надзирателей в структуре полицейской системы городов Российской империи во второй половине XIX века	125
<i>Сокол А.М.</i> Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях: проблемы квалификации	132
<i>Тарасова Л.Я.</i> Причины насилия над женщинами в Российской Федерации как факторы, порождающие уголовно наказуемое деяние	139
<i>Федоров А.Ф.</i> Анализ состояния и предупреждение хищений чужого имущества в России	144
<i>Чашников В.А.</i> Некоторые аспекты деятельности органов милиции Свердловской области в послевоенный восстановительный период (1945–1953 гг.)	149
Уголовное право и уголовная политика	
<i>Масленникова Т.В.</i> Особенности установления содержания признаков специального субъекта состава преступления, предусмотренного статьей 210 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации	154
<i>Петрова Т.М.</i> Вопросы уголовной ответственности за преступления в отношении особо охраняемых диких животных	159
<i>Родыгин Р.А.</i> О некоторых уголовно-правовых средствах защиты несовершеннолетних от преступных посягательств	166
<i>Сидорова И.В., Суверов С.Е.</i> Обоснованность придания норме о примирении с потерпевшим дискреционного характера	171

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Уральского юридического института МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Contents

Topical issues of legal procedure and criminal procedure legislation

<i>Afanasieva A.A.</i> Optimization of the process of collecting evidence in criminal cases	5
<i>Baymukhametova G.M.</i> Periodization of the development of ideas about the principles of mediation in the national criminal procedure law: historical digression	10
<i>Davletov A.A.</i> The historical path of the Russian criminal process. Reflections after the scientific and practical conference «20 years of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: lessons and prospects»	15
<i>Zhussipbekova A.M.</i> Investigation of evidence as an element of proving in a criminal case	19
<i>Sokolov I.A.</i> Who initiates a special procedure for the termination of a criminal case with the appointment of a court fine?	24
<i>Stelmakh V.Y.</i> Modern problems of applying collateral as a preventive measure	29
<i>Titov P.M.</i> Procedural features of the initiation of criminal cases of private prosecution in public	35

Topical problems of administrative law and process

<i>Koshelev D.A.</i> Specifics of timing in the legislation of the Russian Federation on administrative offenses	41
<i>Osintsev D.V.</i> State regulation and state administration: ratio of legal models	48

Questions of criminalistics

<i>Voyevodkin D.V., Mukanbetkaliev A.A.</i> About some issues of investigation of criminal offenses in the field of public health care (according to the legislation of the Republic of Kazakhstan)	58
<i>Elfimov P.V.</i> Inspection of the scene of the incident as an urgent investigative action when investigating the facts of illegal logging of forest plantations	65
<i>Ivanov E.A.</i> Tactical features of the search in cases of illegal manufacture of an improvised explosive device	70
<i>Lappo E.A.</i> On the possibility of weapon identification in the traces of its parts on leather equipment (according to the legislation of the Republic of Belarus)	74
<i>Shcherbakov I.O.</i> Investigation of crimes related to arson: modern possibilities of effective methods for detecting handprints when examining a fire site	79

The main trends of state and legal development

<i>Karasev A.T., Savoskin A.V.</i> Public authority and representation: issues of content and correlation	87

Improving the activities of law enforcement agencies in the detection and investigation of crimes

<i>Abdrazayapov R.R., Fayzullin R.R.</i> On certain aspects of the investigation of crimes, related to the activities of «financial pyramids» (on the example of a criminal case against the creators and leaders of a criminal community who carried out their criminal activities on behalf of DP LLC)	92
<i>Egoshin I.V., Konstantinov V.N.</i> Relevance of the practical application of unmanned aerial vehicles by the internal affairs bodies in the performance of operational and service tasks	99
<i>Hamidullin R.S.</i> Some features of operational-investigative counteraction to theft and theft of vehicles	105

Strengthening of legality and order

<i>Dzhambulatov G. K.</i> The concept of a crimes committed during the period of public mass events	111
<i>Kurilov S.I.</i> Features of the replacement of senior positions in the investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and ways to improve it	118
<i>Mikheeva S.N., Skipskiy G.A.</i> The institute of district wardens in the structure of the police system of the cities of the Russian empire in the second half of the XIX century	125
<i>Sokol A.M.</i> Public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, to maintain international peace and security or execution by state bodies of the Russian Federation of their powers for the indicated purposes: qualification problems	132
<i>Tarasova L.Y.</i> Causes of violence against women in the Russian Federation, as factors that give rise to a criminally punishable act	139
<i>Fedorov A.F.</i> Analysis of the state and prevention of theft of other people's property in Russia	144
<i>Chashnikov V.A.</i> Some aspects of the activities of the militia of the Sverdlovsk region in the post-war recovery period (1945–1953)	149

Criminal law and criminal policy

<i>Maslennikova T. V.</i> Features of establishing the content of a special subject of the corpus delicti provided for in Article 210 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation	154
<i>Petrova T.M.</i> Problems of the criminalization of poaching in relation to specially protected wild animals	159
<i>Rodygin R.A.</i> About some criminal legal means of protecting minors from criminal encroachments	166
<i>Sidorova I.V., Suverov S.E.</i> Justification for making the provision on reconciliation with the victim discretionary	171

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья
УДК 343.13

Оптимизация процесса собирания доказательств по уголовным делам

Афанасьева Анна Александровна
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, a3.afanaseva@gmail.com

Аннотация. В рамках статьи проведен анализ оптимизации процесса собирания доказательств лицами, ведущими расследование, обращено внимание на процесс собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: оптимизация, собирание доказательств, уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела

Для цитирования: Афанасьева А. А. Оптимизация процесса собирания доказательств по уголовным делам // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 5–9.

Original article

Optimization of the process of collecting evidence in criminal cases

Afanasyeva Anna A.
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, a3.afanaseva@gmail.com

Abstract. Within the scope of the article analysis of optimization of evidence gathering process by investigators was carried out; attention was paid to the process of evidence gathering at the stage of institution of criminal proceedings.

Keywords: optimization, evidence gathering, criminal procedure, stage of institution of criminal proceedings

For citation: Afanasyeva A. A. Optimization of the process of collecting evidence in criminal cases // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 5–9.

Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности приводит к постоянному увеличению количества расследуемых уголовных дел, что не может не повлиять на нагрузку лиц, ведущих расследование. Соответственно, ежегодное возрастание количества уголовных дел, находящихся в производстве, не может не отразиться на качестве расследования.

В последнее время все больше внимания уделяется способам решения этой проблемы, одним из которых является процесс оптимизации собирания доказательств.

Термин «оптимизация» встречается не только в науке и технике, но и в юриспруденции. Это говорит о том, что понятие исследуется в различных областях знаний. Процесс оптимизации стал актуальным в результате непрерывного развития общественных отношений (в данном случае речь идет об отношениях между лицами, ведущими расследование, и участниками уголовного судопроизводства), поскольку усиление социальных факторов и ряд проблем, возникающих в процессе расследования, приводят к поиску оптимальных подходов, необходимых для выработки путей решения проблем, стоящих перед должностным лицом. Все это становится возможным лишь благодаря реализации накопленных знаний и опыта.

Этимология слова «оптимизация» восходит к латинскому слову и означает «наилучшее», то есть это процесс поиска или выбора наиболее подходящего варианта деятельности из всех возможных.

Не могла не отразиться на способах собирания доказательств и состязательная модель уголовного судопроизводства, ведь именно она призвана защитить законные права человека и его интересы. Результатом первоочередных состязательных начал в доказывании явилось возникновение новых следственных действий, иных способов собирания доказательств, расширение круга участников доказывания. Следует учитывать, что процесс собирания доказательств имеет существенные ограничения, которые установлены законом. Процедура доказывания, а также методы сбора доказательственной информации, должны быть обстоятельно регламентированы законом для того, чтобы лица, ведущие расследование, не допускали ошибки.

Кроме того, процесс оптимизации собирания доказательств в уголовном судопроизводстве напрямую связан с адаптацией уголовно-процессуальных норм под современные темпы жизни, поэтому одним из способов оптимизации процесса собирания доказательств является изменение законодательства.

Доказывание в уголовном деле является основным направлением уголовно-процессуальной деятельности и первоочередной задачей лиц, ведущих расследование. Современные реалии заставляют правоприменителя отступить от «дедовских» способов собирания доказательств и в целях эффективности отдать предпочтение скорости, удобству и качеству с учетом нормативной регламентации доказывания. Степень защищенности прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве и успех борьбы с преступностью в целом зависят от того, насколько умело стороны применяют средства собирания доказательств в своей практической деятельности, зависит конечный результат по делу.

Наиболее значимым в доказывании, на наш взгляд, является именно собирание доказательств, то есть набора компонентов, комбинируя которые, субъект доказывания устанавливает фактические обстоятельства совершенного преступления и принимает решения по уголовному делу. Способ собирания

доказательств – это закрепление в процессуальной форме уполномоченным лицом сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению [1, с. 96].

Согласно ст. 86 УПК РФ собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [2].

А. Р. Белкин отмечал, что «успех предварительного следствия зависит от работы по собиранию и исследованию доказательств, от правильной оценки и умелого использования собранного доказательственного материала. Для этого следователь должен четко представлять себе методы и средства работы с доказательствами, владеть методологией доказывания» [3, с. 226].

В науке и практике отсутствует единое мнение по поводу определения самого понятия «собирание доказательств», однако данный термин довольно часто употребляется среди юристов и вызывает повышенный интерес в научных кругах. Более того, УПК РСФСР 1960 г. регламентировал собирание доказательств как самостоятельное звено процесса доказывания по уголовному делу. Там же указывались субъекты (лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд), которым предоставлялись права для осуществления такой деятельности.

Не остались без внимания и способы собирания доказательств: путем допроса лиц; дачи заключения в качестве эксперта; путем производства осмотров, обысков и других следственных действий и прочее.

Исследование проблем сбора доказательств не остается без внимания и сегодня, поскольку всякий раз лица, ведущие расследование, выбирают те или иные способы собирания доказательств по расследуемому уголовному делу. Основным массивом доказательств собирается в досудебном производстве, в ходе расследования уголовных дел, восполнение неполноты собранных доказательств в судебном заседании крайне затруднительно либо невозможно. Поэтому и повышаются требования к качеству доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса.

Личный практический опыт позволяет сделать вывод, что не всегда собранные по делу доказательства, отвечают требованиям закона. Необходимо, чтобы лицо, ведущее расследование при помощи регламентированных норм, направленных на собирание доказательств, эффективно пользовалось средствами доказывания, и через призму собственного опыта по их проверке и оценке, выясняло все обстоятельства совершенного преступления. Таких средств доказывания на досудебной стадии существует достаточное количество; задача лиц, ведущих расследование – отобрать из существующих самые рабочие.

Традиционно под доказыванием принято понимать специфическую познавательную деятельность, заключающуюся в оперировании доказательствами –

собрание, проверку, оценку доказательств, обоснование выводов по делу в целях установления истины и решения задач уголовного процесса.

Рассматривая вопрос о доказывании, нельзя не обратиться к содержанию ст. 85 УПК РФ, в которой дается его определение в качестве деятельности, направленной на собрание, проверку и оценку доказательств в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод, что законодатель предусмотрел обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, оставив без внимания стадию возбуждения уголовного дела. Такой подход к определению стадийных границ является неверным, поскольку любая стадия уголовного судопроизводства предполагает вынесение процессуального решения, в том числе и стадия возбуждения уголовного дела, а для принятия такого решения необходимо осуществлять деятельность по установлению фактических и юридических обстоятельств совершенного деяния, в связи с чем указанный недостаток нельзя оставить без внимания.

С. А. Шейфер полагает, что «доказывание – это получение доказательств и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события – является единственным средством достижения целей судопроизводства, т. е. защиты прав и законных интересов потерпевших и ограждения личности от незаконного привлечения к уголовной ответственности, ограничения ее прав и свобод» [4, с. 56].

Можно ли в таком случае говорить о способах собрания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, ведь именно здесь происходит сбор первоначального материала и фиксация всех полученных результатов? Самым распространенным способом в процессе собрания доказательств, является получение показаний, которые фиксируются в протоколе «объяснения». Для того чтобы такие показания приобрели форму доказательства, необходимо облечь их в протокол допроса, дождавшись возбуждения уголовного дела. Но как быть в тех случаях, когда нет возможности допросить лицо по не зависящим от него обстоятельствам? Практике известны случаи, когда в ходе возбужденного уголовного дела допросить лицо не представилось возможным в силу различных обстоятельств. Так, например, по уголовному делу № 11901800034000880, возбужденному по ч. 1 ст. 111 УК РФ, следователем отдела ОМВД России по Уфимскому району признать потерпевшим и допросить в качестве потерпевшего У. не представилось возможным [5]. Исходя из материалов уголовного дела, У. был причинен тяжкий вред здоровью. Обстоятельства произошедшего он подробно пояснил должностному лицу в ходе сбора проверочного материала. Однако по стечению обстоятельств, после возбуждения уголовного дела У. скончался от болезни сердца, в связи с чем следователь не имел возможности подвергнуть его допросу. Изучая его показания,

данные им в результате проверки, установлено, что У. даны показания в отношении конкретного лица, совершившего в отношении него преступление. Иных показаний в уголовном деле не было.

Анализируя указанную ситуацию, нельзя не отметить тот факт, что если бы законодатель принял решение о доказательственном значении объяснения, то в рамках возбужденного уголовного дела у правоохранительных органов были бы все основания привлечь указанное в показаниях в ходе дачи объяснения лицо к уголовной ответственности, ведь, по большому счету, существующие критерии допустимости, достаточности, достоверности и относимости можно отнести и к показаниям, данным в ходе получения объяснения. Ведь, как показывает практика, первичные показания являются самыми правдивыми, очень часто в ходе расследования показания меняются и не совпадают с первоначальными. Стоит ли подвергать сомнению те показания, которые были получены на стадии возбуждения уголовного дела?

Также нельзя не отметить тот факт, что должностные лица, пытаясь придать правовую форму показаниям, данным в ходе объяснения, прибегают к различным «приемам». Зафиксированы случаи, когда лицо, ведущее расследование, в рамках возбужденного уголовного дела, пытается придать объяснению силу доказательств, поскольку показания, данные в ходе объяснения, не подлежат включению в обвинительное заключение. Так, расследуя уголовное дело № 12001800034000698 по обвинению Е. следователь следственного отдела МВД России по Уфимскому району Республики Башкортостан в рамках сбора материала проверки получил объяснение от сына водителя, который совершил дорожно-транспортное происшествие, наехав на мужчину, и скрылся с места преступления [6]. В своих показаниях сын подробно описал имевшие значение для уголовного дела события, происходящие после совершения Е. дорожно-транспортного происшествия. Далее, после возбуждения уголовного дела, сын был вызван для допроса в качестве свидетеля, однако в силу ст. 51 Конституции России свидетель от дачи показаний отказался. Тогда следователь, пытаясь придать показаниям, данным в ходе объяснения, юридическую силу, задал вопрос сыну, который заключался в следующем: «Давали ли Вы такие показания в ходе объяснения?», продолжением которого был текст самого объяснения, перекопированный из протокола объяснения, тем самым они заняли свое место в протоколе допроса свидетеля, приняв вид вопроса.

Иногда лица, ведущие расследование, применяют такие способы и происходит это лишь вследствие несовершенства законодательства. С одной стороны, мы понимаем, что сделано это было по одной простой причине: следователь понимал, что иным образом показания сына виновного лица в обвинительном заключении отразиться не смогут, с другой – хочется, чтобы правоохранительные органы не искали пути решения таких проблем, а имели законные способы

работы с доказательствами с целью единства уголовного процесса. Ведь по большому счету процессуальное закрепление доказательств в виде объяснения или протокола допроса – это лишь материальная форма, в которую они облечены, а для правильного разрешения уголовного дела необходимы сведения, которые устанавливают обстоятельства дела, независимо от материального носителя.

Если рассматривать показания, данные в ходе объяснения, как доказательство, нельзя не отметить такой институт, предусмотренный уголовно-процессуальным законом, как сокращенная форма дознания. Для такой разновидности предварительного расследования законодатель предусмотрел особенности доказывания, заключающиеся в том, что в случаях, когда нет необходимости устанавливать дополнительные фактические обстоятельства и достоверность сведений не оспаривается стороной защиты, можно не допрашивать лиц в рамках возбужденного уголовного дела. Это означает, что достаточно получить от них объяснение в ходе сбора материала проверки. Кроме того, в указанном случае показания, данные в ходе объяснения, находят свое отражение в итоговом документе по уголовному делу в виде обвинительного постановления. Абсолютно логично возникает вопрос: почему в указанном случае показания данные в ходе объяснения образуют доказательство, а в других формах расследования нет? Этот вопрос остается неурегулированным, в связи с чем нормы права, касающиеся уголовного процесса, требуют внесения изменений с целью оптимизации собирания доказательств.

Кроме того, такие важные понятия, как доказывание, собирание доказательств, субъекты собирания доказательств, имеют место и в других институтах права, таких как гражданское, административное и арбитражное. Если обращаться к вышеуказанным институтам, то можно обнаружить межотраслевое сходство в одноименных понятиях. Именно поэтому современный уголовный процесс нуждается в таком закреплении понятий, которое не требует применения аналогии и не будет порождать различных толкований в практической деятельности. Ревизия всех способов собирания доказательств позволит сформулировать оптимальные и единообразные правила поведения в уголовном процессе. Анализируя вышеуказанные институты, можно усмотреть среди средств доказывания получение объяснения от сторон. Безо всякого основания такого средства нет в уголовном процессе.

Безусловно, возникает и ряд иных вопросов, которые подлежат урегулированию, а именно: обеспечение участникам права на защиту, предупреждение об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. Однако необходимо учесть минимальный набор прав и обязанностей, которые подлежат разъяснению опрашиваемым лицам перед дачей ими объяснений, которые

можно считать достаточными и отвечающими требованиям назначения уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что процесс собирания доказательств неразрывно связан со способом их собирания, под которым понимается совокупность и порядок действий субъектов доказывания, направленных на собирание доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий в целях их использования при принятии процессуальных решений уполномоченными на то должностными лицами, а также заинтересованных участников уголовного судопроизводства путем предоставления сведений, имеющих отношение к правовому спору. Оптимальный выбор таких действий и будет способствовать успешному решению задач правоохранительными органами.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что оптимизация собирания доказательств – это процесс выбора наилучших вариантов доказательственной деятельности с целью достижения наибольшей эффективности уголовного процесса. Одним из таких вариантов могут быть сведения, полученные в ходе дачи объяснений, которые должны использоваться в качестве полноценного источника доказательств в ходе расследования уголовного дела.

Список источников

1. Бестаев А. О. Способы собирания доказательств в уголовном процессе России: монография. Москва: Юрлитинформ, 2007.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Москва, 2005. 527 с.
4. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма, 2009. 238 с.
5. Уголовное дело № 11901800034000880 // ОМВД России по Уфимскому району Республики Башкортостан.
6. Уголовное дело № 12001800034000698 // ОМВД России по Уфимскому району Республики Башкортостан. Оп. 1. 130 л.

References

1. Bestaev A. O. Ways of collecting evidence in the criminal process of Russia: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2007.
2. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921.
3. Belkin A. R. Theory of proof in criminal proceedings. Moscow, 2005. 527 p.
4. Sheifer S. A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Moscow: Norma, 2009. 238 p.

5. Criminal case No. 11901800034000880 // MIA of Russia for the Ufimsky district of the Republic of Bashkortostan.

6. Criminal case No. 12001800034000698 // MIA of Russia for the Ufimsky district of the Republic of Bashkortostan. Op. 1. 130 l.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022; одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 06.08.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 343.13

Периодизация развития представлений о принципах медиации в национальном уголовно-процессуальном праве: исторический экскурс

Баймухаметова Гульдана Маратовна
Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
Косшы, Казахстан, astana.dana@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1888-8373>

Аннотация. В настоящей статье рассматривается институт медиации в уголовном процессе казахского общества через призму истории. Рассмотрены три основных исторических периода, на примере которых продемонстрированы элементы института медиации в обычном праве казахов, в советском праве и в независимом национальном праве.

Ключевые слова: медиация, уголовный процесс, обычное право казахов, советское право, примирение сторон

Для цитирования: Баймухаметова Г. М. Периодизация развития представлений о принципах медиации в национальном уголовно-процессуальном праве: исторический экскурс // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 10–14.

Original article

Periodization of the development of ideas about the principles of mediation in the national criminal procedure law: historical digression

Baymukhametova Guldana M.
Law enforcement academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, Koshy,
Kazakhstan, astana.dana@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1888-8373>

Abstract. This article examines the institution of mediation in the criminal process of Kazakh society through the prism of history. Three main historical periods are considered, on the basis of which the elements of the institution of mediation in the customary law of the Kazakhs, in Soviet law and in independent national law are demonstrated.

Keywords: mediation, criminal process, Kazakh customary law, Soviet law, reconciliation of the parties

For citation: Baymukhametova G. M. Periodization of the development of ideas about the principles of mediation in the national criminal procedure law: historical digression // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 10–14.

Введение. В условиях гуманизации общества, а также становления института медиации в качестве важнейшего аспекта политики гуманизации, видится актуальным рассмотреть настоящий институт через призму истории, дабы наглядно продемонстрировать не только наличие элементов медиативного характера в судах обычного и советского права, но и выявить корни института медиации в современном Казахстане.

Рассматривая предмет исследования в аспекте исторического материализма, необходимо дать краткий анализ того или иного исторического периода, чтобы правильно оценить институт медиации в его историческом контексте. Разумно будет подразделить весь анализ на три основных периода: 1) период обычного права (XVIII – первая половина XIX в.); 2) период советского права (XX в.); 3) период независимого национального права (конец XX – настоящее

время). Данное деление обусловлено историческими переменами, которые кардинально меняли право в казахском обществе: 1) для первого периода главным событием является рост российского влияния на казахское общество; 2) для второго периода, очевидно, это Великая Октябрьская социалистическая революция; 3) для третьего периода – отход от социализма, становление рыночной экономики. Интересным представляется рассмотрение медиации через призму этих исторических событий, кардинально повлиявших на институт права в обществе.

1. XVIII – первая половина XIX в. Известно, что наказание по своей сути является мерой государственного принуждения. Поэтому наказание в его общепринятом смысле не проявляется в тех случаях, когда государственный аппарат не имеет явно выраженной силы. В этой связи в обычном праве казахов периода XVIII – первой половины XIX в. мы замечаем лишь слабые проявления наказания в форме государственного принуждения. Такое положение объясняется тем, что судьи-бии не имели в своих руках силы государственного аппарата, поэтому не могли принуждать осужденного подчиниться приговору. Как правильно указывал профессор С. Л. Фукс, «отсутствие государственного принуждения в области юстиции есть в действительности лишь одно из проявлений крайней слабости центральной власти и использования родовой организации для целей государственного принуждения» [1, с. 93]. И действительно, данное положение привело к тому, что большинство споров в казахском обществе разрешалось сторонами самостоятельно, без привлечения судей. Как правило, обиженная сторона, если ей это позволяло положение в обществе, осуществляла барымту, то есть самовольный грабёж имущества обидчика [2, с. 134]. Естественно, самоуправство, будучи проявлением отсутствия сильной централизованной власти, являлось огромной общественной проблемой, потому что самоуправство обиженной стороны становилось причиной подобных действий другой стороны, что лишь приводило к эскалации конфликта. Поэтому барымта в первоначальном виде являлась скорее формой межродовой борьбы, нежели формой разрешения спора.

Однако барымта со временем переросла в юридический институт и по сути получила свою легализацию в суде биев [3, с. 4]. Основными формами давления на осужденного в суде биев являлись авторитет самого бия и общественное мнение, а не сила государственного аппарата [4, с. 291]. Поэтому телесные наказания приводились в исполнение не специальными людьми, а добровольцами из числа «хороших людей», что лишь подтверждает отсутствие у судебной власти сил для принуждения. В этой связи суд биев являлся по своей сути медиативным только потому, что данный судебный орган не способен был принуждать стороны к исполнению приговора, которое возлагалось непосредственно на стороны спора. Поэтому правильным было бы утверждать, что суды биев являлись

легализацией самоуправления родовых организаций через принцип медиативного соглашения.

Рост колониального влияния Российской империи стал причиной постепенного упадка традиционной судебной власти в казахском обществе [5, с. 156]. Колониальная политика, сперва позволившая судам биев функционировать по прежним порядкам, со временем привела к их замене имперскими судами. Уже в 1822 году барымта – свойственный суду биев юридический институт – была признана уголовным правонарушением [6, с. 97].

Таким образом, медиация в эпоху обычного права осуществляется в судах биев по причине слабости централизованной власти и отсутствия у суда сил государственного аппарата. Исходя из этого, можно отметить, что основным принципом данного суда является возложение исполнения приговора непосредственно на стороны конфликта или же на других добровольцев. При этом данный суд не учитывает многие аспекты современного института медиации, к которым, например, можно отнести принцип преодоления конфликта как такового. Здесь мы же наблюдаем, что не конфликт разрешается путем переговоров, а, скорее, самоуправство сторон легализуется в рамках судебного процесса.

2. XX век. В результате Октябрьской революции и последовавших за ней реформ в Казахстане произошла отмена устаревших традиционных институтов казахского обычного права, таких как кун, калым, многоженство, аменгерство, барымта, и начался процесс эмансипации казахских женщин, освобождение трудящихся, становление казахского пролетариата. На этом фоне также была создана национальная казахская государственность в форме союзной республики [7, с. 322].

Уже с 1918 года начинается серьезный пересмотр всех сфер жизни общества, в том числе вопросов права. Советская власть, установившаяся, в том числе, и в казахском обществе, приступает к масштабным реформам. Ещё в годы Гражданской войны начали формироваться товарищеские суды Красной Армии, в юрисдикцию которых входили преступления, умалявшие звание военнослужащего. Данные товарищеские суды состояли из членов, избранных ротами; их целью было поддержание армейской дисциплины и морального духа путем рассмотрения незначительных проступков против военного порядка, солдатского долга и товарищества, в том числе проступков за невыполнение отдельных мелких приказов, растрату военного имущества, оскорбление товарищей, пьянство, азартные игры и предвзятое поведение [8, с. 849].

Первые гражданские товарищеские суды были образованы в 1919 г. Декретом СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» с целью поднять трудовую дисциплину и производительность труда [9, с. 486]. Дисциплинарные товарищеские суды (как они тогда назывались) рассматривали дела о нарушении трудовой дисциплины,

за которые могли налагаться взыскания вплоть до лишения свободы и увольнения с работы [10, с. 487]. Такие суровые наказания считались необходимыми для укрепления советской власти в первые годы. В то же время, однако, были доступны менее суровые меры, такие как выговор и временное лишение права голоса и права быть избранным на профсоюзных выборах.

Важным аспектом реформ советского уголовного права 1959 года была передача некоторых судебных функций товарищеским судам, которые представляли собой непрофессиональные трибуналы, созданные для рассмотрения мелких правонарушений на предприятиях, в жилых домах, колхозах, университетах и других местах. Например, в Положении, утвержденном Постановлением Совета Министров Казахской ССР от 28 октября 1963 г. «О государственной лесной охране Казахской ССР», указано, что дела о возмещении небольшого размера ущерба лесному хозяйству и другие лесонарушения рассматриваются в товарищеских судах. А в Положении, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 28 марта 1977 г. «О товарищеских судах», прямо установлено, что товарищеские суды рассматривают дела по небольшим правонарушениям, совершенным лицом впервые.

Товарищеские суды укомплектовывались не государственными служащими, а добровольцами; их целью являлось достижение исправления нарушителя путем убеждения, а не принуждения. Помимо своего практического значения, они также играли важную роль в осуществлении марксистско-ленинской теории о том, что при строительстве социализма и коммунизма будет сокращаться использование формальных и принудительных санкций и увеличиваться использование неформальных и народных инструментов самоуправления [11, с. 9]. Предусматривалось, что само явление преступления – это лишь оставшиеся элементы капиталистического строя, которые постепенно исчезнут в Советском Союзе, так как проявления индивидуализма, институт частной собственности и буржуазная мораль будут искоренены при строительстве коммунизма.

В общем и целом, в основе института товарищеских судов заложено представление о том, что официальный закон – это всегда орудие принуждения, находящееся в руках правящего класса. Поэтому товарищеские суды рассматривались как истинно демократические методы разрешения конфликтов, без применения орудия насилия государственного аппарата [12, с. 40].

В целях подчеркивания контраста между убеждающим характером товарищеских судов и принудительным характером обычных правоохранительных органов, а также в целях освобождения товарищеских судов от требований уголовного и уголовно-процессуального кодексов, уголовная терминология избегается в законе о товарищеских судах. Например, лицо, обвиняемое в совершении преступления, явля-

ется не «обвиняемым», как в обычных уголовных судах, а «лицом, привлекаемым к товарищескому суду»; если же он был признан виновным, то он называется «лицом, привлеченным к товарищескому суду». Товарищеский суд применяет не «наказание», а только «меры общественного воздействия», к которым относятся: требование публичного извинения, предупреждение, порицание, выговор и другие меры.

Исходя из изложенного, можно выделить основной принцип товарищеских судов – это, очевидно, отступление от принудительных мер воздействия на правонарушителя. Товарищеский суд реализует медиацию посредством воспитательного воздействия на нарушителя, игнорируя карательные меры государственного аппарата.

3. Конец XX века – настоящее время. После обретения независимости в Республике Казахстан начались серьезные правовые реформы, которые привели к резкому отказу от советского наследия. В условиях политико-экономического кризиса и дестабилизации правовые нормы не всегда успевали за фактическими изменениями, что естественным образом отразилось на нормативных правовых актах, которые де-юре действовали, а де-факто уже не применялись. Например, то же положение «О товарищеских судах» 1977 г. продолжало действовать вплоть до 1995 г., что подтверждается Указом Президента РК, имеющим силу Закона, от 25 декабря 1995 г. № 2725 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Казахской ССР и Республики Казахстан». Но очевидно, что в условиях реставрации рыночных отношений, в эпоху становления капиталистической экономики нельзя говорить о существовании в таком обществе элементов социалистического общества, коими и являлись товарищеские суды. Более вероятен тот факт, что положение «О товарищеских судах» оставалось действительным лишь де-юре, а фактически этот институт уже не функционировал. Поэтому в период с 1991 по 2002 г. институт медиации находился в нестабильном состоянии.

Указом Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 г. № 949 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан» был взят курс на «широкое внедрение института примирения». В этом же нормативном правовом акте уточняется, что примирение в уголовном процессе должно достигаться через процедуру медиации. Наконец, после Указа Президента РК от 24 августа 2009 г. № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» уже в 2010 г. разрабатывается проект Закона РК «О медиации», и в 2011 г. Закон РК № 401-IV «О медиации» был окончательно принят [13, с. 105].

Целями введения института медиации в уголовный процесс являлись: 1) снижение конфликтности и напряженности споров; 2) снижение нагрузки на судебные органы; 3) ускорение и упрощение уголовного процесса [14, с. 608]; 4) развитие альтернативных методов разрешения спора [15, с. 35].

Сегодня институт медиации в Республике Казахстан достаточно развит. Так, в 2018 г. количество уголовных дел, окончившихся примирением сторон, составляло 28,3 %, в 2019 – 20,6 %, в 2020 – 14,7 %, в 2021 – 10,2 % [16].

Может ошибочно показаться, что данные цифры говорят о плохом функционировании медиации в рамках уголовного процесса. Но эти показатели объясняются совершенно другими причинами. Так, за период с 2018 по 2021 г. процентное отношение тяжких и особо тяжких преступлений, которые не могут быть окончены медиативным соглашением, к общему количеству правонарушений возросло с 24,1 % до 46,3 % [16]. Этим и объясняются вышеприведенные статистические показатели.

В основу деятельности института медиации в настоящем его положении ставится принцип преодоления конфликта как такового. Поэтому медиативные соглашения направлены, в первую очередь, на сглаживание и разрешение конфликта путем переговоров между сторонами. Таким образом, разрешается не просто конфликт, но и его негативные последствия, которые имеют психический характер.

Заключение. Подводя итог настоящему исследованию, можно отметить, что в казахском обществе институт медиации, так или иначе, существовал ещё с периода обычного права, в котором он выражался в судах биев. В советский период данный институт приобрел широкое распространение в форме товарищеских судов. И наконец, сегодня институт медиации всецело функционирует в уголовном процессе, демонстрируя положительные результаты разрешения конфликта путем его преодоления.

Следовательно, налицо различные представления о принципах медиации в разных исторических условиях. Если в обычном праве суд биев выступал как способ легализации самоуправства родовых организаций, то в советском праве товарищеский суд уже выступает как метод реализации народной демократии, а в период независимого Казахстана данный институт приобретает совершенно иные принципы, которые, скорее, относятся к плоскости совершенствования уголовного процесса в целом.

Список источников

1. Фукс С. Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 224 с.
2. Фукс С. Л. Барымта (очерк обычного права казахов XVIII – XIX вв.) // Ученые записки (выпуск третий): сб. Харьков: Харьковский юрид. ин-т им. Л. М. Кагановича, 1948. С. 131–170.
3. Useinova K., Toktybaev A., Isabekov A., Sartaev S., Zhainak A. Barymta – as an institution of the legal system // E3S Web of Conferences 159, 05005. 2020. Pp. 1–9.
4. Assanova S., Serikuly A., Abikenov A. A Comparative Analysis of the Mediation in Kazakhstan and States of Victoria and New South Wales // Australasian Dispute Resolution Journal update: Vol 29 Pt 4. 2019. Pp. 289–301.

5. Mazhitova Zh., Atanakova K., Uskembayev K. Convergence of Customary Law and Sharia in the Kazakh Steppe Based on Russian Reports (First Half of the 19th Century) // Utopía y Praxis Latinoamericana, vol. 25, no. Esp.5, 2020. pp. 154–162.

6. Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов / Т.М. Культелеев. Караганды: Болашак-Баспа, 2004. 430 с.

7. Bakirova A. M., Serikbayeva S.S. Legal Culture of Soviet Kazakhstan // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8. Issue 1. Pp. 319–322.

8. Harold J. Berman & James W. Spindler. Soviet Comrades' Courts // 38 Wash. L. Rev. 842. 1963. Pp. 842–910.

9. Осипович В. Товарищеские суды на фабрично-заводских предприятиях и в государственных и общественных предприятиях / В. Осипович // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 16. 3 мая. С. 486–487.

10. Царегородцев Б. Товарищеские суды на предприятиях / Б. Царегородцев // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 16. 3 мая. С. 487–488.

11. Уразалиев Т. Организация и деятельность товарищеских судов (по материалам Казахской ССР): автореф. дис. Алма-Ата, 1966. 25 с.

12. Факурдинова А. Г. Правовая основа деятельности товарищеских судов (1920-е – начало 1930-х гг.) // Право: история и современность. 2019. № 4 (9). С. 33–43.

13. Мицкая Е. В. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Уральского отделения Рос. акад. наук. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 103–121.

14. Smatlayev B., Ayubaev M., Baimoldina S., Saktaganova I. On the improvement of pre-trial dispute settlement in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan // Laplage em Revista (International), vol.7, n. 3 Am Sept. Dec. 2021. pp. 608–615.

15. Сулейменова У. А. Медиация как альтернативный способ разрешения споров // Состояние и перспективы развития института медиации в условиях социальной модернизации Казахстана: материалы междунаро. науч.-практ. конф. (19 октября 2012 г.). Астана: Ин-т законодательства Республики Казахстан, 2012. 172 с.

16. Форма № 1. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 12 мес. 2018, 2019, 2020, 2021 гг. // Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Нур-Султан, 2021.

References

1. Fuchs S. L. The customary law of the Kazakhs in the XVIII – first half of the XIX century // Nauka Publishing House. KazSSR, Alma-Ata, 1981. 224 s.
2. Fuchs S. L. Barymta (an essay on the customary law of the Kazakhs of the XVIII – XIX centuries) // Collection "Scientific notes (issue three)". Publication of the L. M. Kaganovich Kharkiv Law Institute. Kharkov, 1948. 131–170 s.

3. Useinova K., Toktybaev A., Isabekov A., Sartayev S., Zhainak A. Barymta – as an institution of the legal system // E3S Web of Conferences 159, 05005. 2020. Pp. 1–9.

4. Assanova S., Serikuly A., Abikenov A. A Comparative Analysis of the Mediation in Kazakhstan and States of Victoria and New South Wales // Australasian Dispute Resolution Journal update: Vol 29 Pt 4. 2019. Pp. 289–301.

5. Mazhitova Zh., Atanakova K., Uskembayev K. Convergence of Customary Law and Sharia in the Kazakh Steppe Based on Russian Reports (First Half of the 19th Century) // Utopía y Praxis Latinoamericana, vol. 25, no. Esp.5, 2020. pp. 154–162.

6. Kulteleev T. M. Criminal customary law of the Kazakhs // Bolashak-Baspa Publishing House. Karaganda, 2004. 430 s.

7. Bakirova A. M., Serikbayeva S. S. Legal Culture of Soviet Kazakhstan // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8. Issue 1. Pp. 319–322.

8. Harold J. Berman & James W. Spindler. Soviet Comrades' Courts // 38 Wash. L. Rev. 842. 1963. Pp. 842–910.

9. Osipovich V. Comrades' courts at factory enterprises and in state and public enterprises / V. Osipovich // Weekly Soviet Justice. 1928. No. 16. May 3. pp. 486–487.

10. Tsaregorodtsev B. Friendly courts at enterprises // Weekly of Soviet Justice. No. 16, May 3, 1928. 487–488 p.

11. Urazaliev T. Organization and activity of friendly courts (based on the materials of the Kazakh SSR): abstract. Alma-Ata, 1966. 25 p.

12. Fakurdinova A. G. The legal basis for the activities of friendly courts (1920s – early 1930s years) // Law: history and modernity. 2019. № 4 (9). P. 33–43.

13. Mitskaya E. V. Mediation in the criminal process of the Republic of Kazakhstan // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 18. Issue 3. Pp. 103–121.

14. Smatlayev B., Ayubaev M., Baimoldina S., Saktaganova I. On the improvement of pre-trial dispute settlement in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan // Laplage em Revista (International). Vol. 7, n. 3 Am Sept. Dec. 2021. Pp. 608–615.

15. Suleimenova U. A. Mediation as an alternative way of dispute resolution // State and prospects of development of the Institute of mediation in the conditions of social modernization of Kazakhstan: Materials of the international scientific and practical conference on October 19, 2012. Astana: State Institution "Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan", 2012. 172 p.

16. Form No. 1 Report on the work of the courts of first instance on the consideration of criminal cases for 12 months 2018, 2019, 2020, 2021. // Committee on Legal Statistics and Special Records of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Nursultan. 2021.

The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 06.08.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022; одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 16.09.2022.

Исторический путь российского уголовного процесса. Размышления после научно-практической конференции «20 лет действия УПК РФ: уроки и перспективы»

Давлетов Ахтям Ахатович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, davletoff2020@rambler.ru

Аннотация. 26–28 мая 2022 года в Омской академии МВД России состоялась научно-практическая конференция «20 лет действия УПК РФ: уроки и перспективы». Автор анализирует доклады участников конференции и излагает свою позицию по заявленной теме. Отмечается, что главными уроками применения УПК РФ являются безуспешные попытки преобразовать наш уголовный процесс в состязательную (англосаксонскую) форму и сохранение традиционной континентальной (смешанной) его модели, в рамках которой все эти годы развивается уголовно-процессуальная деятельность, и на базе которой следует разработать новый УПК РФ.

Ключевые слова: состязательность, тип уголовного процесса, современный российский уголовный процесс, доктрина нового УПК РФ

Для цитирования: Давлетов А. А. Исторический путь российского уголовного процесса. Размышления после научно-практической конференции «20 лет действия УПК РФ: уроки и перспективы» // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 15–18.

Original article

The historical path of the Russian criminal process. Reflections after the scientific and practical conference «20 years of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: lessons and prospects»

Davletov Akhtyam A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, davletoff2020@rambler.ru

Abstract. On May 26–28, 2022, the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia hosted a scientific and practical conference «20 years of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: lessons and prospects». The author analyzes the reports of the conference participants and states his position on the stated topic. It is noted that the main lessons of the application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are unsuccessful attempts to transform our criminal process into an adversarial (Anglo-Saxon) form and the preservation of the traditional continental (mixed) model of it, within which criminal procedural activity has been developing all these years, and on the basis of which a new Criminal Procedure Code of the Russian Federation should be developed.

Keywords: adversarial nature, type of criminal process, modern Russian criminal process, the doctrine of the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation

For citation: Davletov A. A. The historical path of the Russian criminal process. Reflections after the scientific and practical conference «20 years of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: lessons and prospects» // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 15–18.

Текущий 2022 год имеет особую значимость для уголовного процесса, поскольку 1 июля исполняется 20 лет со дня вступления в действие УПК РФ. Прошедшая 26–28 мая этого года в Омской академии МВД России научно-практическая конференция стала заметным событием в научной жизни юристов-процессуалистов. Множество представителей различных регионов России, а также исследователей из ряда других стран получили возможность высказать свои мнения в контексте заявленной темы. Эта юбилейная дата отмечалась во многих юридических сообществах и собраниях, однако конференция в Омске была, на мой взгляд, самой представительной и продуктивной.

Очевиден тот факт, что за годы действия УПК РФ все процессуалисты разделились на две группы: сторонников и противников состязательности.

Произошло это потому, что состязательность как форма осуществления юридического производства в советское время законодательного закрепления не имела и рассматривалась в науке как способ организации только судебной части уголовного производства (М. С. Строгович) либо как «вредная буржуазная конструкция» (М. А. Чельцов).

По окончании советского периода наиболее рьяные реформаторы бросились искать альтернативу действующей форме уголовного процесса, считая ее недемократичной и поэтому неправильной. Решение усмотрели в состязательности, что нашло свое отражение в Концепции судебной реформы (24 октября 1991 г.). После закрепления в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ требования состязательности судопроизводства реформаторы посчитали, что в основном законе страны их позиция получила необходимое подтверждение и предприняли попытку реализовать идею состязательности в УПК РФ в масштабе всей уголовно-процессуальной деятельности, т. е. не только на ее судебном этапе, где состязательное построение юридической процедуры является аксиомой, но и в досудебных стадиях, которым такая конструкция была неизвестна.

Первый урок 20-летнего опыта применения УПК РФ – это крах заложенной в нем идеи состязательности. Организация уголовного процесса в соответствии с триадой функций – обвинения, защиты и разрешения дела – оказалась нежизнеспособной в досудебном производстве; следователь не превратился в участника стороны обвинения; адвокат-защитник не стал равноправной стороной правового состязания; институт исключения доказательств проявил крайне низкую эффективность; установка на объективную истину, а также соблюдение требований всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, несмотря на формальный отказ от них, фактически продолжает действовать и т. д. В результате принцип состязательности, закрепленный в масштабах всего уголовного производства (ст. 15 УПК РФ), не получил своей реализации на его досудебном этапе, а осуществляется лишь в судебных стадиях.

Таким образом, в своей основе современный российский уголовный процесс сохранил ту же структуру, которая была в советское время. Этот факт констатирует в своем выступлении на конференции один из ярых сторонников состязательности нижегородский профессор А. С. Александров [1, с. 7–8]: «А по сути устройство уголовно-процессуального механизма принципиально не изменилось по сравнению с советской уголовно-процессуальной моделью. И даже по сравнению с досоветской – русской моделью уголовного судопроизводства имперского периода».

Уважаемый коллега убежден, что такая модель неизбежно порождает обвинительный уклон и далее пишет: «Обвинительный уклон – реальность, которую трудно отрицать. Понимаю начальников, в силу своего положения обязанных оправдывать существующее положение вещей. Труднее понять коллег-ученых, представляющих большую часть научного сообщества, которые являются приверженцами следственной идеологии и не хотят перемен».

Трудно согласиться с данной логикой. С одной стороны, обвинительный уклон признается реальным положением вещей (отметим, на протяжении уже более двух столетий), а с другой – это расценивается как негатив, в существовании которого повинна «большая часть научного сообщества», не желающая перемен.

Я являюсь приверженцем исторически сложившейся традиционной идеологии отечественного уголовного процесса и, вероятно, отношусь к этой части научного сообщества, однако считаю, что УПК РФ и сложившаяся на его основе правоприменительная практика далеки от совершенства и нуждаются в переменах. Того же мнения доктор юридических наук А. А. Орлова [1, с. 39], полагающая, что действующие уголовно-процессуальные нормы «свидетельствуют, с одной стороны, о несовершенстве изначально сформулированной концепции уголовно-процессуального закона, а с другой стороны, – об отсутствии единых концептуальных подходов к практике реформирования уголовного судопроизводства на современном этапе оптимизации его правового регулирования».

Два десятилетия действия УПК РФ и накопившиеся за это время проблемы со всей очевидностью привели к выводу о необходимости разработки нового уголовно-процессуального кодекса. Как отмечает профессор А. В. Победкин [1, с. 45–46], «за 20 лет применения УПК РФ успел безнадежно себя дискредитировать, невзирая на непрерывные попытки реанимировать его поточными правками. Назрела потребность в принятии нового уголовно-процессуального закона, что признают и должностные лица, ответственные за законотворчество».

Отсюда следует, что, как и в 2001 году, перед нами встает ключевой вопрос: каким быть новому УПК РФ? И здесь абсолютно права профессор И. В. Смолькова [1, с. 65–66], которая остерегается от поспешности в этом важном деле и заявляет: «Прежде чем приступить к реформированию УПК РФ, необходимо вы-

работать стратегию, определяющую дальнейшую направленность развития уголовно-процессуального законодательства, его ценностное ориентирование, отражающее господствующее в обществе представление о справедливости и значимости. Необходимо определить программу действий на достаточно продолжительный период времени, определяющую долгосрочный вектор развития уголовно-процессуального законодательства». А далее автор называет главную стратегическую задачу «выбрать модель уголовного процесса, которой должна следовать Россия (континентальная, англосаксонская, смешанная)».

Уважаемая коллега И. В. Смолькова точно сформулировала суть и масштаб проблемы, которую надлежит решить законодателю в обозримом будущем. Именно ясно выраженная и аргументированная идея правовой организации уголовно-процессуальной деятельности, отвечающая потребностям и условиям современной России, должна быть представлена авторами-разработчиками нового уголовно-процессуального кодекса.

Все последние десятилетия сторонники состязательности преподносят такое построение уголовного производства как сугубо положительное явление, тогда как его антипод, обозначаемый неблагозвучными терминами «инквизиционный» или «розыскной» процесс, подают в негативном свете. Однако при этом не раскрывается суть рассматриваемой проблемы, не указываются глубинные причины той стабильности существующего положения вещей, которая констатируется самими «состязательщиками». Это фундаментальная основа может быть обнаружена лишь при обращении к историческому типу уголовного процесса – англосаксонскому и романо-германскому – и выявлении того из них, к которому принадлежит отечественное уголовное производство.

Принципиальное различие этих моделей заключается в том, что в англосаксонском процессе нет формально закрепленного досудебного производства (предварительного расследования), а вся процессуальная деятельность осуществляется сторонами обвинения и защиты перед судом. Поэтому вся эта работа имеет состязательную форму, что позволяет ставить знак равенства между англосаксонским уголовным процессом и состязательностью. Другими словами, полностью состязательное уголовное производство – это англосаксонское судопроизводство.

Уголовный процесс стран континентальной Европы (Франции, Германии и других) функционирует в двухэтапной структуре. Вначале (в досудебном производстве) раскрывается преступление, привлекается обвиняемый, после чего в судебном производстве уголовное дело разрешается по существу. В такой конструкции состязательная процедура присуща правосудию, тогда как в предварительном расследовании состязательности нет, т. к. в нем нет арбитра в противоборстве сторон, а следовательно выступает полновластным «хозяином» дела.

В связи с этим уместен вопрос: почему в единой европейской семье сложились разные юридические производства?

Потому, что перед ними ставились разные познавательные цели. В странах континентальной Европы исторически сформировалась установка на выяснение действительных обстоятельств преступления; того, что было на самом деле, т. е. материальной (объективной) истины. Для этого потребовалось привлечь силы и возможности государства в лице специальных органов предварительного расследования. Поэтому задача постижения объективной истины повлекла обособление досудебного этапа с несостязательным порядком функционирования и судебного этапа, осуществляемого в состязательной процедуре.

В Англии же на первый план вышла задача формального разрешения правового спора двух равноправных субъектов: потерпевшего и преступника. При этом не потребовалось особого вмешательства государства и потому вся работа по обоснованию своих позиций возлагалась на стороны обвинения и защиты. В итоге это привело к созданию сугубо судебного уголовного процесса с состязательной формой его построения.

Изложенное позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов. Первый – проблему состязательности следует рассматривать не саму по себе, а как качественную характеристику более общего понятия типа (формы, модели) уголовного процесса. Второй вывод в европейской цивилизации исторически сформировались две основные модели уголовного процесса: англосаксонский и континентальный, которым присуща состязательность, но в разных проявлениях (масштабах). Третий вывод заключается в том, что идея полной состязательности это идея «англосаксонизации» уголовного производства, к чему вольно или невольно призывают апологеты состязательного реформирования российского уголовного процесса. Вывод четвертый двадцатилетний опыт применения УПК РФ со всей очевидностью показал, что современный российский уголовный процесс сохранил свою двухэтапную организацию с установкой на материальную истину. Досудебное производство как было, так и остается в розыскной (несостязательной) форме, и только в судебном производстве, когда складывается «треугольник» стороны и суд, функционирует состязательность как юридическая процедура взаимодействия этих субъектов.

Отсюда второй важный урок прошедших двадцати лет действия УПК РФ попытка сломать исторически сложившуюся и проверенную временем континентальную (романо-германскую, смешанную) модель отечественного уголовного процесса обречена на неудачу.

Теперь о другом вопросе, вынесенном на конференцию: каковы перспективы развития уголовно-процессуального законодательства?

Принципиальный ответ на вопрос уже получен: историческая форма российского уголовного про-

цесса в его исходных системообразующих элементах – установке на материальную истину и двухэтапной структуре производства – остается неизменной. Поэтому то новое, что объективно нуждается в правовом закреплении, должно базироваться на этой принципиальной основе.

Процесс выработки новой надстройки идет все эти 20 лет. В многочисленных дополнениях и изменениях, внесенных в УПК РФ за эти годы, явно обнаруживается тенденция, ранее неизвестная отечественному законодательству и получившая название «баланс публичного и частного интересов».

Этот правовой феномен отражает новое соотношение интересов государства и личности, закрепленное в Конституции РФ. Если в советский период приоритет публичного начала перед частным был аксиомой, то в настоящее время задача соблюдения и защиты прав и свобод человека стала основополагающим требованием развития общества (ст. 2 Конституции РФ). Особенно ярко это проявляется в сфере уголовно-процессуальной деятельности, где правовое положение личности существенно укрепились, что, в свою очередь, повлекло сокращение ограничительных возможностей государственно-властных органов.

На сегодня баланс публичного и частного интересов фактически стал главным вектором развития уголовно-процессуального законодательства и во многом правоприменительной практики, однако не получил своего признания в официальной доктрине совершенствования уголовного производства.

В связи с этим на первый план выходит задача разработки теоретической концепции, лежащей в основе исторически сформировавшейся модели отечественного уголовного процесса в ее новой, современной трактовке.

Такая концепция отражает революционный путь развития уголовно-процессуального законодательства, базирующегося на российском национальном менталитете и традициях нашего общества. Политические и социально-экономические условия существования России последние десятилетия однозначно указывают на объективную необходимость движения в данном направлении. Именно об этом заявил президент России В. В. Путин в октябре 2021 года на заседании дискуссионного клуба «Валдай»: «Мы полагаем, что должны опираться на свои духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа», и отметил, что необходимые социальные преобразования следует производить на основе разумного консерватизма, придерживаясь принципа «не навреди» [2]. Прошедшая научно-практическая конференция со всей остротой обозначила в качестве неотложной проблемы представление на суд юридической общественности теоретической конструкции, на основе которой надлежит разработать современный и перспективный уголовно-процессуальный кодекс.

4 марта 2022 года в Омской Академии МВД России состоялась успешная защита докторской диссертации Н. В. Азарёнка на тему «Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы». В ней глубоко исследована природа отечественного уголовного процесса как производства континентального типа, выдвинуты и обоснованы направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики на современном этапе развития нашего общества. В своих принципиальных подходах и решениях данная концепция предложена в качестве теоретической доктрины нового УПК РФ. Заинтересованный читатель может найти в этой работе аргументированные и обстоятельные ответы на все вопросы, которые я только затронул в своих размышлениях.

Список источников

1. 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26–28 июня 2022 года) / под ред. А. В. Павлова. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 7–8.

2. ТАСС. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай»: полный текст // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://tass.ru/politika/12727931>.

References

1. 20 let dejstviya ugovovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj federacii: uroki i perspektivy: tezisy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (26–28 iyunya 2022 goda) / Pod red. A. V. Pavlov. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2022. S. 7–8.

2. TASS. Vystuplenie Vladimira Putina na zasedanii kluba «Valdaj»: polnyj tekst // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <https://tass.ru/politika/12727931>.

Информация об авторе

Давлетов Ахтям Ахатович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Davletov Akhtyam A. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 28.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 343.131.8

Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу

Жусипбекова Айнур Маратовна
Академия управления МВД России, Москва, Россия, kz_a_zh@mail.ru

Аннотация. В статье на основе изучения уголовно-процессуальной доктрины и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации делается вывод о существовании структурного элемента доказывания, именуемого исследованием доказательств. Автор раскрывает сущность исследования доказательств, отличия данного элемента структуры доказывания от иных элементов, таких как собирание, проверка и оценка доказательств. На основе проведенного анализа предложено определение исследования доказательств.

Ключевые слова: доказывание, исследование доказательств, исследование специалиста, следственное исследование, судебное исследование, экспертное исследование, элемент структуры доказывания

Для цитирования: Жусипбекова А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 19–23.

Original article

Investigation of evidence as an element of proving in a criminal case

Zhussipbekova Ainur M.
Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, kz_a_zh@mail.ru

Abstract. In the article based on the study of the criminal procedure doctrine and the criminal procedure legislation of the Russian Federation, the author came to the conclusion about the existence of a structural element of proof, referred to as the study of evidence. The author reveals the essence of the study of evidence, the differences of this element of the structure of evidence from other elements such as the collection, verification and evaluation of evidence. Based on the analysis, the definition of evidence research is proposed.

Keywords: proving, investigation of evidence, specialist research, investigative research, judicial research, expert research, element of the structure of evidence

For citation: Zhussipbekova A. M. Evidence studies as an element of evidence in a criminal case // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 19–23.

На протяжении последних лет развития национальной системы уголовного судопроизводства законодатель, опираясь на труды ученых-процессуалистов, мнения практических работников и другие позиции, стремится создать наиболее приемлемые для современного общества механизмы предварительного расследования и судебного разбирательства, предполагающие разумный баланс между публичными и частными интересами, между правами потерпевшего от преступления, с одной стороны, и личности, подвергаемой уголовному преследованию, – с другой. Причем на этом фоне особое место занимают вопросы познания и доказывания обстоятельств уголовного дела, повышенный интерес к которым об-

условлен стремлением привести уголовную юстицию в соответствие с общепризнанными мировыми стандартами правосудия, что, в свою очередь, порождает множество проблем в правоприменительной практике и дискуссий среди ученых-процессуалистов.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет доказывание как деятельность, направленную на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и состоящую из трех элементов: 1) собирание доказательств; 2) проверка доказательств; 3) оценка доказательств (ст. 85 УПК РФ). Этот же подход ранее вытекал из ст. 70–71

Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, а также поддерживается во многих научных публикациях.

Вместе с тем существуют и несколько иные доктринальные позиции. Например, в ряде научных источников отмечается, что подобная конструкция (доказывание есть собирание, проверка и оценка доказательств) не в полной мере соответствует сущности доказывания как сложного комплекса познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов, методологически основанных на законах гносеологии и формальной логики, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и обуславливающих возможность надлежащего обоснования приговоров либо иных правоприменительных решений [1, с. 9]. Поэтому многие ученые-процессуалисты наряду с собиранием, проверкой и оценкой доказательств включают в структуру доказывания и некоторые другие элементы, в том числе так называемое исследование доказательств [2, с. 116].

Несмотря на повсеместное использование, категория «исследование доказательств» – один из наименее разработанных объектов уголовно-процессуального регулирования в целом и доказательственного права в частности. В настоящее время, несмотря на неоднократное использование в тексте УПК РФ, она не подразумевает единообразного толкования, что затрудняет надлежащее понимание ее сущности и места в общей системе действий и решений органов предварительного расследования и суда, а также обуславливает потребность в продолжении научных изысканий по данному вопросу.

Российский законодатель неоднократно прибегал к использованию термина «исследование доказательств», но преимущественно в части процессуальной регламентации судебного производства, где под таким исследованием фактически понимается познавательная деятельность, связанная с восприятием судом, сторонами и другими присутствующими лицами сведений, как правило, уже нашедших отражение в материалах уголовного дела. Тогда как в части досудебного производства термин «исследование доказательств» практически не используется. Вместо этого законодатель периодически оперирует более широким термином «исследование», под которым применительно к различным правоотношениям понимает совершенно разные формы процессуального поведения тех или иных субъектов стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: предварительное исследование предметов и документов в ходе доследственной проверки, экспертное исследование и т. д. Таким образом, категория «исследование доказательств» заслуживает более пристального научного внимания, нуждаясь в подробном доктринальном осмыслении в качестве одной из составляющих процесса доказывания по уголовному делу.

В этой связи необходимо обратить внимание, что само по себе понятие «исследовать» в русском

языке предполагает два филологических значения: 1) подвергнуть научному изучению; 2) осмотреть (осматривать) что-либо, кого-либо для выяснения, изучения чего-нибудь [3; 4]. Примерно такой же подход просматривается и в публикациях уголовно-процессуальной направленности. Однако, говоря об исследовании доказательств, некоторые ученые понимают под ним мыслительный процесс – процесс познания дознавателем, следователем, судом формы и содержания полученных доказательств [5, с. 129; 6, с. 17]. При этом ввиду определённой синонимичности терминов «познание» и «изучение» авторы, как правило, отождествляют процесс исследования доказательств с их изучением.

В специальной литературе можно встретить несколько научных позиций о сущности исследования доказательств. Например, по мнению Ю. К. Орлова, исследование доказательств сливается с его получением при получении вербальной доказательственной информации [7 с. 113]. То есть автор и иные ученые-процессуалисты считают, что исследование доказательств происходит непосредственно при их поиске и собирании [8, с. 300; 9, с. 302; 10, с. 106]. А. А. Пионтковской, в свою очередь, отмечает, что при ознакомлении с материалами уголовного дела логическое познание этих материалов сочетается с их чувственным восприятием [11, с. 26]. Говоря иначе, исследование – элемент оценки доказательств [12, с. 75; 13, с. 103; 14, с. 15]. Третья группа авторов считает, что исследование доказательств – то же самое, что и их проверка [5, с. 232; 15, с. 17]. Так, В. Д. Арсеньев, понимая под исследованием доказательств их проверку, подразумевал под этим деятельность по изучению содержания, качества, свойств полученных доказательств [16, с. 16]. К слову, последнее находит отражение в п. 12. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Ученые-процессуалисты, как правило, остаются единодушными в понимании исследования доказательств как процесса, осуществляемого не ранее собирания соответствующих сведений и их закрепления в материалах уголовного дела. [17, с. 48; 18, с. 5]. В целом подобный подход вполне разумен и справедлив, поскольку исследовать то, что еще не найдено, не обнаружено, не оказалось в распоряжении либо в зоне внимания дознавателя, следователя, суда, представляется невозможным. Так, например, суд не способен исследовать доказательства, которые предварительно не были собраны органами предварительного расследования или представлены в судебное заседание сторонами либо истребованы судом по собственной инициативе. Иными словами, на момент исследования все подобные доказательства уже находятся в распоряжении суда (говоря образно, «лежат на столе у судьи»). И в этой связи полное отождествление категорий «собирание доказательств» и

«исследование доказательств» видится не вполне логичным и приемлемым.

Вместе с тем нельзя согласиться с точкой зрения, предполагающей возможность исследования доказательств лишь по завершении их собирания, то есть только после придания соответствующим предметам, документам, сведениям требуемого юридического состояния – статуса одного из предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ информационных продуктов: показаний, вещественных доказательств, протоколов следственных действий и т. д. Ведь в правоприменительной практике исследование тех или иных сведений осуществляется одновременно с их накоплением (собираем), в частности фиксации в протоколе соответствующего следственного действия. Наиболее четко эта особенность проявляется в части работы с теми доказательствами, которые появляются в распоряжении дознавателя, следователя, суда в качестве готовых информационных продуктов (предметов или документов), а затем приобщаются к уголовному делу на основании специального решения (например, ч. 2 ст. 81, ст. 286 УПК РФ), что требует их предварительного исследования на предмет установления свойств, предопределяющих их признание полноценными и пригодными для дальнейшего использования средствами доказывания.

Нельзя согласиться и с вышеуказанной точкой зрения, отождествляющей исследование доказательств с их проверкой, состоящей в сопоставлении доказательств между собой, установлении источника доказательственной информации, а также получении новых доказательств, подтверждающих либо опровергающих проверяемые доказательства. Различия исследования и проверки доказательств обусловлены разным предметом этих форм реализации процессуальных полномочий органов предварительного расследования и суда [8, с. 243; 19, с. 19; 20, с. 27–28]. Так, в отличие от исследования доказательств, направленного на установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, проверка, в первую очередь, сопряжена с получением вспомогательных сведений, способствующих пониманию относимости, допустимости, достаточности каждого средства доказывания в отдельности и их достаточности в совокупности. Кроме того, исследованию подлежат все попавшие в зону внимания дознавателя, следователя, суда доказательства – иное просто лишало бы их познавательной ценности, не позволяло воспользоваться соответствующими сведениями для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу и обоснования предполагаемого правоприменительного решения. Тогда как проверке подвержены не все доказательства, а лишь те, которые не предполагают преюдициального характера, то есть не содержат сведений, установленных ранее вступившим в законную силу приговором или иным актом суда общей юрисдикции либо арбитражного суда.

Исследование доказательств нельзя отождествлять и с их оценкой – данные категории теории доказывания и доказательственного права весьма различны, в частности, потому, что оценке доказательств всегда предшествует познание, то есть исследование доказательственной информации, ибо только таким путем может формироваться суждение о ценности этой информации для уголовного дела и путях ее использования по назначению [21, с. 82]. Кроме того, в отличие от оценки доказательств их исследование, главным образом, заключается в том, что наряду с мыслительной деятельностью включает и практическую деятельность дознавателя, следователя, суда, состоящую в восприятии доказательств путем их прочтения, наблюдения, сравнения, измерения, описания и т. п. Тогда как оценка доказательств – исключительно мыслительная деятельность субъекта доказывания, которая находит свое выражение в логически правильно сконструированных выводах и суждениях по уголовному делу.

Таким образом, исследование доказательств, будучи встроенным в общую структуру доказывания, не может отождествляться ни с их собиранием, ни с оценкой, ни с проверкой. Оно представляет собой отдельный структурный элемент процесса доказывания, дающий возможность дознавателю, следователю, суду надлежащим образом воспринять и изучить отдельные средства доказывания. А итогом полного, всестороннего и объективного исследования собранных доказательств является их оценка и использование для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и обоснования соответствующего приговора или иного правоприменительного решения, в частности решения органа предварительного расследования, завершающего досудебное производство по уголовному делу (о направлении дела в суд с обвинительным заключением либо о прекращении уголовного дела и т. д.).

В этой связи стоит обратить внимание на ненадлежащую законодательную регламентацию исследования доказательств, в частности на отсутствие соответствующей статьи в гл. 11 УПК РФ, предусматривающей лишь нормы, определяющие условия и порядок собирания, проверки и оценки доказательств. Исследование доказательств, будучи выражено в их восприятии, изучении, анализе и, таким образом, представляя собой необходимую часть доказательственной деятельности органов предварительного расследования и суда, должно обрести соответствующую процессуальную регламентацию – подобно тому, как этот вопрос решен в законодательстве ряда государств, возникших на постсоветском пространстве, в частности в ст. 127 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Итак, исследование доказательств представляет собой совокупность мыслительной и практической деятельности дознавателя, следователя, суда по восприятию, изучению и рассмотрению доказательств, собранных или собираемых по уголовному делу. Яв-

ляясь элементом процесса доказывания, исследование доказательств не может отождествляться ни с их поиском, ни с собиранием, ни с оценкой, ни даже с проверкой. В этой связи представляется целесообразным дополнить гл. 11 УПК РФ новой статьей 86.1 «Исследование доказательств» следующего содержания: «Исследование доказательств заключается в познавательной и практической деятельности дознавателя (органа дознания), следователя, суда по изучению и рассмотрению доказательств путем их прочтения, наблюдения, сравнения, измерения, описания и т. п. в целях их дальнейшей оценки и использования для принятия решения по уголовному делу».

Список источников

1. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 41 с.
2. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М., 2021. 408 с.
3. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10220>
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117
5. Белкин А. Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М.: Норма, 1999. 429 с.
6. Байчорова Ф. Х., Хутов В. Р. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61-11.
7. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. 175 с.
8. Жогин Н. В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 468 с.
10. Валяев А. И. Проверка доказательств как самостоятельный элемент процессуального доказывания // Актуальные проблемы судостроительства, судопроизводства и прокурорского надзора. М., 1985. С. 105–107.
11. Пионтовский А. А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 6. М.: Госюриздат, 1955.
12. Притузова В. А. Заключение эксперта как доказательство в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1959. 162 с.
13. Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М.: Госюриздат, 1957. 199 с.
14. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М.: Госюриздат, 1959. 168 с.
15. Винберг А. И. Криминалистика: учебник. М.: Госюриздат, 1950. Ч. 1. 304 с.
16. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит., 1964. 179 с.
17. Белкин П. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966. 295 с.
18. Пашкевич П. Ф. Объективность судебного исследования уголовного дела // Сов. юстиция. 1961. № 10.
19. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. 160 с.
20. Доля Е. А. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. 1994. № 1.
21. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007. 528 с.

References

1. Rossinsky S. B. Conceptual foundations of the formation of the results of "nonverbal" investigative and judicial actions in proving a corner case: abstract. dis. ... Dr. yurid. sciences'. M., 2015. 41 p.
2. Rossinsky S. B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence: monograph. M., 2021. 408 p.
3. Ozhegov's Explanatory Dictionary online [Electronic resource]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10220>
4. Explanatory dictionary of the Russian language / edited by D. N. Ushakov: Explanatory dictionary of the Russian language / edited by D. N. Ushakov: in 4 v. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117
5. Belkin A. R. Theory of proof. Scientific and methodological manual. M.: Norma, 1999. 429 p.
6. Baychorova F. H., Khutov V. R. Investigation of evidence in criminal proceedings // Trends in the development of science and education. 2020. № 61-11.
7. Orlov Yu. K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. M.: Jurist, 2009. 175 p.
8. Zhogin N. V. Theory of evidence in the Soviet criminal process. ed. 2nd revised and supplemented. M.: Legal Literature, 1973. 736 p.
9. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. Vol. 1: The basic provisions of the science of the Soviet criminal process. M.: Nauka Publishing House, 1968. 468 p.
10. Valyaev A. I. Verification of evidence as an independent element of procedural proof // Actual problems of the judicial system, court proceedings and prosecutorial supervision. M., 1985. pp. 105–107.
11. Piontkovsky A. A. On the question of the theoretical foundations of Soviet criminalistics // Soviet criminalistics in the service of investigation. Issue № 6. M.: Gosyurizdat, 1955.
12. Prituzova V. A. Expert opinion as evidence in criminal proceedings. M.: Yurid.lit., 1959. 162 p.

13. Vasiliev A. N., Mudyugin G.N., Yakubovich N.A. Planning the investigation of crimes. M.: Gosyurizdat, 1957. 199 p.

14. Ulyanova L. T. Evaluation of evidence by the court of first instance. M.: Gosyurizdat, 1959. 168 p.

15. Vinberg A. I. Criminalistics: Textbook, part 1. M.: Gosyurizdat, 1950. 304 p.

16. Arsenyev V. D. Questions of the general theory of judicial evidence. M.: Yurid. lit, 1964. 179 p.

17. Belkin R. S. Collecting, research and evaluation of evidence. Essence and methods. M.: Nauka, 1966. 295 p.

18. Pashkevich P. F. Objectivity of judicial investigation of a criminal case // Sov. justice. 1961. № 10.

19. Larin A. M. Investigation in a criminal case: procedural functions. M., 1986. 160 p.

20. Dolya E. A. Verification of evidence in the Russian criminal process (stage of preliminary investigation) // Jurisprudence. 1994. № 1.

21. Belkin A. R. Theory of proof in criminal proceedings. M.: Norm, 2007. 528 p.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Кто инициирует особый порядок прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа?

Соколов Илья Александрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, sokolovipo.2018@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9504-9215>

Аннотация. В статье рассматривается начальный момент прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа по ходатайству органа предварительного расследования. Аргументируется, что инициатором особого порядка освобождения от уголовной ответственности по компромиссному нереабилитирующему основанию является не следователь, дознаватель, а подозреваемый, обвиняемый, так как именно он заглаживает вред, причиненный преступлением, и выражает свое согласие на прекращение уголовного преследования.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, компромиссное нереабилитирующее основание, судебный штраф, особое уголовное производство

Для цитирования: Соколов И. А. Кто инициирует особый порядок по прекращению уголовного дела с назначением судебного штрафа? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 24–28.

Original article

Who initiates a special procedure for the termination of a criminal case with the appointment of a court fine?

Sokolov Ilya A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, sokolovipo.2018@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9504-9215>

Abstract. The article considers the initial moment of termination of a criminal case with the appointment of a court fine at the request of the preliminary investigation body. It is argued that the initiator of a special procedure for exemption from criminal liability on a compromise non-rehabilitating basis is not an investigator, an inquirer, but a suspect accused, since it is he who makes amends for the harm caused by the crime and expresses his consent to the termination of criminal prosecution.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, preventive measures, combination of preventive measures, bail, detention, prohibition of certain actions

For citation: Sokolov I. A. Who initiates a special procedure for terminating a criminal case with the imposition of a judicial fine? // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 24–28.

Гуманизация современной уголовной политики является одним из основных направлений деятельности государства. Данный вектор был указан в 2002 г. в Послании Президента Российской Федерации: «...нам крайне важна гуманизация уголовного законодательства и системы наказаний. Сегодня за преступления небольшой и средней тяжести фактически следуют те же самые санкции, что и за тяжкие. Преступность от этого не уменьшается, а люди только ожесточаются» [1]. Заданная траектория развития находит свое отражение в российском законодательстве, в частности, путем применения компромиссных производств

разрешения уголовно-правовых конфликтов между органами публичной власти и личностью. В связи с этим А. Г. Маркелов, говоря о компромиссном подходе в уголовном судопроизводстве, утверждает, что данный подход «предполагает преобразование всех норм и институтов, а в перспективе – рождение новой уголовно-процессуальной формы разрешения уголовно-правового конфликта между заинтересованными сторонами, а также принятия окончательно решения по делу» [2, с. 55].

Одним из направлений компромиссного разрешения уголовно-правовых конфликтов стало прекращение уголовного преследования в связи с позитивным посткриминальным поведением лица, совершившего преступление. Уже в первоначальной редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) были закреплены такие основания прекращения уголовного дела, как примирение сторон (ст. 25 УПК РФ) и деятельное раскаяние (ст. 28 УПК РФ). В 2011 г. появляется еще один вариант прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, именуемое с 2018 г. как «прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба» (ст. 28.1 УПК РФ). Уголовно-процессуальный закон был дополнен в 2016 году новым основанием (ст. 25.1 УПК РФ), которое именуется как прекращение уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, занявшим в настоящее время ведущее место среди компромиссных оснований освобождения от уголовной ответственности. В 2020 г. по основанию ст. 25.1 УПК РФ были прекращены уголовные дела в отношении 56 973 лиц [3], что составило более 1/3 от общего количества прекращенных дел по нереабилитирующим основаниям.

Значительным отличием является наличие специальной процедуры прекращения уголовного преследования по данному основанию, урегулированной в отдельной главе 51.1 УПК РФ. Согласно положениям, содержащимся в этой главе, уголовное дело может прекращаться в двух вариантах: а) в общем порядке, когда вопрос о прекращении уголовного преследования возникает в судебных стадиях и разрешается судом без какого-либо содействия со стороны органа предварительного расследования; б) в особом порядке, когда деятельность, направленная на освобождение лица от уголовной ответственности, начинается в стадии предварительного расследования, а завершается в суде.

По всем иным компромиссным основаниям (в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием, возмещением ущерба) дело может быть прекращено лишь в общем порядке, то есть без какого-либо вмешательства в эту процедуру со стороны следователя, дознавателя. Однако, несмотря на то, что действующий уголовно-процессуальный закон и позволяет следователю и дознавателю прекращать уголовные дела самостоятельно в соответствии со ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ, в правоприменительной практике данное правомочие органами предварительного расследования не реализуется.

Возможность участия органов дознания и предварительного следствия в процедуре освобождения лица от уголовной ответственности повлекло значительный рост количества прекращенных уголовных дел с назначением судебного штрафа. С появлением специальной процедуры (гл. 51.1 УПК РФ) в 2020 г. от уголовной ответственности были освобождены 15

470 лиц [4] – это 36,8 % от общего числа освобожденных по данному основанию.

Особый порядок прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа начинается в том случае, «если в ходе предварительного расследования будет установлено, что имеются предусмотренные статьей 25.1 УПК РФ основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора выносят постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, которое вместе с материалами уголовного дела направляется в суд». (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ).

Исходя из этих норм, можно полагать, что инициаторами прекращения уголовного дела являются следователь, дознаватель. Данная точка зрения поддерживается некоторыми учеными. Так, В. В. Солодовник считает, что в качестве инициаторов принятия решения в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ выступают следователь, дознаватель [5, с. 67].

Однако в действительности ситуация не так однозначна.

В статье 25.1 УПК РФ содержится такая формулировка: «если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред».

В науке уголовного процесса значительным кругом авторов факт заглаживания преступного вреда признается основанием для прекращения уголовного преследования, а такая необходимая предпосылка, как совершение впервые преступления, относящегося к категории небольшой и средней тяжести, – условием [6, с. 118].

Отсюда следует, что исходным обстоятельством, лежащим в основе освобождения лица от уголовной ответственности, является факт заглаживания вреда, причиненного преступлением. В связи с этим уместен вопрос: кто осуществляет заглаживание вреда? Ответ очевиден: тот, кто своими противоправными действиями причинил пострадавшей стороне вред, тот и должен устранить негативные последствия.

Проведенное автором анкетирование дознавателей, следователей показало, что в 90 % случаев инициатором прекращения уголовного дела в порядке ст. 25.1 УПК РФ является подозреваемый, обвиняемый либо его защитник. Прокурор кассационно-надзорного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Свердловской области Е. В. Ряпосова отмечает, что подозреваемый, обвиняемый и их защитники вправе обратиться к следователю с ходатайством о направлении уголовного дела в суд для назначения штрафа и прекращения уголовного дела [7].

Такое же мнение высказывается в юридической науке. Так, А. Г. Маркелов говорит о необходимости закрепления в УПК РФ положения, которое позволило бы обвиняемому при условии возмещения им вреда заявить ходатайство об освобождении его от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [8, с. 85].

Некоторые авторы смотрят на проблему шире, полагая, что не только уголовно преследуемое лицо, но и потерпевший вправе инициировать производство по прекращению уголовного дела. Например, А. Д. Смыр утверждает: «Для наиболее продуктивного использования меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа представляется необходимым закрепить в статьях УПК РФ за подозреваемым, обвиняемым, их законными представителями и защитниками, а также потерпевшим, его представителем право заявлять следователю, дознавателю и суду соответствующие ходатайства, для того, чтобы и они могли инициировать рассмотрение этого вопроса» [9, с. 138].

Аналогичное мнение высказывает Р. В. Мазюк: «Невключение законодателем указанных лиц, имеющих процессуальный интерес на прекращение уголовного дела, по статье 25.1 УПК РФ, в число инициаторов такого прекращения можно рассматривать как нарушение назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» [10, с. 40].

На наш взгляд, неоправданно в данной ситуации ставить в один ряд уголовно преследуемое лицо и потерпевшего, рассматривая их как равнозначных инициаторов прекращения уголовного дела. Безусловно, потерпевший является лицом, прямо заинтересованным в разрешении уголовного дела, в том числе в справедливости избрания одного из двух вариантов: осуждения виновного либо освобождения его от уголовной ответственности. Однако действующее законодательство не предусматривает учета мнения потерпевшего на прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа (его согласия или ходатайства), тогда как в отношении подозреваемого, обвиняемого закон прямо указывает на необходимость его согласия на освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию (ч. 2 ст. 27 УПК РФ). Позиция потерпевшего в данном случае значима не как инициатора прекращения уголовного дела, а как лица, непосредственно связанного с заглаживанием вреда, так как именно потерпевший определяет характер и размер причиненного деянием ущерба и оценивает полученную от подозреваемого, обвиняемого компенсацию. Другими словами, потерпевший должен подтвердить факт возмещения вреда.

Таким образом, в ситуации заглаживания вреда действуют два участника уголовного дела: потерпевший и уголовно преследуемое лицо. При этом их интерес не совпадает. Если первый заинтересован в получении компенсации, то второй – в стремлении

избежать уголовной ответственности. Для того, чтобы появилось основание прекращения уголовного дела (факт заглаживания вреда), необходимо процессуальное закрепление позиций обоих участников. Потерпевшему надлежит подтвердить возмещение вреда путем подачи заявления об этом, тогда как подозреваемому, обвиняемому требуется заявить ходатайство по прекращению уголовного дела с назначением судебного штрафа. Так, например, по уголовному делу № 12201650030000106 подозреваемым был полностью возмещен причиненный ущерб потерпевшему АО «Агрофирма Патруши». В связи с этим следователю СО МО «Сысертский» от уголовно преследуемого лица поступило ходатайство о прекращении уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В свою очередь, от потерпевшей стороны поступило заявление о том, что ущерб подозреваемым полностью возмещен и претензий АО «Агрофирма Патруши» не имеет [11]. В данном случае факт возмещения преступного вреда подтверждается двумя документами: ходатайством подозреваемого и заявлением потерпевшего, которые лягут в основу процедуры, предусмотренной статьей 446.2 УПК РФ.

Какова же роль следователя при таких обстоятельствах? Практика показывает, что большинство следователей и дознавателей, расследующих преступления небольшой и средней тяжести, не предпринимают каких-либо активных действий в целях прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, полагая, что это проблема самого подозреваемого, обвиняемого и его адвоката. Это объясняется тем, что УПК РФ не содержит норм, обязывающих орган предварительного расследования действовать в данном направлении, что вполне оправданно, так как главная задача следователя, дознавателя заключается в привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, а не в освобождении от нее.

Представляется, что в рассматриваемой ситуации следователю надлежит производить следующие действия. Во-первых, еще в начале предварительного расследования необходимо разъяснить потерпевшему и лицу, совершившему преступление, положения уголовного и уголовно-процессуального закона, регламентирующие порядок прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа, то есть информировать указанных участников о возможности освобождения от уголовной ответственности в случае заглаживания вреда.

Во-вторых, оказывать содействие потерпевшему и стороне защиты в заглаживании вреда, например, в организации их общения для обсуждения позиций и согласования условий компенсации причиненного ущерба. Разумеется, при этом следователь не должен превращаться в посредника или третьей стороны, ему необходимо ограничиваться разъяснением потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому законных вариантов разрешения правового конфликта. В

противном случае либо стороны упускают возможность прекращения уголовного дела в особом порядке, либо всю организационную работу по заглаживанию вреда осуществляет адвокат-защитник. При этом следователь не должен самостоятельно производить оценку возмещаемого вреда, выполняя функции судебного органа в рассматриваемой процедуре. Другими словами, лицо, осуществляющее уголовное преследование, в этой конструкции играет роль формального исполнителя, который при появлении необходимых условий и оснований освобождения лица от уголовной ответственности обязан принять соответствующее решение.

В-третьих, следователь разрешает ходатайство уголовно преследуемого лица о прекращении дела в порядке ст. 25.1. УПК РФ, при этом проверяя наличие только необходимых предпосылок и основания.

На наш взгляд, в данном случае следователь не свободен в своем усмотрении, т. к. по смыслу ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ законодатель не использует диспозитивную норму «вправе», а закрепляет императивное положение «следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела».

Таким образом, основная задача следователя – проверка наличия необходимых для прекращения уголовного дела предпосылок: а) условия – совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести; б) основания – заглаживание вреда. Лишь при отсутствии какой-либо из этих предпосылок следователь правомочен отказать в удовлетворении ходатайства о начале процедуры прекращения уголовного дела.

Ситуация несколько упрощается в том случае, когда по уголовному делу нет потерпевшего, а причиненный преступлением вред затрагивает исключительно общественные, государственные интересы. Здесь заглаживание вреда целиком осуществляется подозреваемым, обвиняемым в различных формах позитивного посткриминального поведения: помощь детским домам, денежные взносы в благотворительные фонды и т. д. В данном варианте следователю достаточно располагать одним ходатайством уголовно преследуемого лица, подтвержденным документами, свидетельствующими о заглаживании вреда, чтобы принять решение о начале процедуры освобождения лица от уголовной ответственности.

Когда в уголовном деле имеется потерпевший, следователю необходимо установить факт примирения сторон, а именно процессуально подтвердить факт заглаживания вреда, при котором пострадавшая сторона была бы удовлетворена. Уголовно-процессуальный закон, как было отмечено ранее, не предусматривает в качестве обязательного условия прекращения уголовного преследования согласие потерпевшего. Поэтому в противном случае, когда уголовно преследуемое лицо исполнило посткриминальные позитивные действия в отношении по-

терпевшего путем заглаживания вреда, а последний не согласен с суммой или объемом «возмещенного», следователь не вправе, только на основании позиции потерпевшей стороны, отказывать в удовлетворении ходатайства.

Итак, отправной точкой, с которой начинается особый порядок освобождения лица от уголовной ответственности, является факт заглаживания вреда, выступающий основанием прекращения уголовного дела (ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ). Это фактическое обстоятельство создается уголовно преследуемым лицом. Поэтому именно подозреваемый, обвиняемый, заинтересованный в освобождении от уголовной ответственности, выступает инициатором процедуры прекращения дела путем заявления своего ходатайства об этом. Следователь не является инициатором процедуры прекращения уголовного дела в особом порядке. Задача следователя – направление материалов в суд для решения вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности.

Список источников

1. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства: послание Президента Российской Федерации от 18.04.2002 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>.
2. Маркелов А. Г. Идея компромисса в российском уголовном процессе как мера противодействия преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 48–59.
3. Сводные статистические сведения о состоянии преступности за 2017–2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru>.
4. Судебная статистика РФ за 2020 г. // Агентство правовой информации: сайт. URL: <http://stat.api-пресс.рф>.
5. Солодовник В. В. Особенности применения упрощенной формы уголовного судопроизводства, связанной с назначением судебного штрафа // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1 (33). С. 64–69.
6. Анощенкова С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 114–125.
7. Судебный штраф в качестве меры уголовно-правовой ответственности. Аппарат прокуратуры Свердловской области // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru>.
8. Маркелов А. Г. О компромиссе при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 83–88.
9. Смир А. Д. Либерализация уголовной политики и применение уголовно-процессуальных норм, регламентирующих вопросы прекращения уголовного дела или уголовного преследования // Вестник

Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4(47). С. 137–143.

10. Мазюк Р. В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства при прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа // Академический юридический журнал. 2017. № 3 (69). С. 38–45.

11. Уголовное дело № 12201650030000106 // Архив СО МО «Сысертский»

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 21.05.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 16.09.2022.

References

1. On the situation in the country and the main directions of the domestic and foreign policy of the state: message of the President of the Russian Federation of 18.04.2002 // President of Russia: official. website. URL: <http://www.kremlin.ru>

2. Markelov A. G. The idea of a compromise in the Russian criminal process as a measure to counteract crime // Bulletin of the Tomsk State University. Right. 2021. No. 39. P. 48–59.

3. Summary statistical information on the state of crime for 2017–2020 // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: site. URL: <http://www.cdep.ru>

4. Judicial statistics of the Russian Federation for 2020 // Legal Information Agency: site. URL: <http://stat.api-press.rf>.

5. Solodovnik VV Peculiarities of applying a simplified form of criminal proceedings related to the imposition of a judicial fine // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (33). pp. 64–69.

6. Anoshchenkova S. V. Appointment of a judicial fine: questions of theory and practice // Journal of Russian law. 2017. No. 7. P. 114–125.

7. Judicial fine as a measure of criminal liability. Apparatus of the Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region // General Prosecutor's Office of the Russian Federation: site. URL: <https://epp.genproc.gov.ru>.

8. Markelov A. G. On a compromise when terminating a criminal case or criminal prosecution in connection with the appointment of a criminal law measure in the form of a judicial fine // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. P. 83–88.

9. Smyr A. D. Liberalization of criminal policy and the application of criminal procedural norms governing the termination of a criminal case or criminal prosecution // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4(47). pp. 137–143.

10. Mazyuk R. V. Procedural interests of participants in criminal proceedings when a criminal case is terminated in connection with the appointment of a judicial fine // Academic legal journal. 2017. No. 3 (69). pp. 38–45.

11. Criminal case No. 12201650030000106 // Archive SO MO "Sysertsy"

Современные проблемы применения залога как меры пресечения

Стельмах Владимир Юрьевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, vlstelmah@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7558-6531>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты избрания залога в качестве меры пресечения. Аргументируется, что залог, являясь обычной мерой пресечения, может быть избран по инициативе органа предварительного расследования. При этом, наряду с общим порядком, законодательно предусмотрен специальный порядок применения залога – по инициативе обвиняемого (подозреваемого) одновременно с рассмотрением ходатайства следователя об избрании более строгой меры пресечения. Уточняется место залога в иерархии мер пресечения в зависимости от их строгости, уясняются связанные с этим возможности самостоятельного избрания судом другой меры пресечения. Рассматривается статус залогодателя, вносится предложение о запрете внесения в качестве залога государственного или муниципального имущества. Обсуждается возможность избрания залога по инициативе залогодателя без согласия обвиняемого (подозреваемого), констатируется необходимость учета в подобном случае мнения лица, подвергающегося уголовному преследованию. Уточняются некоторые существенные особенности процедуры избрания залога. Анализируется сущность решения суда об избрании другой меры пресечения в случае невнесения залога в установленный срок. Утверждается, что данное решение является не пересмотром судом собственного постановления, а констатацией невыполнения обвиняемым (подозреваемым) условий избрания данной меры пресечения. Обращение органа предварительного расследования с новым ходатайством об избрании другой меры пресечения требуется лишь тогда, когда первоначально следственным органом было заявлено ходатайство об избрании залога, в иных случаях суд продолжает рассмотрение первоначального ходатайства следователя об избрании меры пресечения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, меры пресечения, комбинация мер пресечения, залог, заключение под стражу, запрет определенных действий

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 29–34.

Original article

Modern problems of applying collateral as a preventive measure

Stelmakh Vladimir Yu.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, vlstelmah@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7558-6531>

Abstract. The article addresses some problematic aspects of the election of collateral as a preventive measure. It is argued that the pledge, being an ordinary preventive measure, can be elected at the initiative of the preliminary investigation body. At the same time, along with the general procedure, a special procedure for applying the pledge of – is legally provided for at the initiative of the accused (suspect) simultaneously with the consideration of the investigator's petition to choose a stricter preventive measure. The place of pledge in the hierarchy of preventive measures is being specified, depending on their severity, the possibilities of independent election by the court of another preventive measure are being clarified. The status of the pledger is considered, a proposal is made to prohibit the deposit of state or municipal property as collateral. The possibility of choosing a pledge at the initiative of the pledger without the consent of the accused (suspect) is discussed, the need to take into account in such a case the opinion of the person undergoing criminal prosecution. Some significant features of the procedure for electing collateral are being clarified. The essence of the court decision on the election of another preventive measure in case of non-pledge within the established period is analyzed. It is argued that this decision is not a revision by the court

of its own decision, but a statement of non-fulfillment by the accused (suspect) of the conditions for choosing this preventive measure. The appeal of the preliminary investigation body with a new petition for the election of another preventive measure is required only when the initial investigation body filed a petition for the election of bail, in other cases the court continues to consider the initial petition of the investigator for the election of a preventive measure.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, preventive measures, combination of preventive measures, bail, detention, prohibition of certain actions

For citation: Stelmakh V. Yu. Modern problems of applying collateral as a preventive measure // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 29–34.

Одной из мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, является залог (п. 5 ст. 98, ст. 106 УПК РФ). Весьма интересно, что законодательная конструкция залога не предусматривает каких-либо особенных, характерных только для этой меры пресечения, налагаемых на обвиняемого (подозреваемого) ограничений. Разумеется, таким ограничением можно считать сам факт внесения денег или иных ценностей в качестве предмета залога, однако при этом ч. 1 ст. 106 УПК РФ содержит лишь общее указание на то, что залог применяется в целях обеспечения явки обвиняемого (подозреваемого) к органу уголовного судопроизводства, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу. Иными словами, в данной норме практически дословно воспроизводятся общие основания избрания мер пресечения, распространяющиеся на каждую из них.

Очевидно, такая нормативная конструкция объясняется тем, что залог был задуман прежде всего как альтернатива заключению под стражу [1, с. 26]. Этим обусловлены некоторые иные весьма нетипичные для мер пресечения формулировки. В частности, в ч. 2 ст. 106 УПК РФ зафиксировано, что залог избирается по ходатайству обвиняемого (подозреваемого) либо другого физического или юридического лица (по смыслу закона, действующего в интересах субъекта, в отношении которого избирается мера пресечения). Совершенно очевидно, что обвиняемому нет никакого смысла ходатайствовать о применении меры пресечения к самому себе, за исключением единственного случая – если органами предварительного расследования заявлено ходатайство об избрании более строгой меры в отношении обвиняемого.

Формулировка ч. 2 ст. 106 УПК РФ привела некоторых исследователей к выводу о том, что залог не может быть избран по инициативе органов предварительного расследования. Однако такие утверждения представляются не вполне обоснованными. Залог является одной из мер пресечения, соответственно, имеет такое же предназначение, как и другие меры пресечения, избрание залога допускается при наличии общих условий и оснований, а также при соблюдении процессуального порядка применения мер пресечения. Иными словами, залог – обычная мера пресечения, избираемая прежде всего в интересах уголовного судопроизводства, и каким-либо образом

«выводить» его из компетенции органа предварительного расследования (что неизбежно произойдет при отрицании правомочий следователя по избранию залога) не представляется возможным. Такой же позиции придерживается Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъяснивший, что «решение об избрании меры пресечения в виде залога суд вправе принять не только по результатам рассмотрения ходатайства следователя, согласованного с руководителем следственного органа, или ходатайства дознавателя, согласованного с прокурором, но и по результатам рассмотрения ходатайства, заявленного подозреваемым, обвиняемым, его защитником, законным представителем либо другим физическим или юридическим лицом, а также по результатам обсуждения в судебном заседании возможности применения альтернативных заключению под стражу или домашнему аресту мер пресечения» (п. 49 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

Таким образом, существуют два порядка избрания залога: общий (по инициативе органов предварительного расследования) и специальный (по инициативе обвиняемого (подозреваемого) как альтернатива ходатайству следователя или дознавателя).

Общий порядок избрания залога в целом совпадает с порядком избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, о чем прямо указано в ч. 2 ст. 106 УПК РФ. При этом, разумеется, имеются некоторые особенности, обусловленные правовой сущностью залога.

В частности, перед возбуждением ходатайства об избрании данной меры пресечения следователь обязан не только установить наличие у обвиняемого (подозреваемого) имущества, способного выступить в качестве предмета залога, но и получить согласие обвиняемого (подозреваемого) или другого лица на то, чтобы соответствующие деньги или имущество были использованы как предмет залога. В данном аспекте залог имеет определенное сходство с такой мерой пресечения, как наблюдение командования воинской части, применение которой также допустимо только с согласия обвиняемого (подозреваемого) (ч. 2 ст. 104 УПК РФ).

В этом усматривается определенное отступление от общих правил, согласно которым меры пресечения избираются без учета мнения обвиняемого (подозреваемого), поскольку направлены на предотвращение возможных негативных действий именно с его стороны. Однако при избрании залога такое отступление выглядит вполне естественным, поскольку нельзя принудительно требовать ни от самого обвиняемого (подозреваемого), ни тем более от другого лица вносить какие-либо ценности для обеспечения должного поведения обвиняемого (подозреваемого). Весьма показательно, что законодатель не называет защитника в числе субъектов, правомочных заявлять альтернативное ходатайство об избрании залога. Это подчеркивает, что закон связывает возможность применения данной меры пресечения исключительно с волеизъявлением лица, имеющего залоговое имущество и желающего внести его в качестве предмета залога. Желание субъекта, не располагающего такими возможностями, не имеет никаких последствий для реального избрания рассматриваемой меры пресечения.

Необходимо учитывать, что согласие обвиняемого (подозреваемого) на избрание залога может быть получено, если следователь разъяснит данному лицу, что в противном случае будет применена более строгая мера пресечения. Таким образом, в рассматриваемой ситуации стороны обвинения и защиты достигают определенного консенсуса в установлении характера и размера ограничений, избираемых в отношении обвиняемого (подозреваемого). При этом данный консенсус нельзя считать компромиссом, поскольку орган предварительного расследования не может поступаться ни интересами судопроизводства, ни правами потерпевшего. Избрание залога, а не более строгой меры пресечения – это не компромисс между расследованием и обвиняемым (подозреваемым), не «движение навстречу» лицу, привлекающемуся к уголовной ответственности, а всего лишь определение следственным органом разумных пределов применяемого к обвиняемому (подозреваемому) принуждения, достаточного для обеспечения должного поведения лица, привлекающегося к уголовной ответственности.

Очевидно, что до обращения с ходатайством следователь должен определить предмет залога. В соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РФ в качестве такового могут выступать недвижимость, а также движимое имущество в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций. Закрепленный в законе перечень внешне выглядит как исчерпывающий, однако термин «ценности» включает в себя любое имущество, обладающее определенной стоимостью, поэтому фактически перечень исчерпывающим не является. При этом вносимые в качестве залога вещи должны обладать именно материальной ценностью; если они характеризуются только моральной значимостью для какого-либо лица, однако не имеют стоимости, при-

нятие их следователем недопустимо.

В силу прямого указания, сформулированного в ч. 3 ст. 106 УПК РФ, если в качестве залога вносится имущество, оно подлежит оценке, которая осуществляется в порядке, установленном гражданским законодательством. По смыслу закона, в соответствии с абз. 3 п. 43 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41, оценка имущества должна быть осуществлена не ранее чем за 5 рабочих дней до дня возбуждения следователем ходатайства об избрании залога. В постановлении следователя должна указываться стоимость имущества, предлагаемого в качестве предмета залога.

Помимо этого, требуется обеспечить выполнение условий, перечисленных в ч. 4 ст. 106 УПК РФ: а) недвижимость, акции, облигации и иные ценности должны находиться в собственности обвиняемого (подозреваемого) либо действующего в его интересах залогодателя; б) предоставление соответствующим субъектом подлинных документов, подтверждающих право собственности; в) отсутствие ограничений (обременений) на предмет залога.

Специальный порядок избрания залога заключается в том, что во время проведения судебного заседания по разрешению ходатайства следователя об избрании более строгой меры пресечения (заключения под стражу или домашнего ареста) обвиняемый (подозреваемый) или залогодатель вправе заявить альтернативное ходатайство об избрании залога. В этом случае оба ходатайства рассматриваются судом в одном производстве, то есть суд, по сути, выбирает, какое из данных ходатайств является более обоснованным.

В настоящее время законодатель установил частичную иерархию мер пресечения в зависимости от их строгости. Частичной эта иерархия выступает потому, что распространяется только на меры пресечения, избираемые в судебном порядке. Суть и практическая значимость данной иерархии в том, что суд, рассматривая ходатайство об избрании меры пресечения, вправе непосредственно в этом судебном заседании, по собственной инициативе, избрать в отношении обвиняемого менее строгую меру пресечения без заявления органом предварительного расследования ходатайства об избрании данной меры пресечения. С одной стороны, такой порядок за счет объединения практически одинаковых вопросов, отличающихся только принятием конечного решения, позволяет добиться значительной процессуальной экономии, соблюдения процессуальных сроков, а также всесторонности решения. С другой стороны, суд не выходит за пределы своей компетенции, поскольку данные правила распространяются только на меры пресечения, избираемые в судебном порядке.

Иерархия строгости мер пресечения прямо прослеживается из законодательных положений. При рассмотрении ходатайства об избрании заключения под стражу суд вправе избрать домашний арест, залог

или запрет определенных действий (ч. 7¹ ст. 108 УПК РФ), а при рассмотрении ходатайства об избрании домашнего ареста – залог или запрет определенных действий (ч. 5 ст. 107 УПК РФ). На этом законодательно закреплённая иерархия завершается. На первый взгляд, залог и запрет определенных действий признаются законодателем равными по строгости, поэтому для них подобной «заменяемости» непосредственно в УПК РФ не предусматривается. Вместе с тем в п. 51¹ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 разъясняется, что запрет определенных действий – менее строгая мера пресечения в сравнении с залогом, поэтому при рассмотрении ходатайства следственного органа о применении залога суд вправе вместо этого избрать в отношении обвиняемого (подозреваемого) запрет определенных действий.

Таким образом, в рамках специального порядка альтернативное ходатайство о применении залога может быть заявлено обвиняемым (подозреваемым) или залогодателем при рассмотрении судом ходатайства следователя об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу либо домашнего ареста.

Как было отмечено, закон допускает заявление ходатайства о применении залога не только обвиняемым (подозреваемым), но также иным физическим или юридическим лицом [2, с. 56–58], которое в законе именуется «залогодателем». В настоящее время УПК РФ подразумевает единственное требование к залогодателю – наличие у него в собственности имущества, которое может быть принято в качестве предмета залога. Закон не устанавливает никаких иных ограничений относительно как формы собственности, так и связи залогодателя с участниками судопроизводства.

Это вызывает обоснованные возражения. В качестве предмета залога могут быть внесены средства унитарных предприятий, то есть фактически государственное имущество. Например, директор государственного унитарного предприятия вправе внести имущество данного хозяйствующего субъекта в рамках избрания залога (в отношении работника предприятия либо даже в отношении самого себя), и в этом не будет никаких формальных нарушений, поскольку имущество находится в собственности государства, а директор возглавляет государственное предприятие. Совершенно очевидно, что, с одной стороны, обращение такого имущества в доход государства бессмысленно, а с другой стороны, в подобных ситуациях избрание залога не порождает ни для обвиняемого (подозреваемого), ни для залогодателя никакой ответственности, поскольку лично их утрата данного имущества не касается. Представляется, что из предмета залога следует исключить имущество, находящее в государственной или муниципальной собственности.

Весьма интересно, что закон не предусматривает обязательного согласия обвиняемого (подозреваемого) на избрание залога, если соответствующее ходатайство заявлено залогодателем. Данная проблема

может показаться надуманной, поскольку залог является менее строгой мерой пресечения в сравнении с теми, о применении которых ходатайствует следственный орган. Вместе с тем необходимо учитывать, что позиция обвиняемого (подозреваемого) может заключаться в принципиальном несогласии с избранием любой меры пресечения (например, при полном отрицании вины в инкриминируемом деянии). Не исключена ситуация, когда для обвиняемого (подозреваемого) по каким-либо личным обстоятельствам неприемлема ситуация материальной зависимости от залогодателя, в которую он попадает при согласии с избранием залога по ходатайству залогодателя. Очевидно, что в подобном случае ходатайство залогодателя должно быть обязательно рассмотрено судом исходя из императивного требования, закреплённого в ч. 2 ст. 106 УПК РФ, при этом суд обязан учесть мнение обвиняемого (подозреваемого). В подобной ситуации у суда имеется не две, а три равнозначные альтернативы: а) избрать меру пресечения, о которой ходатайствует орган предварительного расследования; б) избрать залог по ходатайству залогодателя; в) отказать в избрании как меры пресечения, заявленной в ходатайстве следственного органа, так и залога.

Избирая залог, суд вправе дополнительно применить к обвиняемому (подозреваемому) запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ (ч. 8¹ ст. 106 УПК РФ). Вводя такое правило, законодатель явно исходил из того, что сам по себе факт внесения денег или имущества обвиняемым (подозреваемым) или тем более залогодателем хотя и оказывает определенное сдерживающее воздействие на лицо, подвергающееся уголовному преследованию [3, с. 39–41], однако не в состоянии предотвратить отдельные действия с его стороны. Поэтому и появился своего рода «усиленный залог», то есть залог, как бы «отягощённый» запретами, включёнными в содержание другой меры пресечения. При этом законодатель не отказался от базового правила о возможности избрания обвиняемому (подозреваемому) только одной меры пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ), но пошел по пути «усиления» отдельных мер пресечения запретами, регламентированными ст. 105¹ УПК РФ. В результате появилась своего рода комбинация мер пресечения, когда на одну, «основную», как бы «наслаиваются» дополнительные запреты.

Такой способ нормативной регламентации мер пресечения представляется весьма перспективным, поскольку предусмотренные ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ запреты действительно достаточно эффективны для сдерживания некоторого нежелательного поведения обвиняемого (подозреваемого) [4, с. 27–28]. Вместе с тем следует отметить, что применительно к ст. 106 и 105¹ УПК РФ произошло не комбинирование, а полное слияние двух мер пресечения. Получилось, что в рамках залога применяется весь объем запретов, предусмотренных ст. 105¹ УПК РФ. Таким образом, невозможно установить, какая мера пресечения является основной, а какая применяется частично. В этой

связи вызывает возражения позиция И. С. Дикарева, полагающего, что «возложение запретов на подозреваемого или обвиняемого происходит в рамках применения к ним залога или домашнего ареста, а запреты при этом составляют часть содержания указанных мер пресечения» [5, с. 51]. Это было бы верно, если бы в рамках залога применялись только некоторые запреты, предусмотренные ст. 105¹ УПК РФ, однако они могут быть применены в полном объеме.

А. Н. Петрухина, положительно оценивая возможность дополнения залога запретами, предусмотренными ст. 105¹ УПК РФ, указывает, что «при наличии дополнительных запретов появляется возможность на усмотрение суда балансировать их с размером суммы залога и, таким образом, сделать залог как более мягкую меру более доступным» [6, с. 42]. С этим можно согласиться, но именно такое утверждение с очевидностью свидетельствует о слиянии двух мер пресечения.

Такая ситуация рискованна не с точки зрения несоответствия возлагаемых на обвиняемого (подозреваемого) ограничений, а, скорее, с общетодологической стороны, поскольку дальнейшее продолжение подобных тенденций способно радикальным образом изменить считающийся фундаментальным подход о возможности одновременного избрания к одному лицу единственной меры пресечения. Следует на теоретическом уровне проанализировать перспективы единовременного применения нескольких мер пресечения. Представляется, что это способно разрушить всю систему мер пресечения, поскольку в подобных условиях существование нескольких различных мер пресечения утрачивает практическую значимость.

Особенности порядка избрания залога заключаются также в том, что после принятия судом решения должно быть внесено залоговое имущество. Обязательность совершения подобных действий не характерна для других мер пресечения, однако залог начинает реально исполняться именно с внесения денег или имущества.

В соответствии с ч. 7 ст. 106 УПК РФ срок внесения залога устанавливается судом. Если на момент принятия судом решения об избрании данной меры пресечения обвиняемый (подозреваемый) задержан, суд вправе продлить срок задержания не более чем на 72 часа. По смыслу закона, если в срок задержания (в том числе с учетом судебного продления) залог не внесен, данная мера пресечения считается неизбранной.

Если обвиняемый (подозреваемый) не задержан, период внесения залога не ограничен определенным сроком. Вместе с тем представляется, что данный срок также не должен превышать 72 часов. Во-первых, необходим единый порядок правоприменения, поскольку вряд ли соответствует закону, когда срок внесения залога варьируется исключительно в зависимости от того, задержано или нет лицо, в отношении которого избирается мера пресечения. Во-

вторых, подобная унификация обеспечит равенство прав обвиняемых (подозреваемых), так как едва ли можно считать справедливым, когда срок внесения залога задержанным лицом жестко ограничивается 72 часами, в то время как для не задержавшегося лица он практически не имеет пределов. Теоретически суд может установить срок внесения залога в месяц или даже больше, и для этого нет никаких законодательных препятствий. В-третьих, 72-часовой предел внесения залога в полной мере соответствует принципу разумности сроков, в особенности с учетом сжатых временных промежутков избрания мер пресечения.

В ч. 7 ст. 106 УПК РФ закреплено правило, распространяемое в равной мере как на задержанных, так и на не задерживавшихся лиц, о том, что в случае невнесения залога в установленный судом срок суд рассматривает вопрос об избрании обвиняемому (подозреваемому) другой меры пресечения по ходатайству органа предварительного расследования. Данное положение требует определенных уточнений.

Во-первых, указанная процедура не является апелляционным обжалованием постановления суда об избрании залога, поэтому не ставится вопрос об отмене соответствующего судебного решения. Сущность данного правила в том, что первоначальное решение суда о применении залога фактически не выполнено, а данная мера пресечения реально не избрана. Поэтому суд не пересматривает свое собственное решение (что не допускается законом), а, констатируя его неисполнение обвиняемым (подозреваемым) либо залогодателем, заменяет меру пресечения на другую.

Во-вторых, возбуждение органом предварительного расследования нового ходатайства об избрании другой меры пресечения требуется лишь тогда, когда следственный орган изначально ходатайствовал о применении именно залога. Если же суд избрал залог в качестве альтернативы заключению под стражу либо домашнему аресту, суд должен возвратиться к рассмотрению ходатайства органа предварительного расследования о применении соответствующей меры пресечения. Вынесения нового ходатайства при этом не требуется.

Список источников

1. Цоколова О. И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019–2022 годы) // Российский следователь. 2020. № 6. С. 26–31.
2. Шишов А. В. Проблемы применения залога в качестве меры пресечения // Законность. 2020. № 8. С. 56–58.
3. Зяблина М. В. К вопросу об обеспечительных возможностях залога в уголовном процессе // Судья. 2017. № 4. С. 39–41.
4. Бондаренко И. П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. 2021. № 1. С. 26–30.

5. Дикарев И. С. Запрет определенных действий в системе мер процессуального принуждения // Законность. 2020. № 8. С. 51. С. 50–52.

6. Петрухина А. Н. Проблемы совершенствования нормативного регулирования и практики применения залога как меры пресечения // Российский судья. 2020. № 4. С. 40–43.

References

1. Tsokolova O. I. Measures of restraint: problems and trends (2019–2022) // Russian investigator. 2020. No. 6. S. 26–31.

2. Shishov A. V. Problems of application of bail as a measure of restraint // Legality. 2020. No. 8. P. 56–58.

3. Zyablina M. V. On the issue of security features of bail in criminal proceedings // Judge. 2017. No. 4. S. 39–41.

4. Bondarenko I.P. Features of the application of combined preventive measures in the context of the introduction of the prohibition of certain actions into the criminal process // Russian investigator. 2021. No. 1. S. 26–30.

5. Dikarev I. S. Prohibition of certain actions in the system of measures of procedural coercion // Legitimacy. 2020. No. 8. P. 51. P. 50–52.

6. Petrukhina A. N. Problems of improving the normative regulation and practice of using bail as a measure of restraint // Russian judge. 2020. No. 4. P. 40–43.

Информация об авторе

Стельмах Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Stelmakh Vladimir Yu. – Candidate of Law, Assistant professor

Статья поступила в редакцию 08.06.2022; одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 08.06.2022; approved after reviewing 28.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения в публичном порядке

Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, titov1995@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые наиболее значимые особенности возбуждения в публично-правовом порядке уголовных дел по преступлениям, отнесенным к частному обвинению. Систематизируются основания принятия данного решения, конкретизируется их содержание. Проводится дифференциация последствий возбуждения уголовного дела в публичном порядке в зависимости от оснований. В частности, утверждается, что отсутствие у потерпевшего полных сведений о личности виновного и наличие у обвиняемого статуса одного из субъектов, указанных в ст. 447 УПК РФ, влекут возбуждение уголовного дела следователем или дознавателем, но не препятствуют прекращению уголовного преследования в силу примирения потерпевшего с обвиняемым. Детализируется процессуальный порядок получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела в публичном порядке, анализируются варианты оформления данного решения и предлагается наиболее оптимальная процедура. С помощью системного толкования закона рассматривается возможность возбуждения уголовного дела следователем.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, частное обвинение, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель

Для цитирования: Титов П. М. Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения в публичном порядке // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 35–40.

Original article

Procedural features of the initiation of criminal cases of private prosecution in public

Titov Pavel M.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, titov1995@ya.ru

Abstract. The article examines some of the most significant features of initiating criminal cases in the public legal order for crimes classified as private charges. The grounds for making this decision are systematized, their content is specified. The consequences of initiating a criminal case in public are differentiated depending on the grounds. In particular, it is argued that the victim's lack of complete information about the identity of the perpetrator and the status of the accused of one of the subjects specified in Article 447 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation entail the initiation of a criminal case by an investigator or interrogator, but do not prevent the termination of criminal prosecution due to the reconciliation of the victim with the accused. The procedural procedure for obtaining the consent of the prosecutor to initiate a criminal case in public is detailed, options for formalizing this decision are analyzed and the most optimal procedure is proposed. With the help of a systematic interpretation of the law, the possibility of initiating a criminal case by the investigator is being considered.

Keywords: criminal proceedings, private prosecution, initiation of a criminal case, preliminary investigation, prosecutor, head of the investigative body, investigator, interrogator

For citation: Titov P. M. Procedural features of the initiation of criminal cases of private prosecution in public // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 35–40.

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации, как и в подавляющем большинстве государств мира, строится на публично-правовой основе. Это обусловлено социальными причинами, самим характером уголовно-процессуальной деятельности, которая в общественно-политическом смысле представляет собой реакцию государства на совершенное преступление. Реализуя правоохранительную функцию, государство в лице своих компетентных органов не вправе перекладывать обязанности по раскрытию и расследованию преступлений на граждан, в том числе потерпевших от преступных деяний.

При этом в настоящее время в Российской Федерации существует институт частного обвинения. Уголовные дела по трем составам преступлений (ч. 1 ст. 115, ст. 116¹, ч. 1 ст. 128¹ УК РФ) возбуждаются исключительно по заявлению потерпевшего. Кроме того, сам порядок судопроизводства по указанным делам весьма сильно отличается от общего порядка. Для осуществления уголовного преследования потерпевший подает заявление непосредственно в суд (точнее, мировому судье по месту совершения преступления), и принятие мировым судьей заявления к своему производству по своим юридическим последствиям приравнивается к возбуждению уголовного дела. Таким образом, по делам частного обвинения, по общему правилу, отсутствуют стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Кроме того, дела частного обвинения подлежат обязательному прекращению, если потерпевший и обвиняемый достигли примирения.

Вместе с тем, несмотря на значительно более широкое наличие элементов диспозитивности, порядок уголовного судопроизводства по делам частного обвинения находится в публично-правовой сфере. Так, в предусмотренных законом случаях уголовное дело по составу преступления, изначально отнесенному к частному обвинению, может и должно быть возбуждено в публично-правовом (то есть обычном) порядке.

При этом нормативная регламентация такого порядка возбуждения уголовного дела характеризуется некоторыми пробелами и неточностями. В ряде случаев одни и те же правила дублируются в различных статьях УПК РФ, что порождает сомнения по поводу правовой природы данных норм. Напротив, в иных ситуациях в статье УПК РФ не содержится полного объема правил, что вынуждает правоприменителя прибегать к системному толкованию закона, что само по себе, разумеется, не свидетельствует о низком уровне юридической техники, однако вызывает вопросы относительно целесообразности подобных нормативных конструкций, тем более что некоторые отсылки являются многоступенчатыми [1, с. 5]. В целом можно констатировать, что наличие соответствующих пробелов затрудняет правоприменительную практику, создает риски неточного и неединообразного применения закона, нарушения конституционных прав участников уголовно-процессуальной де-

ятельности, недостижения назначения уголовного судопроизводства.

Основания возбуждения уголовного дела в публично-правовом порядке указаны в ч. 4 ст. 20 УПК РФ: зависимость потерпевшего от виновного, беспомощное состояние потерпевшего, его неспособность по иным причинам самостоятельно защищать свои права и законные интересы [2, с. 23]. При этом в данной норме уточняется, что к таким «иным причинам» относится неизвестность для потерпевшего сведений о личности виновного [3, с. 61; 4, с. 57]. Очевидно, что неизвестность указанных сведений препятствует рассмотрению дела судом непосредственно после поступления заявления. Вначале необходимо отыскать виновного, а возложение этой задачи на потерпевшего, не обладающего государственно-властными полномочиями, не согласуется не только с публично-правовым характером уголовно-процессуальной деятельности, но и с содержанием правоохранительной функции государства. Мировой судья, как представитель судебной власти, также не должен заниматься раскрытием преступления [5, с. 22]. Таким образом, утрата уголовным преследованием частного характера, если потерпевший не располагает полными сведениями о личности виновного, вполне соответствует назначению уголовного судопроизводства. Вместе с тем полагаем, что указанный случай представляет собой самостоятельное основание для возбуждения уголовного дела в публично-правовом порядке, а не просто разновидность неспособности самостоятельной защиты своих прав потерпевшим.

Приведенный в ч. 4 ст. 20 УПК РФ перечень оснований для возбуждения уголовного дела в публично-правовом порядке не является исчерпывающим. В ч. 4¹ ст. 319 УПК РФ указано, что, если после принятия заявления к производству будет установлено, что лицо, в отношении которого подано заявление, относится к категории лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, мировой судья должен принять решение об отмене постановления о принятии заявления потерпевшего к своему производству и направить материалы руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, системный анализ положений уголовно-процессуального закона позволяет уточнить перечень оснований для возбуждения уголовного дела в публично-правовом порядке:

1. Зависимость потерпевшего от виновного. Данное основание несколько конкретизируется в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», где сказано, что к подобным случаям относится, в частности, материальная или иная зависимость потерпевшего от лица, совершившего преступление.

2. Беспомощное состояние потерпевшего. В тексте УПК РФ содержание данного основания также не раскрыто. В п. 28 постановления Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 указано, что к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Таким образом, Пленум Верховного Суда Российской Федерации не формулирует обобщенного, абстрактного понятия ни зависимости потерпевшего от виновного, ни беспомощности потерпевшего, а лишь перечисляет некоторые конкретные ситуации.

Представляется, что применительно к частному обвинению под зависимостью следует понимать совокупность различных факторов, характеризующих связь виновного и потерпевшего и обуславливающих поведение потерпевшего (необращение с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности) в силу высокой вероятности наступления для него различных неблагоприятных существенных последствий в результате ожидаемых действий виновного в случае инициирования потерпевшим вопроса об осуществлении уголовного преследования.

Беспомощность в анализируемом случае означает отсутствие у потерпевшего физических и умственных сил для выражения самостоятельного волеизъявления и дальнейших действий по самостоятельному привлечению виновного лица к уголовной ответственности.

3. Иные причины, лишаящие потерпевшего способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы.

4. Отсутствие у потерпевших сведений о личности виновного. По смыслу закона, возбуждение уголовного дела в публично-правовом порядке должно производиться только тогда, когда потерпевший не располагает практически никакими данными о личности виновного и на основании имеющейся у потерпевшего информации невозможно идентифицировать это лицо. Если же потерпевший не обладает отдельными сведениями, не влияющими на общую идентификацию личности виновного (например, зная фамилию и имя, не знает отчества виновного или точной даты его рождения), частный характер уголовного преследования не должен утрачиваться.

5. Наличие у виновного лица статуса субъекта, указанного в ст. 447 УПК РФ.

Следует учитывать различную природу оснований для возбуждения уголовного дела в публично-правовом порядке. Первые три основания характеризуют особенности личности потерпевшего, его слабость и обусловленную этим принципиальную неспособность к самостоятельному привлечению лица к уголовной ответственности. По сути, в рассматриваемых ситуациях частный характер уголовного преследования не позволит достичь назначения уголовного судопроизводства, поскольку волеизъявление потерпевшего изначально будет недостоверным. Соответственно, достижение примирения между по-

терпевшим и обвиняемым и прекращение в связи с этим уголовного дела в подобных ситуациях принципиально невозможно. Четвертое и пятое основания носят по большей части процедурный характер. Наличие соответствующих обстоятельств не влияет на характер волеизъявления потерпевшего, поэтому представляется, что в подобных случаях возможно прекращение уголовного дела, если произошло примирение потерпевшего с обвиняемым. Такая позиция разделяется рядом авторитетных ученых [6, с. 15].

Вряд ли можно согласиться с И. А. Чердынцевой, полагающей, что возбуждение уголовного дела при наличии первого и второго оснований может производиться в публичном порядке только при отсутствии у потерпевшего законного представителя, при его наличии необходимо, чтобы именно данный субъект подавал заявление мировому судье в порядке частного обвинения [7, с. 122–123]. Представляется, что зависимость в данной ситуации обратная. Подача заявления законным представителем – это не основной, а дополнительный способ обеспечения прав потерпевшего. Необходимо учитывать, что преступление совершается в отношении потерпевшего, именно ему причиняется вред от преступного деяния. Фактический запрет на возбуждение уголовного дела в публично-правовом порядке, к чему, по сути, призывает автор, повлечет нарушение прав потерпевшего, поскольку в приоритетном порядке будет выражаться позиция законного представителя, а не потерпевшего.

При этом необходимо обратить внимание еще на один важный момент. Применительно к четвертому и пятому основаниям УПК РФ содержит нормы, регламентирующие две различные ситуации. Первая ситуация имеет место, когда соответствующие обстоятельства выявляются после подачи заявления, но до его принятия мировым судьей к своему производству. В этом случае мировой судья отказывает в принятии заявления и направляет его в орган дознания или руководителю следственного органа для возбуждения уголовного дела (ч. 1¹, 1² ст. 319 УПК РФ). Вторая ситуация распространяется только на пятое основание и заключается в том, что изначально заявление потерпевшего принято мировым судьей для рассмотрения в частном порядке, а факт наличия у обвиняемого статуса субъекта, указанного в ст. 447 УПК РФ, выявлен в ходе судебного заседания. В таком случае мировой судья выносит постановление об отмене постановления о принятии заявления потерпевшего к своему производству и направляет материалы руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (ч. 4¹ ст. 319 УПК РФ) [8, с. 90]. Очевидно, законодатель исходит из того, что отсутствие сведений о виновном лице должно быть обнаружено на этапе поступления заявления в суд и данный факт не может выявляться в ходе судебного заседания. Следует учитывать, что мировой судья обязан вызвать заявителя и лицо, в отношении которого подано заявление, для разъяснения прав,

и в рамках этой процедуры подлежат уточнению все недостающие сведения о личности обвиняемого.

Представляет определенный интерес и сама процедура возбуждения в публично-правовом порядке уголовного дела, отнесенного к частному обвинению.

Согласно ч. 4 ст. 20 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ возбуждение уголовного дела производится руководителем следственного органа, следователем либо дознавателем с согласия прокурора. При этом вызывает сомнение необходимость практически идентичного изложения указанного текста в двух отмеченных нормах УПК РФ. На наш взгляд, было бы более правильно в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, имеющей характер общего правила, ограничиться указанием на то, что при наличии оснований уголовное дело должно возбуждаться в общем порядке, и указать эти основания, а в ч. 4 ст. 147 УПК РФ, посвященный процедурным аспектам, перечислить круг субъектов, правомочных на возбуждение дела.

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ уголовные дела о всех преступлениях, отнесенных к частному обвинению, отнесены к подследственности органов дознания. Таким образом, по общему правилу, в случае возбуждения дела в публично-правовом порядке расследование этого дела должно производиться в форме дознания.

При этом в ч. 4 ст. 20 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ содержится важное дополнение к обычному порядку возбуждения уголовного дела: данное решение принимается с согласия прокурора [9, с. 143]. Вместе с тем из текста закона неясно, как именно должно получаться и в какой процессуальный документ облекаться данное согласие. Очевидно, что возможны два варианта согласования дознавателем решения о возбуждении дела с прокурором.

Первый вариант состоит в даче прокурором письменного указания о возбуждении уголовного дела. В рассматриваемом контексте термин «указание» следует понимать в более широком смысле, чем он употреблен в ст. 37 УПК РФ – как исходящий от прокурора письменный документ, в котором содержится предписание на разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела по заявлению потерпевшего. При этом очевидно, что этот документ может не иметь наименования «указание», однако должен содержать фактическое распоряжение прокурора о принятии дознавателем именно данного решения, а не просто о необходимости разрешения заявления и принятия по нему любого из предусмотренных законом процессуальных решений.

Второй вариант заключается в том, что согласие прокурора оформляется его визой непосредственно на постановлении о возбуждении уголовного дела. Именно данный вариант представляется более предпочтительным. В этом случае прокурор изначально не предпринимает вопрос о возбуждении дела. Соответственно, орган дознания объективно и всесторонне проводит доследственную проверку, не будучи связанным однозначно выраженным мнени-

ем прокурора. Лишь после того, как в ходе проверки будет установлено наличие как оснований для возбуждения уголовного дела, так и обстоятельств, препятствующих осуществлению уголовного преследования в частном порядке, дознаватель выносит постановление о возбуждении уголовного дела и представляет его для согласования прокурору. То, что это согласование прямо не предусмотрено в ст. 146 УПК РФ, регламентирующей порядок возбуждения дела, не свидетельствует о незаконности решения. Очевидно, что положения о согласовании постановления о возбуждении уголовного дела прокурором являются специальной нормой по отношению к общему правилу, закрепленному в ст. 146 УПК РФ [10, с. 143].

Не усматривается противоречий и в том, что в ч. 1¹ ст. 319 УПК РФ говорится о направлении материала начальнику органа дознания, а в ч. 4 ст. 20 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ – о возбуждении уголовного дела дознавателем. Очевидно, что в данной ситуации при сравнительном анализе этих норм следует исходить из того, что термином «орган дознания» охватывается весь структурный состав правоприменительного органа, правомочный на осуществление уголовно-процессуальной деятельности, включая штатное подразделение дознания [11, с. 205]. Иными словами, в данном контексте закон не противопоставляет термины «орган дознания» и «дознаватель», а рассматривает их как целое и часть.

По смыслу закона, уголовное дело должно быть возбуждено именно штатным дознавателем, который после этого производит расследование по делу в полном объеме.

Кроме того, в ч. 4 ст. 20 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ предусмотрена возможность возбуждения дела органом предварительного следствия. Очевидно, что данные нормы необходимо применять в системной связи с положениями подп. «б» и «в» п. 1 ч. 2 и п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, устанавливающими, что в тех случаях, когда дело подследственно органу дознания, но при этом преступление совершено либо субъектом, указанным в ст. 447 УПК РФ, либо должностным лицом одного из правоприменительных органов, закрепленных в подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, а также военнослужащим, и при этом при исполнении своих служебных обязанностей, расследование такого дела осуществляется следователем Следственного комитета Российской Федерации [12, с. 5].

Примечательно, что уголовно-процессуальный закон не требует, чтобы возбуждение уголовного дела частного обвинения следователем сопровождалось получением согласия от руководителя следственного органа. Следователь принимает соответствующее решение самостоятельно.

Возбуждение уголовного дела в публично-правовом порядке вне зависимости от того, принято такое решение следователем или дознавателем, приводит к утрате частного характера уголовного преследования. Иными словами, уголовное преследование по делу осуществляется исключительно в публичном

порядке, с принятием всех решений следователем либо дознавателем, по делу возможно производство любых предусмотренных законом следственных действий и избрание мер процессуального принуждения. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон допускается только при наличии дополнительных условий, закрепленных в ст. 25 УПК РФ [13, с. 28].

При этом особая ситуация сложилась применительно к ст. 116¹ УК РФ, о чем автором обращалось внимание ранее [14]. Дело в том, что дела о преступлениях, предусмотренных данной нормой уголовного закона, отнесены к подсудности не мировых судей, а районных судов. В результате положения ч. 6 ст. 144 и ст. 318, 319 УПК РФ, регламентирующие порядок подачи заявления по делам частного обвинения, для ст. 116¹ УК РФ фактически неприменимы, поскольку в них указывается, что заявление принимается и рассматривается мировым судьей. Соответственно, в настоящее время уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 116¹ УК РФ, изначально возбуждаются в публично-правовом порядке.

Список источников

- Белкин А. Р. Тонкости и недомолвки производства у мирового судьи // Мировой судья. 2020. № 8. С. 3–10.
- Аристархов А. Л., Зяблина М. В. Производство в суде по уголовным делам о побоях: проблемы новелл и пути их разрешения // Мировой судья. 2019. № 7. С. 22–26.
- Матвеева Д. М. Особенности возбуждения и разрешения уголовных дел частного обвинения // Судья. 2019. № 12. С. 58–63.
- Пикуров Н. И. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика // Уголовное право. 2019. № 2. С. 51–58.
- Карпенко В. М. К вопросу об особенностях производства у мирового судьи по делам частного обвинения // Российский следователь. 2015. № 6. С. 20–23.
- Гриненко А. В. Частное обвинение в механизме уголовно-процессуального регулирования // Мировой судья. 2018. № 2. С. 14–17.
- Чердынцева И. А. Проблемные аспекты производства по уголовным делам частного обвинения, возбуждаемым в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ // Уголовное право. 2015. № 4. С. 120–126.
- Головинская И. В., Поликарпова М. Ж. Проблемы возбуждения и рассмотрения уголовных дел частного обвинения // Современное право. 2020. № 5. С. 85–93.
- Толстых А. В. О подготовке и реализации постановления прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 142–146.
- Степных В. Ю. Дознание в органах внутренних дел: курс лекций. Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. 262 с.
- Степных В. Ю. Дознание в органах внутренних дел: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. Т. 1. 244 с.
- Степных В. Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Российский юридический журнал. 2020. № 3 (312). С. 77–90.
- Синенко С. А. Примирение с потерпевшим по делам частного и публичного обвинения // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 27–31.
- Титов П. М. По каким правилам рассматривать дела о «повторном» нанесении побоев // Уголовный процесс. 2021. № 9 (201). С. 45–49.

References

- Belkin A. R. Subtleties and omissions of production at the justice of the Peace // Justice of the Peace. 2020. No. 8. pp. 3–10.
- Aristarkhov A. L., Zhablina M. V. Proceedings in court in criminal cases of beatings: problems of short stories and ways of their resolution // Magistrate. 2019. No. 7. pp. 22–26.
- Matveeva D. M. Features of initiation and resolution of criminal cases of private prosecution // Judge. 2019. N 12. pp. 58–63.
- Pikurov N. I. Problems of qualification of criminal encroachments on privacy: theory and judicial practice // Criminal law. 2019. No. 2. pp. 51–58.
- Karpenko V. M. On the issue of the peculiarities of the proceedings of the Justice of the peace in cases of private prosecution // A Russian investigator. 2015. No. 6. pp. 20–23.
- Grinenko A. V. Private prosecution in the mechanism of criminal procedural regulation // Justice of the Peace. 2018. No. 2. pp. 14–17.
- Cherdyntseva I. A. Problematic aspects of proceedings in criminal cases of private prosecution initiated in accordance with Part 4 of Article 20 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Criminal Law. 2015. No. 4. pp. 120–126.
- Golovinskaya I. V., Polikarpova M. Zh. Problems of initiation and consideration of criminal cases of private prosecution // Modern law. 2020. No. 5. pp. 85–93.
- Tolstykh A. V. On the preparation and implementation of the prosecutor's decision at the stage of initiation of a criminal case // Russian Law Journal. 2014. No. 6. pp. 142–146.
- Stelmakh V. Yu. Inquiry in the internal affairs bodies: a course of lectures. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. 262 p.
- Stelmakh V. Yu. Inquiry in the internal affairs bodies: a textbook. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. Vol. 1. 244 p.
- Stelmakh V. Yu. Problems of legislative regulation of the investigation. Resolution of disputes on jurisdiction // Russian Law Journal. 2020. No. 3 (312). pp. 77–90.

13. Sinenko S. A. Reconciliation with the victim in cases of private and public prosecution // Russian justice. 2012. No. 9. pp. 27–31.

14. Titov P. M. By what rules to consider cases of "repeated" beatings // Criminal proceedings. 2021. No. 9 (201). pp. 45–49.

Информация об авторе

Титов Павел Михайлович – кандидат юридических наук

Information about the author

Titov Pavel M. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Научная статья

УДК 342.9

Особенности исчисления сроков в законодательстве Российской Федерации об административных правонарушениях

Кошелев Дмитрий Александрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, koshelev-dima1249@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуются вопросы исчисления сроков в производстве по делам об административных правонарушениях. Автор рассматривает виды сроков, установленных Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации. Формулируется вывод о необходимости установления точных процессуальных сроков в административно-юрисдикционном производстве, а также синхронизации материально-правовых и процессуальных сроков в производстве по делу об административном правонарушении.

Ключевые слова: исчисление сроков, производство по делам об административных правонарушениях, процессуальные сроки, административно-юрисдикционное законодательство

Для цитирования: Кошелев Д. А. Особенности исчисления сроков в законодательстве Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 41–47.

Original article

Specifics of timing in the legislation of the Russian Federation on administrative offenses

Koshelev Dmitry A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

koshelev-dima1249@yandex.ru

Abstract. This article examines the issues of calculating the deadlines in the proceedings in cases of administrative offenses. The author considers the types of deadlines established by the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The need to establish accurate procedural deadlines in administrative-jurisdictional proceedings, as well as synchronization of material, legal and procedural deadlines in proceedings in the case of an administrative offense, is formulated.

Keywords: calculation of terms, proceedings in cases of administrative offenses, procedural terms, administrative-jurisdictional legislation

For citation: Koshelev D. A. Specifics of timing in the legislation of the Russian Federation on administrative offenses // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. Pp. 41–47.

Обозначенная тема довольно долго была вне зоны внимания исследователей, занимающихся вопросами административно-юрисдикционного законодательства. Названному вопросу посвящено лишь несколько диссертационных исследований, где, в частности, срок в производстве по делам об административных правонарушениях определяется следующим образом: «урегулированный административно-процессуальными нормами отрезок или момент времени, определяющий временные пределы осуществления сторонами юрисдикционных отношений своих субъективных прав и обязанностей в ходе совершения процессуальных действий, состоящих в выявлении правонарушений, применении мер административно-правового обеспечения производства, рассмотрении дел об административных правонарушениях, вынесении по ним постановлений, а также исполнении постановлений о назначении административных наказаний» [1, с. 8].

Данное определение нельзя назвать новаторским, так как основные правила исчисления сроков в производстве по делам об административных правонарушениях были предложены Д. Н. Бахрахом более 30 лет тому назад [2]. При этом в большинстве диссертационных исследований и научных статей даны вполне обоснованные предложения по совершенствованию законодательства в части установления правил определения сроков в административно-юрисдикционном законодательстве [3].

Несмотря на то, что представленные исследования были посвящены разработке правил и снятию противоречий (устранению пробелов) при исчислении сроков в рамках совершения отдельных процессуальных действий (стадий), многие из них, к сожалению, остались нереализованными (разве что в КоАП РФ появилась статья 1.8), а последующие разработки перешли на уровень студенческой науки [4], где информативность текстов зачастую сводится к констатации уже имеющихся нормативных положений и отдельным правилам их трактования.

Полагаем, что значимым будет изучение функционального влияния сроков на общий ход производства по делу об административном правонарушении, а не только выработка конструктивных правил исчисления отдельных из них.

В статье 28.1 КоАП РФ детализирован и строго определен перечень поводов для возбуждения дела об административном правонарушении, чего нельзя сказать относительно термина «событие административного правонарушения», который был назван в указанной статье, но не получил легального определения, что, в свою очередь, вызывает его произвольное толкование и применение в правоохранительной деятельности.

Использование в официальных источниках и правоприменительных актах термина «событие административного правонарушения» не раскрывает в полной мере содержание данного понятия, а позволяет выделить отдельные его признаки, например:

1) совершение действий (бездействие) в рамках правовой незапрещённости, когда бы при иных обстоятельствах были нарушены обязательные требования, влекущие административную ответственность;

2) наличие иного события, в рамках которого неисполнение обязательных требований не влечет какой-либо ответственности;

3) выявление обстоятельств, которые объективно указывают на наличие (отсутствие) признаков административного правонарушения в соответствии с описаниями, данными в диспозиции соответствующей статьи КоАП РФ.

В некоторых судебных актах раскрыта сущность событий конкретных административных правонарушений:

1) событие розничной торговли товарами в период запретов и ограничений, установленных органом власти субъекта Российской Федерации;

2) событие административного правонарушения в области дорожного движения при отсутствии иных участников дорожно-транспортного происшествия, пострадавших, а также с учетом причинения вреда только имуществу нарушителя ПДД, когда императивная обязанность оставаться на месте ДТП и сообщать о случившемся в полицию у последнего отсутствовала;

3) сделаны выводы об отсутствии события административного правонарушения, поскольку на момент возбуждения дела об административном правонарушении срок, установленный для оплаты штрафа, не истек.

В той же статье 28.1 КоАП РФ наряду с необходимостью выявления именно «события административного правонарушения» законодатель предполагает другую группу специальных формальных поводов, одновременно выступающих необходимыми и достаточными основаниями возбуждения дела об административном правонарушении, а именно: невыполнение требований антимонопольного законодательства (ч. 1.2 ст. 28.1 КоАП РФ), нарушение процедуры (ч. 1.2-1 ст. 28.1 КоАП РФ), нарушение законодательства Российской Федерации в сфере государственного оборонного заказа (ч. 1.2-2, 1.2-3 ст. 28.1 КоАП РФ). Очевидно, что законодатель ставит знак равенства между поводами и основаниями для возбуждения соответствующей категории дел.

Таким образом, налицо процессуальная альтернатива: во-первых, КоАП РФ определяет обязательные признаки административного правонарушения (ст. 2.1 КоАП РФ), включая их дальнейшее развертывание и конкретизацию (гл. 2 КоАП РФ), во-вторых, указывает на необходимый и достаточный факт нарушения того или иного законодательства, чтобы административное правонарушение считать оконченным. В последнем случае возбуждение дела становится возможным в случае проведения мероприятий по контролю, следовательно, административно-процессуальная форма, установленная законодательством о государственном контроле (надзоре) и муниципаль-

ном контроле, не только хронологически предшествует, но и, безусловно, замещает часть административно-юрисдикционных процедур, установленных КоАП РФ.

Подобного рода субсидиарное применение законодательства, а тем более вытеснение устоявшихся постулатов правоохранительной деятельности, ранее не встречалось. Ведь суть дела в том, что стадия возбуждения дела об административном правонарушении уже считается завершенной в ходе мероприятий по контролю, но подобное замещение процессуальных форм нарушает логику юрисдикционного процесса, так как невозможно определить, где оканчивается обычная проверка, а где начинается правоохранительная деятельность в связи с совершением административного правонарушения.

Заслуживающим внимания является правило, отраженное в ч. 1.3 ст. 28.1 КоАП РФ, когда признаки административного правонарушения (как и преступления) фиксируются не в протоколе (ст. 28.2 КоАП РФ), а в акте органа государственного контроля (надзора). По сути, законодатель признает, что данный акт (впрочем, как и любой иной акт проверки) и протокол об административном правонарушении (постановление прокурора – ст. 28.4 КоАП РФ) – это тождественные документы, следовательно, имеет смысл пересмотреть обязательность составления протокола об административном правонарушении по любому из данного рода дел, так как в ходе мероприятий по контролю проверка наличия или отсутствия события административного правонарушения уже проведена и принято положительное решение о дальнейшем ведении юрисдикционного производства, что, само по себе, исключает документальное дублирование процессуальных действий и информации.

Вопрос замещения юрисдикционных процедур контрольно-надзорными является актуальным тогда, когда были проведены именно мероприятия по контролю, в иных случаях составление протокола об административном правонарушении обязательно.

Открытым остается вопрос относительно установления признаков административного правонарушения и процессуальных действий (административных процедур), которые в данном случае будут являться допустимыми и законными, чтобы решить поставленную задачу (выявление соответствующих признаков).

Словосочетание «выявление совершения административного правонарушения», данное в ч. 1 ст. 28.2 КоАП РФ, имеет неоднозначное толкование. Во-первых, дело возбуждается сразу и незамедлительно после совершения соответствующего противоправного действия (бездействия), при этом момент совершения определяется согласно положениями Постановления Конституционного Суда РФ от 17 мая 2022 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. А. Мельниковой», во-вторых, приведенное словосочетание обладает единым взаимос-

вязанным значением и смыслом, то есть требуется совершение именно административного правонарушения, содержащего все необходимые и достаточные признаки, отличающие его от иных противоправных обстоятельств подобного рода, иначе говорить о возможности возбуждения дела не представляется возможным и не считается законным и обоснованным, что ведет к многочисленным случаям прекращения уже возбужденных дел на последующих стадиях производства по делу об административном правонарушении.

Наличие повода для возбуждения дела еще не тождественно обоснованности возбуждения дела, свидетельством тому служат акты толкования данной статьи. Например, антимонопольный орган должен рассмотреть вопрос о возбуждении дела об административном правонарушении, а не дела о нарушении антимонопольного законодательства, т. е. не автоматически возбуждать соответствующее дело, а только рассмотреть такую возможность. Таможенное ведомство однозначно утверждает, что протокол составляется лишь тогда, когда известны все сведения, необходимые для разрешения дела. Только выявив событие административного правонарушения, должностное лицо в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 28.5 КоАП РФ должно составить протокол об административном правонарушении, в котором отражены все необходимые данные для рассмотрения дела по существу.

Известным случаем отступления от сроков с момента совершения до момента составления протокола об административном правонарушении служит положение п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», согласно которому нарушение установленных статьями 28.5 и 28.8 КоАП РФ сроков составления протокола об административном правонарушении и направления протокола для рассмотрения судьей, поскольку эти сроки не являются пресекательными, не является основанием отмены постановления по делу об административном правонарушении, следовательно, и судебных актов, принятых по делу об оспаривании этого постановления.

Правоположения конституционного судопроизводства свидетельствуют о том, что такого рода «гибкая» практика продления или ускорения административно-юрисдикционных процедур должна приветствоваться. Данное положение нашло свое закрепление в ст. 28.5 КоАП РФ (ч. 1 и 2), а также в ст. 28.7 КоАП РФ (ч. 3). Приведенные законоположения направлены на защиту прав граждан посредством обеспечения процессуальной определенности при составлении протокола об административном правонарушении (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2018 г. № 1075-О и от 29 мая 2018 г. № 1129-О).

Однако такого рода «гибкий» подход вызывает еще больше вопросов: 1) каким образом до возбуж-

дения дела могут быть получены сведения о том, что имело место именно событие административного правонарушения, а не что-либо иное, 2) какие административные процедуры можно провести от момента фиксации повода для возбуждения дела до момента его процессуального оформления как материала об административном правонарушении, 3) могут ли непроцессуальные средства получения информации быть положены в основу доказательственной базы по предполагаемому делу об административном правонарушении, 4) насколько широко должна быть распространена практика проведения административного расследования как ряда процессуальных действий, позволяющих законосообразным способом использовать допустимые средства доказывания при подтверждении наличия или отсутствия события административного правонарушения?

Любопытно, что текст вопросов занимает больше места, чем ответы на них. Если в информации, послужившей поводом для возбуждения дела, наличествуют все признаки административного правонарушения, то препятствий для соответствующего оформления юрисдикционных материалов не имеется, иначе до возбуждения дела сбор такой информации затруднен или невозможен. Если имеются только отдельные разрозненные признаки, указанные в статьях главы 2 КоАП РФ, то возбудить дело мы не имеем права, а получить информацию по невозбужденным делам путем проведения процессуальных действий невозможно, они осуществляются лишь в случае, если уже ведется производство по делу об административном правонарушении (ст. 26.2, 26.4, 26.6, 26.7, 26.10, 26.11 КоАП РФ).

Иные правовые акты, определяющие полномочия должностных лиц по ведению административно-юрисдикционного производства, лишь отсылают обратно к нормам КоАП РФ, не позволяя проводить допроцессуальные проверки (например, п. 1, 4, 11, 18, 31, 35 ч. 1 ст. 12, п. 2–5, 7, 12, 14, 16, 22, 37 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»).

КоАП РФ позволяет провести только два процессуальных действия до возбуждения дела: 1) дополнительное выяснение обстоятельств дела или 2) выяснение данных о физическом лице или сведений о юридическом лице, в отношении которых возбуждается дело об административном правонарушении, но опять возникает непреодолимое препятствие, так как неизвестно, наличествуют или отсутствуют признаки самого административного правонарушения.

Однозначный выход из этого затруднительного положения – проведение административного расследования (ст. 28.7 КоАП РФ), но те действия, что предполагаются в ходе его проведения (экспертиза или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат), могут быть осуществлены без какого-либо усложнения процессуальной формы по уже возбужденным делам, например, когда были применены меры обеспечения (гл. 27 КоАП РФ).

Нередки случаи, когда административное расследование не привело к выявлению признаков административного правонарушения, при этом не установлено лицо, его совершившее, поисковые мероприятия результата не дали, а проведение ОРМ по таким категориям дел не предусмотрено.

Возможно ли при названных обстоятельствах прекращение производства по делу об административном правонарушении, условно говоря, «автоматически», лишь в силу того, что окончились сроки расследования? Безусловно, нет, так как ориентиром для прекращения производства по делу могут служить статьи 24.5 и 28.9 КоАП РФ.

Получается, что административное расследование завершено, время и усилия потрачены, а процессуального результата для принятия какого-либо решения не достигнуто, следовательно, необходимо далее вести производство по делу об административном правонарушении, вероятно, до истечения срока давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5, п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ), тогда появляется хоть какое-то (нереабилитирующее) основание для исключения возможности привлечения кого-либо к административной ответственности и завершения юрисдикционных процедур. Возникает прагматичный вопрос: с какой целью проводили административное расследование, если можно было дожидаться соответствующего юридического события (истечения срока давности) без усложнения процессуальной формы? Видимо, административное расследование оказалось излишним в ходе производства по делу об административном правонарушении.

Возникает также иное затруднение – насколько справедливо, если административный орган использует все допустимое время на стадию возбуждения дела об административном правонарушении, не предоставив возможности проработать вопрос об оценке действий участников инцидента иным инстанциями, иначе говоря, допустимо ли подобное игнорирование иных стадий производства в силу элементарной нерасторопности в первичном звене административной юрисдикции?

Следует учесть, что в данной ситуации присутствует логическая и юридическая ошибка в выборе процессуальной формы административной деятельности, так как при наличии лишь одного либо нескольких неблагоприятных условий (опасных факторов, угроз причинения вреда или ущерба и т. п.), не позволяющих квалифицировать происшедшее как административное правонарушение, преступление или иное противоправное действие (бездействие), необходимо провести разбирательство по данному факту как о происшествии, но не пытаться выбрать пригодную, наиболее «удобную» юрисдикционную форму, т. е. отказать в возбуждении соответствующего юридического производства.

Налицо логическая ошибка в построении вопросов-ответов, когда делается попытка ответить на безусловное суждение, имеющее одну альтернативу:

имеет или не имеет место административное правонарушение, – на самом деле уполномоченное должностное лицо сталкивается с трех- и многозначными логическими задачами. Следуя этой ошибке, будет один допустимый истинный ответ – «да» или «нет», с соответствующим процессуальным оформлением: протокол или определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. Матрица ответов в данном случае куда более обширная, характерная для условного суждения, когда возможен не только один прямой ответ на вопрос: «Что это было: административное правонарушение или нечто иное?» [5, с. 109]. При этом, если было нечто иное, следует подобрать под это иное соответствующую процессуальную форму, но не нормы КоАП РФ.

Наличие только телесных повреждений, поломки, утраты имущества, фиксации на технические средства какой-либо информации и пр. лишь дает повод для подтверждения и реконструкции версий происшедшего, в связи с чем могли наступить такого рода обстоятельства, но вовсе не для выводов юрисдикционного характера.

Очевидно, что в этом случае материал рассматривается в рамках обычного обращения (сообщения), а ответ заявителю (иному заинтересованному лицу) может быть представлен о том, какие факты нашли свое подтверждение, а какие доказать не представляется возможным имеющимися средствами правоохранительной деятельности. Никакое процессуальное решение принимать не следует, а ответ оформляется и направляется согласно требованиям Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Таким образом, в распоряжении административного органа имеются, как правило, обычные 30 дней на представление ответа заявителю (общее обращение рассматривается в рамках общих, а не процессуальных сроков). Дожидаться истечения срока давности, допустим, по материалу, который может быть квалифицирован как административное правонарушение при наличии дополнительных условий, не требуется, так как факт его совершения не подтвержден и не выявлен.

По всей видимости, необходимо синхронизировать материально-правовые и процессуальные сроки в производстве по делу об административном правонарушении, а также разрешить сопутствующие вопросы о полномочиях оценивающей и ревизионной инстанции на стадиях рассмотрения и пересмотра дела об административном правонарушении.

В части 1 ст. 4.5 КоАП РФ закреплён срок давности привлечения к административной ответственности, который в большинстве случаев является недостаточным, так как для проведения всех процессуальных действий и полного, всестороннего рассмотрения дела необходимы увеличенные сроки. Так, стоит сказать, что в отношении определенных составов административных правонарушений сроки давности должны варьироваться и устанавливаться следующие

процессуальные исчисления: два, четыре, шесть месяцев и один год.

Срок давности привлечения к административной ответственности установлен вовсе не для того, чтобы полностью потратить все отведенное время на разрешение вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении или об отказе в таковом. Кстати сказать, в текущем состоянии правового регулирования можно оказаться в неразрешимой ситуации, когда инцидент есть, отдельные совпадающие с административным правонарушением признаки налицо, но нарушение (негативные факторы) является длящимся. Тогда не ясно, когда и что случилось, как долго будет продолжаться, есть ли момент завершения этого негативного фактора, то есть п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ в этом случае не применим, срок давности по такому инциденту никогда не истечет.

Полагаем, что сохранение «размытого» срока, не имеющего строгих границ для реализации первой стадии производства по делу об административном правонарушении, нецелесообразно и незаконно (с позиций правила «своевременности», изложенного в ст. 24.1 КоАП РФ).

Рациональным являлось бы правило, согласно которому в пределах имеющегося срока давности привлечения к административной ответственности происходило бы принятие соответствующего постановления и доведение его до сведения заинтересованных лиц. В этой связи астрономический и арифметический подсчет процессуального времени, предоставляемого для решения вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении и направлении материалов на рассмотрение, будет осуществляться по следующей формуле: 3 суток (ст. 29.11 КоАП РФ) + 15 суток + 1 (2 мес. – ст. 15.21, 15.30 КоАП РФ) месяц (либо 2 мес. + 1 мес. – при рассмотрении дела судьей) + 3 суток + 3 суток (если не немедленно) (ст. 28.8 КоАП РФ) + 2 суток (ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ) или + время, необходимое для проведения административного расследования (ст. 28.7 КоАП РФ).

В силу приведенных обстоятельств, в стандартной ситуации, когда срок давности равен 2 месяцам с момента совершения административного правонарушения, для возбуждения дела остается не более 4 дней, а учитывая время почтовой пересылки, – не более 2 дней. В этой связи предложенный Верховным Судом РФ вывод о том, что срок, указанный в ст. 28.5 КоАП РФ, не является пресекательным, так как в случае его превышения не нарушается принцип своевременности разрешения дела об административном правонарушении (ст. 24. КоАП РФ), вряд ли можно считать несущественным нарушением норм процессуального права.

Иной вопрос. Почему следует жертвовать всеми стадиями производства по делу об административном правонарушении ради формального ответа на вопрос, как верно заполнить формуляр протокола, ведь никакой асимметрии в пользу той или иной ста-

дии данного юрисдикционного производства законодатель не предполагает?

Теперь следующее. Насколько целесообразно ведение производства по делу об административном правонарушении за пределами срока давности привлечения к административной ответственности. Допустим, что постановление по делу вынесено в пределах срока, а в период его обжалования (опротестования), последующего пересмотра или обращения к исполнению истек срок давности привлечения к ответственности.

Познавательным в этом плане является определение Конституционного Суда РФ от 4 июля 2019 г. № 1837-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.1, части 2 статьи 2.1, статьи 2.9, части 1 статьи 4.5, части 1 статьи 16.1 и части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой компании "Conti 145. Schiffahrts-GmbH & Co. KG MT "CONTI AGULHAS"», согласно которому заявитель настаивал на проверке конституционности положений КоАП РФ как позволивших арбитражному суду кассационной инстанции после отмены вступивших в законную силу судебных актов, отменивших постановление таможенного органа, не прекратить дело в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности и сохранить тем самым административное наказание, назначенное постановлением таможенного органа без исследования вопросов наличия состава административного правонарушения (в том числе наличия вины) и соразмерности назначенного наказания характеру совершенного правонарушения.

Соответственно, его требования фактически направлены на неприменение к нему административного наказания. При этом ранее вынесенные постановления (квалификация – ч. 1 ст. 16.1 и ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ) содержали выводы о прекращении производства по делу (соответственно, п. 6 и 4 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ), арбитражными судами различного уровня названные административные акты пересматривались около 5 лет с поворотом решений к худшему, однако вывод Конституционного Суда РФ был непреклонен: поскольку сложившийся к настоящему времени правовой результат по конкретному делу заявителя и результат восстановления прав и свобод, которого добивается заявитель посредством подачи жалобы в Конституционный Суд РФ, практически совпадают, постольку оспариваемые им часть 2 статьи 1.1, часть 2 статьи 2.1, статья 2.9, часть 1 статьи 4.5, часть 1 статьи 16.1 и часть 2 статьи 30.17 КоАП РФ не могут быть предметом дальнейшего рассмотрения Конституционного Суда РФ по его жалобе, а начатое Конституционным Судом РФ производство по данному делу подлежит прекращению.

При этом в Особом мнении к названному Постановлению Судьи Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотова лейтмотивом звучит правовоположение, что все производство целиком должно быть завершено в те-

чение давностного срока привлечения к административной ответственности, а начало нового производства вследствие отмены предыдущих постановлений (решений) вряд ли можно считать конституционным правилом, так как срок давности в таком случае в одном и том же деле может быть применен неоднократно, что исключено согласно ст. 24.5 КоАП РФ.

По всей видимости, в КоАП РФ должно быть внесено правило, что производство по делу об административном правонарушении, включая нормативный (номинальный) срок вступления его в законную силу, должно быть безусловно завершено в течение срока давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ), т. е. для каждой стадии должны быть установлены предельные сроки её ведения применительно к отдельным категориям дел об административных правонарушениях с тем условием, чтобы срок завершения всего производства по делу об административном правонарушении не был превышен.

Список источников

1. Косарева Н. В. Сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР: учеб. пособие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 204 с.
3. Зуева Л. Ю. Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 19 с.
4. Аванесян Р. Р. Сроки в производстве по делам об административных правонарушениях // Студенческий. 2017. № 18-2 (18). С. 53–55.
5. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов / пер. с англ. Г. Е. Крейдлина; общ. ред., предисл. и прим. В. А. Смирнова, В. К. Финна. М.: Прогресс, 1981.

References

1. Kosareva N.V. Terms in proceedings on administrative offenses: author. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2013.
2. Bakhrakh D.N. Administrative responsibility of citizens in the USSR: textbook. Manual. Sverdlovsk: Publishing House Ural. un-ta, 1989. 204 s.
3. Zueva L. Yu. Procedural terms in proceedings in cases of administrative offenses: author. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2014. 19 p.
4. Avanesyan R. R. Terms in proceedings on administrative offenses//Student. 2017. № 18-2 (18). S. 53-55.
5. Belknap, N, Steele, T. Logic Q & A/trans with English G. E. Creidlin; general. ed., Predisl. note V.A. Smirnov, V.K. Finn. M.: Progress, 1981.

Библиографический список

Осинцев, Д. В. Особенности возбуждения дел об административных правонарушениях в отношении неустановленных юридических лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 6. – С. 56–60.

Bibliographic list

Osintsev, D. V. Features of initiating cases of administrative offenses against unidentified legal entities // Laws of Russia: experience, analysis, practice.– 2022. –№ 6. –S. 56–60.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 342.9

Государственное регулирование и государственное администрирование: соотношение правовых моделей

Осинцев Дмитрий Владимирович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dimios@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8484-0055>

Аннотация. Необходимость возвращения к вопросу о терминологической точности категории «государственное администрирование» вызвана не праздным интересом и не схоластическими упражнениями в изящности словоупотребления для целей построения юридических текстов, а коренным изменением в реорганизации российской правовой системы посредством установления обязательных требований, цикл внедрения которых основан на политической доктрине, формируемой и официально закрепляемой в документах стратегического планирования, а также поддерживаемой гибкими институтами государственного регулирования, позволяющими оказывать всемерную поддержку и содействие отраслям и сферам деятельности, а также отдельным заинтересованным лицам. Подчеркивается, что управленческий цикл представлен как административный процесс на стадии стратегического планирования, как административные производства – на стадии государственного администрирования и как административные процедуры в рамках государственного регулирования отдельных отраслей и сфер деятельности.

Ключевые слова: государственное администрирование, государственное регулирование, обязательные требования, стратегическое планирование

Для цитирования: Осинцев Д. В. Государственное регулирование и государственное администрирование: соотношение правовых моделей // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 48–57.

Original article

State regulation and state administration: ratio of legal models

Osintsev Dmitry V.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, dimios@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8484-0055>

Abstract. The need to return to the issue of terminological accuracy of the category «public administration» is not caused by idle interest and not by scholastic exercises in the elegance of word usage for the purposes of constructing legal texts, but by a fundamental change in the reorganization of the Russian legal system through the establishment of mandatory requirements, the implementation cycle of which is based on political a doctrine formed and formalized in strategic planning documents, as well as supported by flexible institutions of state regulation, which make it possible to provide all possible support and assistance to industries and areas of activity, as well as to individual stakeholders. It is emphasized that the management cycle is presented as an administrative process at the stage of strategic planning, as administrative proceedings - at the stage of state administration and as administrative procedures within the framework of state regulation of individual sectors and areas of activity.

Keywords: public administration, state regulation, mandatory requirements, strategic planning

For citation: Osintsev D. V. State regulation and state administration: correlation of legal models // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 48–57.

Если попытаться сформулировать первое из обозначенных понятий на основе лексических традиций современного юридического языка, то вряд ли удастся положительным образом найти подходящие словесные формы и пределы распространения данного способа правового влияния на социальную среду. Весь арсенал правового влияния включают в это обиходное выражение, не считаясь с особенностями объекта влияния и смысла специфики методов воздействия [1–9].

Вместе с тем можно заметить, что основополагающее правило словоупотребления категории «государственное регулирование» в большинстве случаев задействовано там, где речь идет о взаимодействии публичной власти и внешней среды, на которую она оказывает то или иное влияние, чаще всего оно уместно в экономической деятельности.

Допустимым считается следующее понимание: «Государство проникает во все отрасли и сектора национального хозяйства: от финансового сектора и сектора услуг до промышленности и отраслей реального сектора экономики. Причем независимо от того, каково состояние (уровень рентабельности и т. п.) этих секторов и отраслей. Исходя из принятого предмета, механизмом выступает прямое (от прямой национализации до различных форм реприватизации – от полной до частичной – через участие государства в акционерном капитале и т. п.) или косвенное вмешательство государства в деятельность хозяйствующих субъектов» [10] либо предлагается сопоставить это понятие не по существенным признакам, а по второстепенным атрибутам [11; 12].

Иное дело – государственное администрирование, которому всего посвящено не более 10 статей (по версии СПС «КонсультантПлюс») [13–19], чуть более 1500 – в РИНЦ. Неопределенным образом этот термин употребляется в юридических источниках: Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р «Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года», Распоряжение Правительства РФ от 10.05.2016 № 868-р «О Стратегии развития промышленности строительных материалов на период до 2020 года и дальнейшую перспективу до 2030 года», – где он (термин) лишь назван, но содержание его остается неопределенным.

В доктринальных источниках под государственным администрированием понимается создание структур публичной организации и оптимизация организации их деятельности, сдерживание экономических процессов и защита участников рынка, формирование правового механизма обеспечения безопасности в отдельных отраслях деятельности; такие характеристики представляются как всеобъемлющие, хотя в реальности это скудные и односторонние фразы. Иные же авторы, создается впечатление, что лишь называют категорию «государственное администрирование», пугаясь ее раскрывать, прикаса-

ются к ней как к кипящему «котлу противоречий», тем самым пытаясь всерьез поговорить об актуальной проблеме правоведения, лишь обозначают ее в абстрактных выражениях, не только не разрешая, но и не обозначая сути заявленной проблематики.

Оригинальный выход из создавшейся затруднительной ситуации находит А. Н. Жеребцов, утверждая, что «введение новой категории “государственное администрирование” не вносит в административно-правовую науку нового содержания при осуществлении деятельности исполнительной власти (государственной администрации), ее организации и административно-правового регулирования» [20]. Что сказать? Достойный аргумент в структуре научной теории – не надо никакого нового содержания, при этом никакого старого вообще не было, и откуда оно могло появиться, когда была задана новая модель организации публичной администрации вследствие конституционной реформы, только набирающая ряд техник и технологий ее реализации.

Наконец звучит следующее заявление: «И хотя единого содержательного подхода не наблюдается, все определения весьма противоречивы, все же можно выявить некоторые общие точки соприкосновения, к которым относятся следующие элементы содержательной основы государственного администрирования, а именно:

- ориентированность на исполнительно-распорядительную позитивную деятельность должностных лиц государственной администрации;
- направленность на конкретный вид государственной деятельности в различных сферах жизнедеятельности;
- осуществление деятельности на основе четкого правового регулирования (например, ввод нового налога);
- относимость к внутриорганизационным формам управления;
- процедурный характер деятельности» [21].

Собственно говоря, такие атрибуты можно присвоить любой активности публичной власти, что вовсе не позволяет отличить один вид работы от другого, создать соответствующие юридические технологии применения специфических способов правового воздействия.

Обсуждать, что есть администрирование по своей сути и содержанию на страницах юридических исследований, вряд ли целесообразно. Вопрос хорошо изучен и выражен как ряд постулатов: «Функционер предшествует администратору. Первый следует правилам, не особенно размышляя над их происхождением; второй следит за соблюдением этих правил на уровне операций. Администрирование характерно для крупных организаций с развитой системой норм, правил, процедур, нуждающихся в поддержании» [22–27].

Однако признаем, что повторять известное и устоявшееся понимание того или иного деятельностного феномена (вновь отличать администрирование от

управления, организации и руководства) или проводить исследование путем выявления логических ошибок либо недостатков в имеющихся воззрениях вряд ли продуктивно. В этой связи предложим подход к данным процессам через управленческий цикл, который достаточно хорошо был разработан в советской теории государственного управления [28]. Уместно заметить, что его (цикла) содержание точно не изменилось, только почему-то называли уже отработанную схему организации процессов государственного управления «административный процесс» вместо «управленческий цикл», механически наполнив его производствами и процедурами.

Во-первых, **государственное управление** как цикл представляет собой алгоритм последовательно реализуемых технологий стратегического планирования, государственного администрирования и государственного регулирования.

Во-вторых, **стратегическое планирование** [29], действительно, организовано как процесс, ибо насыщено такими наборами мероприятий, которые в ходе их реализации приводят к переходу от одного состояния социальных процессов в другое по правилу необратимости, никакого сравнения судебными ритуалами, характерными для омонимического названия «процесс» в юрисдикционной деятельности оно не имеет.

Программы, концепции, доктрины, планы мероприятий, дорожные карты и прочие документы стратегического планирования создаются вовсе не для того, чтобы «топтаться» на месте, но задать новые условия жизни социума, разве то же самое преследует конфликтно-ориентированный ход судопроизводства? Очевидно, нет, так как разрешение спора (конфликта) лишь приводит к корректировке отдельных отклонений от имеющихся нормативных устоев, но никак не к их смене, к восстановлению правопорядка, но не к планам развития деятельности.

Более того, в рамках стратегического планирования задаются сценарии возможного использования частных юридических технологий, позволяющих определить, как реализовать государственную отраслевую политику через администрирование отдельных видов деятельности и сбалансировать их влияние через гибкие регуляторные механизмы.

В-третьих, следствием утвержденных политических директив выступает **государственное администрирование**, которое направлено на создание оптимального объема обязательных требований и их проекции на конкретных субъектов посредством принятия административных актов, содержащих применение того или иного метода административно-правового воздействия (регистрационных, легализационных, разрешительных, обеспечительных и распорядительных).

В-четвертых, **государственное регулирование** выступает последствием создания всеобъемлющей схемы государственного администрирования, точнее, наоборот, не последствием, а противовесом, когда

через задание сегментарных изъятий, установление исключений и снятие барьеров (которые возникли как результат утверждения и применения обязательных требований) для организации деятельности подвластных субъектов создаются наиболее комфортные условия для развития отраслей, сфер и регионов.

В этой части администратор действует не путем директив, а через максимальное содействие и предоставление, в том числе путем устранения бюрократических, технологических, политэкономических и других препон в ведении заинтересованными лицами отдельных видов деятельности.

Вполне закономерно, что упорядочение правовой организации деятельности в рамках государственного администрирования осуществляется как **административное производство**, результатом исполнения которого выступает специфический интеллектуальный продукт – административный акт, а результатом государственного регулирования – **административная процедура**, реализация которой позволяет не только действовать в зоне правовой незапрещенности, но еще и получить содействие через систему публичных услуг от представителей государственной (муниципальной) администрации.

Кратковременные реформаторские веяния конца прошлого века вызвали несколько ошибочных позиций, относящихся к необходимости слома административно-командной системы, придания исполнительной власти сервисного статуса, замены системы обеспечения безопасности и поддержания порядка управления на сетевые структуры государственного обслуживания сиюминутных интересов разных лиц.

Юридическая сторона административной реформы оказалась примитивно простой: позаимствовать юридические конструкции регулятивных отраслевых режимов и преломлять их в плоскости государственного управления. Результат не заставил себя долго ждать – угрозы безопасности стали нарастать как снежный ком, а механизмов противостояния им не было. Если бы только нарастать, но аварии, катастрофы, пандемии и экстремистские угрозы, войны, голод и прочие неурядицы и настроения нанесли и наносят реальный урон человечеству, а не только отдельным странам.

Можно констатировать, что тридцатилетняя борьба завершена (символично), восстановлено точное и емкое воззрение на предмет правового влияния и юридический процесс в целом через ценности, обязательные требования и государственное регулирование, определена его структура, создана триада приоритетного и оптимального правового воздействия (комплекс международно-, конституционно- и административно-правовых технологий), а иные регуляторы носят производный или вторичный характер, что требует изменений в плане юридической техники и судебно-процессуального механизма защиты охраняемых законом ценностей.

Построение предмета административного права в советское время касалось острейших вопросов, гене-

рируемых практикой государственного управления: вопросы бесперебойной работы органов государственного управления и оптимизации его структур, бюрократизации аппарата управления, сокращения принудительных средств управления, развитие форм народного контроля, сочетание властных начал и убеждения в рамках административных правоотношений, выделения особой когорты из слоя интеллигенции, не занятой производительным трудом, но его обеспечивающих, – служащих, и многие другие, – все они, прежде чем попасть в поле зрения методологической рефлексии и появления того или иного знаниевого продукта в рамках предмета административного права, вырабатывались реальной практикой государственного управления, а не существовали только как конвенциональные воззрения ученых-административистов той эпохи.

Между тем эпоха прошла, а догматы остались, причем они явно перестали отвечать тем вызовам, которые стали острыми и угрожающими для административной системы (эти вызовы не исследовали и не называли, разве что в исключительных случаях: противодействие терроризму, экстремизму, угрозам информационной безопасности), а искусственным образом привнесенные в практику государственного управления юридические конструкции (публичные договоры, юстиция, иск, контрактная система службы и публичных закупок, публичные услуги, предупредительно-профилактические меры и ряд других), надо констатировать, коренным образом не повлияли ни на понимание, ни на повышение эффективности публично-правовой деятельности, они попросту оказались ширмой, за которой так и не сформировалась практика государственного и муниципального управления.

Заранее было понятно, что попытка привнесения чужеродных юридических конструкций была изначально обречена на провал, так как основной целью являлось создание таких юридических инструментов, которые позволяли бы в угоду частным, не совпадающим даже между собой и внутренне противоречивым интересам гражданина поставить систему государственного аппарата. В целом эта «конструктивная карусель» создала череду правовых актов, влияние которых на публично-правовую деятельность, по сути дела, равно нулю, так как подобные предметные воззрения получили свое воплощение на уровне частных формальных проектов, в свою очередь непосредственная практика государственных органов выполняла именно те функции и реализовывала те полномочия, которыми занималась и занимается тысячелетиями.

В итоге такого осмысления юридической деятельности была создана система параллельных нормативов, фиктивных или действительных, первые хотя официально фиксировали, но всячески нейтрализовали эффект от их применения (управленческие договоры, публичные услуги, административные иски), другие, наоборот, реализовывали (регистрация, лега-

лизация, лицензирование, обеспечение и распоряительство), несмотря на все препятствия и сложности, обеспечивая стабильность и безопасность, наконец, через тридцать лет бега по кругу ошибка признана и официально утверждено, что предметная плоскость воплощения государственной политики, после выявления смысла и содержания ценностного плана общественной жизни, содержательно начинается не через свободу договора, не через самозанятость, не через фермерство или колхозы, либо фантастические проекты, добровольное отшельничество и прочее воплощение случайных людских прихотей, а с **государственного администрирования** и формализуется в **обязательных требованиях**.

Согласно статье 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в РФ [30]» **обязательные требования** – *требования, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы*.

Обязательные требования, предусматривающие установление в отношении граждан и организаций разрешительных режимов (в формах лицензирования, аккредитации, сертификации, включения в реестр, аттестации, прохождения экспертизы, получения согласований, заключений и иных разрешений), устанавливаются федеральными законами, а в случаях, определенных федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ, Правительства РФ.

Если еще пару лет назад можно было бы утверждать о «расслоении» подходов в установлении отраслевых правовых режимов, то ныне, по-сути, административная власть не только самостоятельно, но и безапелляционно выбирает зоны контрольно-надзорного и юрисдикционного влияния; более того, установлен не дифференциальный, а избирательный подход к предмету, который относится к обязательным требованиям, что серьезным образом влияет на формирование механизма реализации конституционного правопорядка, так как отдельные конституционные положения становятся заметными, а другие – незначимыми, одни более ценными, а другие – менее, но где же критерии такого выбора [31]?

Уровень иерархии правовых актов по их юридической силе, привычный отечественному юридическому мышлению, вовсе не имеет значения, при этом раздельное применение текстов приведенных выше документов не предусматривается. В этой связи такой синтетический источник российского права следует именовать **«Перечень актов, содержащих обязательные требования, разрабатывается по отношению к отдельному виду государственного контроля (надзора)»** [32].

Между тем вполне достаточным было бы принятие руководства по соблюдению обязательных требований, так как законодатель «расписался» в собственной немоции, то есть установил редуцированные требования, сознательно создавая пробелы в правовом регулировании, порождающие впоследствии нагромождение различных видов и форм правовых актов, в конечном счете, сведенных в единый документ (руководство), где собрана информация, начиная от законодательно установленных обязанностей и ограничений и заканчивая требованиями делопроизводства, сопровождающего выдачу административных документов и совершение административных действий (процедур).

В чем значимость такого подхода: во-первых, устранена застарелая методологическая ошибка вследствие смены социологической парадигмы и определения предмета отрасли права через пресловутые «общественные отношения» на деятельностный; во-вторых, законодательно признано, что не существует отраслей права, а определенный арсенал юридических средств может быть применен оптимально в тех или иных отраслях деятельности, **право в целом – это вовсе не предметы, не «общественные отношения», а методы достижения целей деятельности**; в-третьих, лимитированы границы применения этих юридических средств, при этом механизм правового регулирования заключается в том, что после определения охраняемых законом ценностей изначально имеющиеся технико-эксплуатационные нормы, регулирующие тот или иной вид деятельности, если имеется риск причинения вреда (ущерба) названным выше ценностям, заменяются на нормы административного права (обязательные требования), за их пределами могут на основе саморегулирования создаваться нормы любых иных отраслей, официально оформляемые вне обязательных требований.

Обязательные требования сами по себе уже являются мерами защиты охраняемых законом ценностей, обеспечение законности их применения в рамках судебной юрисдикции, по всей видимости, должно осуществляться в форме административного судопроизводства, так как имеют место вовсе не споры, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью, а судебное санкционирование законности административно-правовой регламентации и правоприменения в рассматриваемых отраслях и сферах деятельности – это уже вторичный и последующие уровни регламентации, это вовсе не экономика, а государственное администрирование.

В чем же ключевое изменение подхода к изложению обязательных требований, ведь речь идет лишь о консолидации уже известных правовых актов согласно признакам их видовой соподчиненности?

Во-первых, признается, что нормативность перестала играть решающую роль в выборе значимости и важности источника для регламентации от-

дельных видов деятельности, вне полноты системы официального документирования деятельности властных инстанций невозможно применение риск-ориентированного подхода, профилактических и контрольно-надзорных мероприятий, а также привлечения к различным видам административной ответственности.

Во-вторых, абсолютная дискреция предоставлена органам исполнительной власти — авторам перечней правовых актов, содержащих обязательные требования, в выборе относятся ли такие акты полностью или частично к документам, содержащим обязательные требования — явный приоритет исполнительной деятельности над правотворчеством.

В-третьих, получил свое легализованное закрепление принцип перекрестного администрирования, то есть допустима экстраполяция юридической силы ведомственного акта, исходящего от одного административного органа (уполномоченной организации) для другого (других). Для примера, МВД России одновременно контролирует применение актов Минтранса России [33], Минпромторга России, акты Минздрава России и Минздрава СССР, Ростехрегулирования, Росстандарта [34] и т. д.

Теперь об одной коллизионной ситуации. Обязательные требования относятся к лицензиям, разрешениям, аккредитации, оценке и экспертизе, и государственные и муниципальные услуги касаются того же самого вопроса [35]. Тогда в чем же различие этих двух сегментов правового влияния, где линия демаркации администрирования или регулирования? Видимо, в том, что они принципиально противоположны.

Имели место воззрения об административно-правовом режиме предоставления государственных и муниципальных услуг [36–39], но вряд ли такие выводы можно считать состоятельными, так как это всего лишь организационно-техническая схема приема-выдачи документов, в том числе административных актов, которые автономно приняты уполномоченными властными инстанциями, иначе говоря, те же самые пресловутые МФЦ – всего лишь передаточное звено в бюрократическом механизме, никакой административно-правовой статус они не приобретают из-за того, что выполняют техническую роль получения и вручения уже состоявшихся решений (властных актов).

МФЦ и подобного рода организации и подразделения государственных органов – это лишь альтернативный оператор почтовой связи [40]. Обычно почта доставляет письма, но из-за того, что она направит конверт с судебной повесткой, посылку с продуктами или денежный перевод, она вовсе не становится судом, супермаркетом или кредитной организацией, также организации, оказывающие государственные и муниципальные услуги, не трансформируются во властные инстанции, получая в руки административные документы, судить по-иному – это вульгарный инфантилизм.

Обязательные требования – это приказ, административно-распорядительный акт. Стоит ли его обсуждать? Приказ нужно просто выполнять. Да, еще попутно нужно завершить дискуссию о предмете административного права, так как законодатель уже все сказал, а приказ нужно просто выполнять!

На этом управленческий цикл вовсе не завершен, пора перейти к стадии **государственного регулирования**. Как это ни странно будет звучать, но все перечисленное к нему не относится, регулирование – антитезис администрирования, поэтому оно заключается в снятии препятствий, созданных административными актами. Например, на основе Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 02.02.2021 № 10 «Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения и признания барьеров устраненными», где даны следующие классификационные группы препятствий, порождаемых административными актами:

«барьеры» – препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза и их доступа на рынки государств-членов, возникшие вследствие несоответствия норм законодательства государств-членов либо сложившейся в государствах-членах правоприменительной практики праву Союза;

«изъятия» – исключения (отступления) в части неприменения государством-членом общих правил функционирования внутреннего рынка Союза, предусмотренные его правом;

«ограничения» – препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза и их доступа на рынки государств-членов, возникшие вследствие отсутствия правового регулирования экономических отношений, развитие которых предусмотрено правом Союза.

Снятие препятствий возможно и на основании актов стратегического планирования в рамках национальных правовых систем. Например, такое встречается в Распоряжении Правительства РФ от 09.06.2020 № 1526-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Энерджинет» [41]», Распоряжении Правительства РФ от 21.01.2020 № 40-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Маринет» [42]» и т. п.

Говорить о какой-либо системной работе в этом плане не стоит, мало того, и не требуется, так как проведение регуляторной политики носит ситуационный

и кратковременный характер, не занимает множества сфер и отраслей деятельности, поэтому примеры внедрения регулятивных средств достаточно ограничены и незначительны количественно: регулятор азартных игр [43], регуляторные послабления Банка России [44], регулирование тарифов [45]. Возможны также другие инструменты регуляторной политики: пенсионное обеспечение, частные коммунальные предприятия, регулирование цен, правила планирования, обязательное автострахование, обязательства по использованию возобновляемых источников энергии, регулирование стандартов [46].

Итак, производства создали необходимый управленческий продукт, процедуры его воплощения в жизнь состоялись, но управленческий цикл можно возобновлять, последовательно шествуя от одного прорывного стратегического решения к другому!

Список источников

1. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов и др.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 432 с.
2. Унификация правовых основ экономических инструментов государственного регулирования внешнеторговой деятельности в государствах - членах Таможенного союза ЕврАзЭС: монография / И. Л. Аверичева, А. В. Богданова, О. В. Гутарина и др.; под ред. Т. Н. Трошкиной. М.: Институт публично-правовых исследований, 2014. 230 с.
3. Шишкин С. Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики: монография. М: Инфотропик Медиа, 2011. 328 с.
4. Полякова В. Э. Государственное регулирование: понятие, формы и сферы осуществления // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26 мая 2022 г.).
5. Глеба О. В. Совершенствование механизмов государственного регулирования охраны труда в сельском хозяйстве // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 31–40.
6. Зинковский М. А. Государственное регулирование цифровой экономики: некоторые особенности // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 12. С. 48–51.
7. Куценко А. А. Государственное регулирование корпоративных отношений: российский и международный опыт // Конкурентное право. 2021. № 3. С. 42–45.
8. Азарова Е. Г. Дети как приоритет государственного регулирования социального обеспечения // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 106–119.
9. Шилук Т. О. Принципы государственного регулирования в области генной инженерии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 30–38.
10. Уянаев Б. Б., Гятова А. Х., Шомахова М. Х. Понятие «государственное регулирование экономики»

(грэ) и типы государственного регулирования экономики // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2013. № 9. С. 12–18.

11. Юрашевич Н. М., Минько Н. С. Правовая сущность и соотношение категорий «государственное управление», «государственное регулирование» и «правовое регулирование» // Юстиция Беларуси. 2019. № 3.

12. Шашкина А. Н. Сравнительный анализ понятий «государственное управление», «государственное регулирование», «административно-правовое регулирование» // Российская таможенная академия – 20 лет в авангарде таможенного образования и науки: сб. материалов Международной научно-практической конференции. Москва, 2013. С. 263–265.

13. Воронов А. М., Сандугей А. Н. О системных проблемах государственного администрирования в сфере миграции // Административное право и процесс. 2020. № 11. С. 52–56.

14. Дюкарев В. В., Мигачева Е. В. Экономическая концентрация под влиянием государственного администрирования // Безопасность бизнеса. 2020. № 5. С. 26–29.

15. Саттарова Н. А., Шохин С. О. Отдельные вопросы государственного администрирования в сфере обеспечения финансовой безопасности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. С. 167–185.

16. Воронов А. М. К вопросу правовой регламентации государственного администрирования // Административное право и процесс. 2018. № 4. С. 38–43. Гоголев А. М. Некоторые тенденции и закономерности становления и развития государственного администрирования // Административное право и процесс. 2018. № 2. С. 19–25.

17. Черкасов К. В., Захаревич Д. А. Некоторые вопросы формирования открытого государственного администрирования в современной России // Административное право и процесс. 2016. № 7. С. 5–9.

18. Сухарев А. С. Административно-правовые средства и методы противодействия коррупции в сфере государственного администрирования // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 50–54.

19. Махина С. Н. Концепция децентрализации государственного администрирования: некоторые вопросы содержания и значения // Административное право и процесс. 2006. № 1.

20. Жеребцов А. Н. Государственное управление, государственное администрирование или административно-публичная деятельность в сфере миграции: дискуссионные вопросы // Очерки новейшей камералистики. 2021. № 2. С. 2–11.

21. Дудко Д. А. Теоретические основы правовых презумпций в системе государственного администрирования // Вестник Евразийской академии административных наук. 2020. № 1 (50). С. 74–79.

22. Философия управления: монография / Л. Г. Голубкова, В. М. Розин. Йошкар-Ола: Марийский госу-

дарственный технический университет, 2010. 16, 17 с.

23. Социальные мышление и деятельность: влияние новых интеллектуальных технологий: сб. трудов Института системного анализа Российской академии наук / ред. Б. В. Сазонова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. С. 182–225.

24. Матюхин А. А. Поиски оснований правопонимания в условиях общественных изменений // Научные труды «Адилет» (Алматы). 2003. № 2 (14). С. 3–14.

25. Щедровицкий Г. П. Анализ связей управления в социальных структурах и деятельности. (В соавторстве с В. А. Лефевром, Э. Г. Юдиным) (Место публикации не установлено). 1966.

26. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций на курсах повышения квалификации руководящих работников и специалистов Минэнерго. 1981 // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 4. М., 2000.

27. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы. Лекции во Всесоюзном институте повышения квалификации руководящих работников рыбной промышленности в г. Калининграде. 1988. // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 5. М., 2003.

28. Основные понятия теории социального управления: учеб. пособие по спецкурсу / Д. Н. Бахрах. Пермь: ПГУ, 1978. 101 с.

29. Анисимов О. С. Стратегия и стратегическое мышление (методолого-акмеологические аспекты) // Некоммерческий научный Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»: сайт. URL: : <https://www.fondgp.ru/publications/%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b0%d1%82%d0%b5%d0%b3%d0%b8%d1%8f-%d0%b8-%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b0%d1%82%d0%b5%d0%b3%d0%b8%d1%87%d0%b5%d1%81%d0%ba%d0%be%d0%b5-%d0%bc%d1%8b%d1%88%d0%bb%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5-2/>.

30. СЗ РФ. 2020. № 31 (Ч. I). Ст. 5007.

31. Безруков А. В., Осинцев Д. В. Конституционный правопорядок и администрирование: дифференциация правовых моделей // Административное право и процесс. 2020. № 5. С. 9–14. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.doi.org> (DOI: 10.18572/2071-1166-2020-5-9-14).

32. Методические рекомендации по составлению перечня правовых актов и их отдельных частей (положений), содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю в рамках отдельного вида государственного контроля (надзора): утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по проведению административной реформы от 18.08.2016 № 6.

33. Перечень нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых является предметом федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения (при осуществлении дорожной деятельности) (утв. МВД

России) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

34. Приказ Минпромторга России от 25.01.2021 № 166 «Об утверждении перечня нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется Минпромторгом России в рамках предоставления государственной услуги по лицензированию производства лекарственных средств для медицинского применения» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.05.2022 г.).

35. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 352 «Об утверждении перечня услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления федеральными органами исполнительной власти, Государственной корпорацией по атомной энергии "Росатом" государственных услуг и предоставляются организациями, участвующими в предоставлении государственных услуг, и определении размера платы за их оказание» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26 мая 2022 г.).

36. Новикова И. Д. Надлежащий уровень правовой регламентации административных процедур как важное направление совершенствования института государственных услуг // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 5. С. 28–34. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.doi.org> (DOI: 10.18572/1813-1247-2019-5-28-34).

37. Киселева Н. В. Административно-правовое регулирование качества государственных услуг // Юрист. 2017. № 20. С. 12–16.

38. Лебедева Е. А. Некоторые проблемы административно-правового регулирования предоставления государственных услуг // Административное право и процесс. 2017. № 9. С. 40–43.

39. Смирнова А. А. О соотношении государственных услуг, функций и полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 120–130.

40. Соболев О. В. Государственные и муниципальные услуги: дифференциация отраслевого регулирования // Российский юридический журнал. 2020. № 4 (133). С. 103–111.

41. СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3850.

42. СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 426.

43. Федеральный закон от 30.12.2020 № 493-ФЗ «О публично-правовой компании «Единый регулятор азартных игр» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.05.2022 г.).

44. Информация Банка России от 10.08.2020 «Банк России принял решение по регуляторным послаблениям и макропруденциальным мерам» // Вестник Банка России. 2020. № 61.

45. Письмо ФАС России от 09.07.2018 № АГ/52024/18 «О даче разъяснений по вопросу рассмотрения тер-

риториальным антимонопольным органом жалоб граждан и хозяйствующих субъектов на установление (размеры) тарифов, подлежащих государственному регулированию и установленных региональным регулятором» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19 мая 2022 г.).

46. Малган, Джефф. Искусство государственной стратегии. М.: Издательство Институт Гайдара, 2011. С. 165.

References

1. Law and economic development: problems of state regulation of the economy: monograph / V. K. Andreev, L. V. Andreeva, K. M. Arslanov et al.; resp. ed. V. A. Vaypan, M. A. Egorova. M.: Yustitsinform, 2017. 432 p.

2. Unification of the legal foundations of economic instruments of state regulation of foreign trade activities in the member states of the EurAsEC Customs Union: monograph / I. L. Avericheva, A. V. Bogdanova, O. V. Gutarina and others; ed. T. N. Troshkina. M.: Institute of Public Law Research, 2014. 230 p.

3. Shishkin S. N. Entrepreneurial and legal (economic and legal) foundations of state regulation of the economy: monograph. M: Infotropic Media, 2011. 328 p.

4. Polyakova V. E. State regulation: concept, forms and spheres of implementation // Consultant Plus: site. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed May 26, 2022).

5. Gleba O. V. Improving the mechanisms of state regulation of labor protection in agriculture // Economy and law. 2022. No. 2. S. 31–40.

6. Zinkovsky M. A. State regulation of the digital economy: some features // State power and local self-government. 2021. No. 12. P. 48–51.

7. Kushchenko A. A. State regulation of corporate relations: Russian and international experience // Competition law. 2021. No. 3. P. 42–45.

8. Azarova E. G. Children as a priority of state regulation of social security // Journal of Russian law. 2021. No. 5. P. 106–119.

9. Shilyuk T. O. Principles of state regulation in the field of genetic engineering // Actual problems of Russian law. 2020. No. 7. P. 30–38.

10. Uyanaev B. B., Gyatova A. Kh., Shomakhova M. Kh. The concept of "state regulation of the economy" (GR) and types of state regulation of the economy // State and municipal management in the XXI century: theory, methodology, practice. 2013. No. 9. P. 12–18.

11. Yurashevich N. M., Minko N. S. Legal essence and correlation of the categories "public administration", "state regulation" and "legal regulation" // Justice of Belarus. 2019. No. 3.

12. Shashkina A. N. Comparative analysis of the concepts of "public administration", "state regulation", "administrative and legal regulation" // Russian Customs Academy - 20 years in the forefront of customs education and science: Sat. materials of the International scientific-practical conference. Moscow, 2013, pp. 263–265.

13. Voronov A. M., Sandugey A. N. On the systemic problems of public administration in the field of

- migration // Administrative law and process. 2020. No. 11. P. 52–56.
14. Dyukarev V. V., Migacheva E. V. Economic concentration under the influence of public administration // Business Security. 2020. No. 5. S. 26–29.
15. Sattarova N. A., Shokhin S. O. Selected issues of public administration in the field of financial security // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2018. No. 2. P. 167–185.
16. Voronov A. M. On the issue of legal regulation of public administration // Administrative law and process. 2018. No. 4. P. 38–43. Gogolev A. M. Some trends and patterns of formation and development of public administration // Administrative law and process. 2018. No. 2. S. 19–25.
17. Cherkasov K. V., Zakharevich D. A. Some issues of the formation of open public administration in modern Russia // Administrative law and process. 2016. No. 7. P. 5–9.
18. Sukharev AS Administrative legal means and methods of combating corruption in public administration // Administrative law and process. 2014. No. 1. P. 50–54.
19. Makhina S. N. The concept of decentralization of public administration: some issues of content and meaning // Administrative law and process. 2006. No. 1.
20. Zhrebtsov A. N. Public administration, public administration or administrative and public activities in the field of migration: debatable issues // Essays on the latest cameralistics. 2021. No. 2. S. 2–11.
21. Dudko D. A. Theoretical foundations of legal presumptions in the system of public administration // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2020. No. 1 (50). pp. 74–79.
22. Philosophy of management: monograph / L. G. Golubkova, V. M. Rozin. Yoshkar-Ola: Mari State Technical University, 2010. 16, 17 p.
23. Social thinking and activity: the impact of new intellectual technologies: Sat. Proceedings of the Institute for System Analysis of the Russian Academy of Sciences / ed. B. V. Sazonova. Moscow: Editorial URSS, 2004, pp. 182–225.
24. Matyukhin A. A. Search for the foundations of legal understanding in the conditions of social changes // Scientific works "Adilet" (Almaty). 2003. No. 2 (14). pp. 3–14.
25. Shchedrovitsky G. P. Analysis of the connections of management in social structures and activities. (Co-authored with V. A. Lefebvre, E. G. Yudin) (Publication unknown). 1966.
26. Organizational thinking: ideology, methodology, technology. A course of lectures at advanced training courses for managers and specialists of the Ministry of Energy. 1981 // From the archive of G. P. Shchedrovitsky. T. 4. M., 2000.
27. Methodology and philosophy of organizational and managerial activity: basic concepts and principles. Lectures at the All-Union Institute for advanced training of managers of the fishing industry in Kaliningrad. 1988. // From the archive of G.P. Shchedrovitsky. T. 5. M., 2003.
28. Basic concepts of the theory of social management: textbook. allowance for a special course / D.N. Bahrakh. Perm: PGU, 1978. 101 p.
29. Anisimov O. S. Strategy and strategic thinking (methodological and acmeological aspects). G.P. Shchedrovitsky": site. URL: <https://www.fondgp.ru/publications/%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b0%d1%82%d0%b5%d0%b3%d0%b8%d1%8f-%d0%b8-%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b0%d1%82%d0%b5%d0%b3%d0%b8%d1%87%d0%b5%d1%81%d0%ba%d0%be%d0%b5-%d0%bc%d1%8b%d1%88%d0%bb%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5-2/>.
30. SZ RF. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5007.
31. Bezrukov A. V., Osintsev D. V. Constitutional law and order and administration: differentiation of legal models // Administrative law and process. 2020. No. 5. P. 9–14. Electron. copy of the ed. URL: <https://www.doi.org> (DOI: 10.18572/2071-1166-2020-5-9-14).
32. Guidelines for compiling a list of legal acts and their separate parts (provisions) containing mandatory requirements, compliance with which is assessed when carrying out control measures within a separate type of state control (supervision): approved. Minutes of the meeting of the Government Commission for the implementation of administrative reform dated August 18, 2016 No. 6.
33. The list of regulatory legal acts (their separate provisions) containing mandatory requirements, the assessment of compliance with which is the subject of federal state supervision in the field of road safety (in the implementation of road activities) (approved by the Ministry of Internal Affairs of Russia) // Consultant Plus: site. URL: <https://www.consultant.ru>
34. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated January 25, 2021 No. 166 "On approval of the list of regulatory legal acts (their individual provisions) containing mandatory requirements, compliance with which is assessed by the Ministry of Industry and Trade of Russia as part of the provision of a public service for licensing the production of medicines for medical use" // ConsultantPlus: site. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 05/28/2022)
35. Decree of the Government of the Russian Federation of May 6, 2011 No. 352 "On approval of the list of services that are necessary and mandatory for the provision of public services by the federal executive authorities, the State Atomic Energy Corporation Rosatom and are provided by organizations involved in the provision of public services, and determining the amount of payment for their provision" // ConsultantPlus: site. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed May 26, 2022).
36. Novikova ID Proper level of legal regulation of administrative procedures as an important direction of improving the institution of public services // State power and local self-government. 2019. No. 5. S. 28–34. Electron. copy of the ed. URL: <https://www.doi.org> (DOI: 10.18572/1813-1247-2019-5-28-34).

37. Kiseleva NV Administrative and legal regulation of the quality of public services // Lawyer. 2017. No. 20. P. 12–16

38. Lebedeva EA Some problems of administrative and legal regulation of the provision of public services // Administrative law and process. 2017. No. 9. P. 40–43

39. Smirnova A. A. On the ratio of public services, functions and powers of executive authorities // Journal of Russian law. 2015. No. 3. P. 120–130.

40. Sobolev O. V. State and municipal services: differentiation of industry regulation // Russian legal journal. 2020. No. 4 (133). pp. 103–111.

41. SZ RF. 2020. No. 24. Art. 3850.

42. SZ RF. 2020. No. 4. Art. 426.

43. Federal Law No. 493-FZ of December 30, 2020 "On the Public Law Company "Unified Gambling Regulator" and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // ConsultantPlus: website. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 05/22/2022)

44. Information from the Bank of Russia dated August 10, 2020 "The Bank of Russia made a decision on regulatory easing and macroprudential measures" // Bulletin of the Bank of Russia. 2020. No. 61.

45. Letter of the FAS Russia dated July 9, 2018 No. AG/52024/18 "On giving clarifications on the issue of consideration by the territorial antimonopoly body of complaints from citizens and business entities regarding the establishment (sizes) of tariffs subject to state regulation and established by the regional regulator" // ConsultantPlus: website . URL: <https://www.consultant.ru> (accessed May 19, 2022)

46. Mulgan, Jeff. The Art of State Strategy. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2011. P. 165.

Информация об авторе

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Osintsev Dmitry V. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Научная статья

УДК 343.98

О некоторых вопросах расследования уголовных правонарушений в сфере медицинского обслуживания населения (по законодательству Республики Казахстан)

Воеводкин Денис Викторович ¹, Муканбеткалиев Арман Алтаевич ²

^{1,2} Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Косшы, Казахстан

¹ voevodkinden@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1763-1808>

² armanzko2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1423-2983>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы современного состояния расследования преступлений в сфере медицинского обслуживания населения. Приведены статистические сведения о количестве совершенных преступлений в сфере медицинского обслуживания населения, акцентируется внимание на том, что преступления данного вида опасны, особенно в условиях пандемии. Освещены проблемы регистрации таких правонарушений, их укрытия. Сделаны выводы о необходимости осуществления сверок о проведенных анализах медицинских инцидентов между органами уголовного преследования и организациями, осуществляющими аудит, контроль в сфере медицинской и фармацевтической деятельности, а также разработки криминалистической характеристики преступлений в сфере медицинского обслуживания населения.

Ключевые слова: здравоохранение, ятрогенные преступления, криминалистическая характеристика, медицинское обслуживание населения

Для цитирования: Воеводкин Д. В., Муканбеткалиев А. А. О некоторых вопросах расследования уголовных правонарушений в сфере медицинского обслуживания населения (по законодательству Республики Казахстан) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 58–64.

Original article

About some issues of investigation of criminal offenses in the field of public health care (according to the legislation of the Republic of Kazakhstan)

Voyevodkin Denis V. ¹, Mukanbetkaliev Arman A. ²

^{1,2} Law enforcement academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, Koshy, Kazakhstan

¹ voevodkinden@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1763-1808>

² armanzko2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1423-2983>

Abstract. The article deals with the issues of the current state of the investigation of crimes in the field of medical care for the population. Statistical information is given on the number of crimes committed in the field of medical care for the population, attention is focused on the fact that crimes of this type are dangerous, especially in a pandemic. The problems of registration of such offenses and their concealment are highlighted. Conclusions are drawn about the need to carry out reconciliations of the analyzes of medical incidents between the criminal prosecution bodies

and organizations that carry out audit, control in the field of medical and pharmaceutical activities, as well as the development of a forensic characterization of crimes in the field of medical care for the population.

Keywords: healthcare, iatrogenic crimes, forensic characteristics, medical care of the population

For citation: Voyevodkin D. V., Mukanbetkaliev A. A. About some issues of investigation of criminal offenses in the field of public health care (according to the legislation of the Republic of Kazakhstan) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 58–64.

Введение

Право на охрану здоровья, согласно Конституции Республики Казахстан, отнесено к числу основных конституционных прав граждан. Граждане Республики вправе получать бесплатно гарантированный объем медицинской помощи, установленный законом [1].

В целях реализации конституционного права граждан Республики Казахстан на охрану здоровья в стране принят Кодекс «О здоровье и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК, который регулирует общественные отношения в области здравоохранения (далее – Кодекс) [2].

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 октября 2021 г. № 725 утвержден национальный проект «Качественное и доступное здравоохранение для каждого гражданина "Здоровая нация", в соответствии с которым одним из приоритетов является предоставление качественных и доступных медицинских услуг.

Как показывает практика, при реализации данного права имеют место случаи негативных последствий для жизни и здоровья пациентов.

Президент Республики Казахстан К. К. Токаев справедливо отмечает: «...совсем недавно любые упоминания о казахстанской медицине вызывали сплошной поток негатива» [3]. Периодически в сфере медицинского обслуживания населения Республики Казахстан происходят чрезвычайные происшествия, имеющие большой общественный резонанс. К примеру, предметом широкого обсуждения в обществе явились события 2006 г. в Южно-Казахстанской области, когда в ходе переливания крови 84 ребенка и 12 их матерей заразились ВИЧ-инфекцией. Либо обвинение медиков г. Алматы в 2009 г. родителями 10 детей, больных лейкозией, в заражении их гепатитом С.

При этом качество расследования уголовных дел по таким фактам оставляет желать лучшего, о чем свидетельствуют приведенные в основной части статьи статистические данные.

Анализ статистических сведений свидетельствует о том, что практические работники органов уголовного преследования испытывают проблемы при выявлении таких уголовных правонарушений, их расследовании, формировании наиболее полной доказательственной базы, квалификации действий медицинских работников.

Изложенное связано в первую очередь со спецификой такого рода правонарушений, наличием объективных трудностей установления причинной связи между наступившими общественно опасными

последствиями и действием (бездействием) медицинского работника.

Основная часть

Как показывает статистика, регистрируется множество случаев летальных исходов женщин во время родов, отказа медицинского персонала больниц в госпитализации тяжело заболевших лиц без определенного места жительства, обвинения пациентами пластических хирургов в обезображивании их лиц и т. п. Особую актуальность приобретают случаи некачественного предоставления медицинских услуг в условиях пандемии коронавируса.

Неблагоприятным последствием, возникающим в процессе медицинской деятельности, эксперты Всемирной организации здравоохранения в 1995 г. дали определение «ятрогенные» (от греч. *iatros* — врач и *gennes* — порождаемый) [4]. Термин «ятрогения» был введен в медицинский оборот в 1925 г. немецким психиатром Освальдом Бумке в работе «Врач как причина душевных расстройств» и первоначально означал причинение вреда пациенту неосторожным, недуманным, бестактным словом врача [5]. В дальнейшем юристами данный термин введен в оборот, что привело к появлению в уголовном праве такого понятия, как «ятрогенные преступления» [6].

По мнению Н. В. Иванцовой, выделение категории «ятрогенные преступления» необоснованно и зиждется на подмене истинного содержания данного термина, противоречит его буквальному переводу [7]. Мы согласны с данной точкой зрения, поскольку преступления в сфере медицинского обслуживания населения по Уголовному кодексу Республики Казахстан (далее – УК РК) включают в себя не только повлекшие вред здоровью вследствие врачебных ошибок, но и другие, ввиду чего употребление данного понятия сужает сферу его распространения.

В частности, по УК РК уголовные правонарушения в сфере медицинского обслуживания населения содержатся в главе 12, называемой «медицинские уголовные правонарушения», и включает в себя 7 составов (ст. 317–323 УК РК) [8]. К ним относятся: ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником (ст. 317 УК РК); нарушение порядка проведения клинических исследований и применения новых методов и средств профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации (ст. 318 УК РК); незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 319 УК РК); неоказание медицинской помощи (ст. 320 УК РК); разглашение тайны медицинского

работника (ст. 321 УК РК); незаконная медицинская и фармацевтическая деятельность; незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 322 УК РК); обращение с фальсифицированными лекарственными средствами или медицинскими изделиями (ст. 323 УК РК). Наказание по ним предусматривает как штраф в размере от 200 до 4000 МРП, так и лишение свободы на срок от 3 до 7 лет.

Помимо указанной категории уголовных правонарушений медицинские работники могут являться субъектами по таким правонарушениям, как убийство с целью использования органов или тканей потерпевшего (п. 12 ч. 2 ст. 99 УК РК); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью с целью использования

органов или тканей потерпевшего (п. 9 ч. 2 ст. 106 УК РК); принуждение к изъятию или незаконное изъятие органов и тканей человека (ст. 116 УК РК); незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 127 УК РК); торговля людьми в целях изъятия органов или тканей потерпевшего для трансплантации или иного использования (п. 7 ч. 2 ст. 128 УК РК); торговля несовершеннолетними в целях изъятия органов или тканей потерпевшего для трансплантации или иного использования (п. 6 ч. 2 ст. 135 УК РК); незаконное изъятие органов и тканей трупа человека (ст. 315 УК РК).

Динамика уголовных правонарушений по главе 12 за последние 5 лет, согласно статистическому отчету формы № 1-М «О зарегистрированных преступлениях и результатах деятельности органов уголовного преследования», выглядит следующим образом:

	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Всего
Зарегистрировано в едином реестре досудебных расследований	457	264	360	333	256	210	1 880
в т. ч. по ст. 317 УК РК	434	255	345	325	246	203	1 808
из них повлекших смерть потерпевшего	43	28	61	45	59	84	326
ст. 318 УК РК	7	2	2	1	1	–	13
ст. 319 УК РК	8	3	6	1	1	1	20
по ст. 320 УК РК	–	2	2	–	2	2	8
по ст. 321 УК РК	–	–	–	–	1	–	1
по ст. 322 УК РК	8	1	4	3	4	3	23
по ст. 323 УК РК	–	1	1	3	1	–	6
Окончено производством	50	39	35	22	25	47	218
по ст. 317 УК РК	42	36	33	20	23	43	197
по ст. 318 УК РК	2	1	1	–	–	–	4
по ст. 319 УК РК	1	–	–	1	–	1	3
по ст. 320 УК РК	1	–	–	–	1	–	2
по ст. 321 УК РК	–	–	–	–	–	–	–
по ст. 322 УК РК	4	2	1	1	1	2	11
по ст. 323 УК РК	–	–	–	–	–	1	1

Как видно из приведенных сведений, 96,2 % от общего количества зарегистрированных правонарушений составляют факты ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей медицинским или

фармацевтическим работником. При этом из зарегистрированных преступлений нашли свое логическое завершение лишь 11,6 %. Картина по ним выглядит следующим образом:

Из окончанных производством прекращено по нереабилитующим основаниям (по п. 3, 4, 9, 10, 11, 12 ч. 1 ст. 35 и ст. 36 УПК РК)	28	25	15	12	10	25	115
ст. 317 УК РК	23	24	15	11	10	23	106
ст. 318 УК РК	2	1	–	–	–	–	3
ст. 319 УК РК	–	–	–	1	–	1	2
ст. 320 УК РК	–	–	–	–	–	–	–
ст. 321 УК РК	–	–	–	–	–	–	–

ст. 322 УК РК	3	–	–	–	–	1	4
ст. 323 УК РК	–	–	–	–	–	–	–
Направлено в суд	22	14	20	10	15	22	103
ст. 317 УК РК	19	12	18	9	13	20	91
ст. 318 УК РК	–	–	1	–	–	–	1
ст. 319 УК РК	1	–	–	–	–	–	1
ст. 320 УК РК	1	–	–	–	1	–	2
ст. 321 УК РК	–	–	–	–	–	–	–
ст. 322 УК РК	1	2	1	1	1	1	7
ст. 323 УК РК	–	–	–	–	–	1	1

Изложенное свидетельствует о наличии определенных проблем при раскрытии и расследовании преступлений данной категории, в числе которых мы видим отсутствие научных исследований в области криминалистической характеристики преступлений учитываемой категории, ведомственное лоббирование интересов врачей и другие обстоятельства, которые будут изложены ниже.

Так, совсем недавно, в 2019 году, в обществе был предметом обсуждения вопрос об исключении главы 12 из УК РК. В средствах массовой информации сообщалось о подаче в Парламент соответствующего обращения медиками, которые говорили о том, что «медицинские инциденты, а также вопросы, не касающиеся "халатного отношения со стороны медицинского работника" (неоказания должной медицинской помощи), необходимо регулировать административным кодексом (выплата компенсации за ущерб) и Кодексом о здоровье (приостановление действия разрешительных документов, выданных медицинскому работнику)» [9].

Однако данная инициатива не была поддержана парламентариями, что, на наш взгляд, правомерно, поскольку вокруг якобы необоснованного привлечения к уголовной ответственности усматриваются признаки искусственного нагнетания истерии, на что указывает несоответствие официальной статистике приводимых в статье цифр.

На 1 января 2021 года, согласно статистическим данным, в системе здравоохранения Республики Казахстан с учетом всех ведомств трудятся 262 200 медицинских работников, в том числе 76 443 врача, 185 757 средних медицинских работников [10].

Таким образом, 246 уголовных дел за 2020 год на данное количество врачей составляют менее 1 %. Сравнить же с количеством пациентов не представляется возможным ввиду отсутствия о них сведений, однако, несомненно, такой процент будет значительно меньше.

Между тем в развитых странах количество случаев медицинских ошибок достигает 10 %, то есть каждый десятый пациент страдает при оказании медицинской помощи [11].

Отсюда можно сделать выводы о несовершенстве учета медицинских инцидентов либо их намеренном

сокрытии, что, на наш взгляд, представляется наиболее вероятным.

Другим аспектом ненадлежащего учета медицинских правонарушений является то, что досудебные производства по данным правонарушениям регистрируются при наличии соответствующего обращения пострадавших либо от их представителей. В то же время дела об уголовных правонарушениях указанной категории относятся к делам публичного обвинения (за исключением ч. ч. 1, 2 ст. 319 и ст. 321 УК РК).

Случаи смерти людей по естественным причинам либо от какой-нибудь болезни в большинстве случаев списываются сотрудниками органов уголовного преследования в номенклатурные дела, хотя на момент смерти они могли получать лечение, состоять на учете в организациях здравоохранения и т. д.

Как рассматривать вопрос привлечения к уголовной ответственности в этих ситуациях? Следует ли по каждому такому факту осуществлять регистрацию в Едином реестре досудебных расследований и выяснять причины, приведшие к смерти человека, или продолжить практику списания в номенклатурное дело? Может быть, к смерти привело ненадлежащее лечение со стороны врача или банальное неисполнение пациентом рекомендаций медиков? Эти вопросы, на наш взгляд, требуют более детального изучения с выработкой конкретных рекомендаций.

Следует ли рассматривать вопрос об уголовной ответственности медиков при отсутствии результатов лечения, к примеру, от онкологии, вируса иммунодефицита человека или коронавируса? Понятно, что на сегодня не существует эффективных методов лечения первых двух болезней, что исключает объективную сторону преступления, с другой стороны, подлежит изучению вопрос: действовал ли медицинский персонал в соответствии с рекомендованными методами лечения?

Из открытых источников информации следует, что в период пандемии коронавируса зарегистрировано по одним данным – 12 969 [12], по другим – 18 160 [13] летальных исходов. Однако ни одного дела по этим фактам зарегистрировано не было. Более того, при лабораторном подтверждении диагноза COVID-19 тело умершего не подвергается вскрытию и не выдается родственникам [14]. На наш взгляд, каждый

случай смерти следует в обязательном порядке рассматривать через призму полноты оказанной медицинской помощи.

Кодексом Республики Казахстан «О здоровье и системе здравоохранения» введен термин «медицинский инцидент» под которым понимается событие, связанное с оказанием медицинской помощи в соответствии со стандартами организации оказания медицинской помощи и с использованием технологий, оборудования и инструментов, обусловленное отклонением от нормального функционирования организма, которое может нанести вред жизни и здоровью пациента, а также привести к смерти пациента, за исключением случаев, предусмотренных административным и уголовным законодательством Республики Казахстан (п. 5 ст. 270).

Анализ медицинского инцидента осуществляется посредством внутреннего аудита медицинской организации, а также местными органами государственного управления здравоохранением областей, городов республиканского значения и столицы, государственными органами, осуществляющими государственный контроль в сферах оказания медицинских услуг (помощи), санитарно-эпидемиологического благополучия населения, обращения лекарственных средств и медицинских изделий уполномоченным органом.

Как известно, в этих учреждениях работают специалисты с медицинским образованием, известные своей корпоративной солидарностью, вследствие чего, на наш взгляд, здесь не исключается умышленное сокрытие либо искажение данных. Аналогичная ситуация складывается и при организации проведения судебно-медицинской экспертизы в ходе расследования уголовных дел. Хотя в Республике Казахстан проведение данной экспертизы осуществляется Центром судебных экспертиз Министерства юстиции, не имеющим отношения к организациям здравоохранения, вышеуказанное обстоятельство в полной мере может быть применено и к судебно-медицинским экспертам. По нашему мнению, нельзя полностью исключать и коррупционные факторы.

Решение данной проблемы видится в создании единого аккредитационного центра с функциями судебно-экспертной и аудиторской деятельности медицинских работников.

Как правило, регистрации таких уголовных дел в Едином реестре досудебных расследований предшествует определенный порядок. В соответствии со ст. 179 УПК РК не подлежат регистрации заявления, сообщения или рапорт об уголовном правонарушении, в которых отсутствуют сведения о нарушениях действующего законодательства, об ущербе, о существенном вреде либо незаконном доходе, *невыполнении, ненадлежащем выполнении профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником, неоказании медицинской помощи больному лицом, обязанным ее оказывать, нарушении порядка проведения клинических исследований и при-*

менения новых методов и средств профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, подтвержденные актами проверок, ревизий, аудита и другими, когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения.

В случае поступления обращения, к примеру, по факту ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником, такое обращение органом уголовного преследования перенаправляется в адрес Комитета контроля в сфере медицинской и фармацевтической деятельности Министерства здравоохранения Республики Казахстан (далее – Комитет).

Далее специалистами территориальных департаментов Комитета проводится проверка, в ходе которой выясняется, правильно ли была оказана медицинская помощь, правильно ли была выбрана тактика лечения. Затем акт о результатах проверки передается в органы внутренних дел для принятия процессуального решения.

Учитывая подведомственность Комитета Министерству здравоохранения, возникают обоснованные сомнения в объективности таких проверок, в связи с чем на данном этапе также нельзя исключать возможное укрытие факта уголовного правонарушения со стороны специалистов Комитета.

Считаем целесообразным проводить обязательную регистрацию таких уголовных правонарушений в Едином реестре досудебных расследований с незамедлительным назначением судебно-медицинской экспертизы, исключив вышеизложенные требования о направлении материалов в Комитет.

Заключение

1. Учитывая наличие определенных особенностей преступлений в анализируемой сфере, возникает необходимость разработки криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений, которая будет иметь важное значение для практических работников правоохранительных органов при их расследовании.

2. Учитывая, что только в развитых странах количество медицинских ошибок превышает 10 % от общего числа пациентов, а также то, что преступления рассматриваемой категории относятся к делам публичного обвинения, полагаем необходимым каждый случай смерти рассматривать через призму полноты оказанной медицинской помощи, не дожидаясь поступления заявлений родственников потерпевших.

3. Склонны полагать, что на качестве раскрытия и расследования преступлений в сфере медицинского обслуживания населения благоприятно отразится создание единого аккредитационного центра с функциями судебно-экспертной и аудиторской деятельности медицинских работников.

3. С целью недопущения фактов укрытия преступлений видится целесообразной обязательная регистрация таких уголовных правонарушений в Едином реестре досудебных расследований с незамедлительным назначением судебно-медицинской экспер-

тизы, исключив требования о проведении проверок Комитетом контроля в сфере медицинской и фармацевтической деятельности Министерства здравоохранения Республики Казахстан.

Список источников

1. Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 22.02.2022).
2. Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> (дата обращения: 20.02.2022).
3. Пересмотреть наказания за врачебные ошибки поручил Токаев. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/peresmotret-nakazaniya-vrachebnyie-oshibki-poruchil-tokaev-403574/ (дата обращения: 22.02.2022).
4. Пристансков В. Д. Основы формирования криминалистической теории расследования ятрогенных преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. № 4 (14). С. 57–70.
5. Замалева С. В. К вопросу о понятии ятрогенных преступлений // Аграрное и земельное право. 2011. № 5 (77). С. 84–86.
6. Пристансков В. Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // disserCat: электронная библиотека диссертаций. URL: <https://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-i-metodologicheskie-problemy-rassledovaniya-yatrogennykh-prestuplenii> (дата обращения: 20.02.2022).
7. Иванцова Н. В. Медицинское преступление и медицинская ошибка: проблемы разграничения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6 (1). С. 61–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskoe-prestuplenie-i-meditsinskaya-oshibka-problemy-razgranicheniya/viewer> (дата обращения: 22.02.2022).
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп., по состоянию на 04.09.2021 г.). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 20.02.2022).
9. Дело врачей: в Казахстане возбуждены сотни уголовных дел против медиков. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/delo-vrachej-v-kazahstane-vozbuzhdeny-sotni-ugolovnyh-del-protiv-medikov> (дата обращения: 20.02.2022).
10. Ответ Министра здравоохранения на депутатский запрос «Касательно статуса медицинских работников». Исх. № 01-11/Д-5154/ДЗ-312 от 24.11.2021. URL: <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/deputy-questions> (дата обращения: 20.02.2022).
11. Ответ Министра здравоохранения на депутатский запрос «О контроле по оказанию медицинской помощи». Исх. № 19-5-18/92-Д от 04.10.2018. URL: <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/deputy-questions> (дата обращения: 22.02.2022).

12. Ситуация с коронавирусом официально. URL: <https://www.coronavirus2020.kz/> (дата обращения: 22.02.2022).

13. Coronavirus Pandemic (COVID-19) – the data. URL: <https://ourworldindata.org/coronavirus-data> (дата обращения: 22.02.2022).

14. Почему в Казахстане не делают вскрытие умерших от ковида? URL: <https://www.exclusive.kz/expertiza/obshchestvo/119666/> (дата обращения: 20.02.2022).

References

1. The Constitution of the Republic of Kazakhstan, adopted at the republican referendum on August 30, 1995. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (date of access: 22.02.2022).
2. Code of the Republic of Kazakhstan "On the health of the people and the healthcare system" dated July 7, 2020 No. 360-VI ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> (date of access: 20.02.2022).
3. Tokayev instructed to review punishments for medical errors. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/peresmotret-nakazaniya-vrachebnyie-oshibki-poruchil-tokaev-403574/ (date of access: 02/22/2022).
4. Pristanskov VD Fundamentals of the formation of the forensic theory of investigation of iatrogenic crimes // Bulletin of St. Petersburg University. 2015. No. 4 (14). pp. 57–70.
5. Zamaleeva S. V. To the question of the concept of iatrogenic crimes // Agrarian and land law. 2011. No. 5 (77). pp. 84–86.
6. Pristanskov VD Theoretical and methodological problems of investigation of iatrogenic crimes: author. dis. ... cand. legal Sciences // disserCat: electronic library of dissertations. URL: <https://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-i-metodologicheskie-problemy-rassledovaniya-yatrogennykh-prestuplenii> (date of access: 02/20/2022).
7. Ivantsova N. V. Medical crime and medical error: problems of differentiation // Legal Bulletin of Samara University. 2020. No. 6 (1). pp. 61–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskoe-prestuplenie-i-meditsinskaya-oshibka-problemy-razgranicheniya/viewer> (date of access: 02/22/2022).
8. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V (as amended and supplemented, as of 09/04/2021). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (date of access: 20.02.2022).
9. Case of Doctors: Hundreds of criminal cases have been opened in Kazakhstan against doctors. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/delo-vrachej-v-kazahstane-vozbuzhdeny-sotni-ugolovnyh-del-protiv-medikov> (date of access: 20.02.2022).
10. Response of the Minister of Health to the deputy's request "Regarding the status of medical workers." Ref. No. 01-11/D-5154/DZ-312 dated 11/24/2021. URL: <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/deputy-questions> (date of access: 20.02.2022).

11. Response of the Minister of Health to the deputy's request "On control over the provision of medical care." Ref. No. 19-5-18/92-D dated 04.10.2018. URL: <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/deputy-questions> (date of access: 22.02.2022).

12. The situation with the coronavirus is official. URL: <https://www.coronavirus2020.kz/> (date of access: 02/22/2022).

13. Coronavirus Pandemic (COVID-19) – the data. URL: <https://ourworldindata.org/coronavirus-data> (accessed 02/22/2022).

14. Why don't they do autopsies of those who died from covid in Kazakhstan? URL: <https://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/119666/> (date of access: 20.02.2022).

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Муканбеткалиев Арман Алтабаевич – кандидат юридических наук

Information about the author

Mukanbetkaliev Arman A. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 27.04.2022; одобрена после рецензирования 10.05.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 27.04.2022; approved after reviewing 10.05.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 343.3

Осмотр места происшествия как неотложное следственное действие при расследовании фактов незаконной рубки лесных насаждений

Елфимов Павел Васильевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, pvelfimov@mail.ru

Аннотация. Лесные ресурсы являются национальным достоянием России. Их нерациональное использование может угрожать экологической безопасности как отдельного региона, так и страны в целом. Значимость рассматриваемого вопроса во многом продиктована растущим уровнем криминализации лесной отрасли, несмотря на то, что право граждан на благоприятную окружающую среду закреплено в ст. 42 Конституции Российской Федерации, а ее охрана – одна из задач уголовного законодательства Российской Федерации, утвержденных ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Борьба с незаконной рубкой леса является одной из приоритетных задач, поставленных перед государственными лесными инспекторами. В связи с этим определяется необходимость совершенствования методов борьбы с преступлениями в сфере лесопользования.

Ключевые слова: незаконная рубка лесных насаждений, преступления, ст. 260 УК России, осмотр места происшествия

Для цитирования: Елфимов П. В. Осмотр места происшествия как неотложное следственное действие при расследовании фактов незаконной рубки лесных насаждений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 65–69.

Original article

Inspection of the scene of the incident as an urgent investigative action when investigating the facts of illegal logging of forest plantations

Elfimov Pavel V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, pvelfimov@mail.ru

Abstract. Forest resources are the national heritage of Russia, their irrational use can threaten the environmental safety of both a separate region and the country as a whole. The special significance of the issue under consideration is largely dictated by the growing level of criminalization of the forest industry, as well as the opposition of human interests and the environment, despite the fact that the right of citizens to a favorable environment is enshrined in Article 42 of the Constitution of the Russian Federation, and its protection is one of the tasks of the criminal legislation of the Russian Federation, enshrined in Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The fight against illegal logging is one of the priority tasks assigned to the state forest inspectors of the region. In this regard, the need to improve methods of combating crimes in the field of forest management is determined.

Keywords: illegal logging of forest plantations, crimes, Article 260 of the Criminal Code of Russia, inspection of the scene

For citation: Elfimov P. V. Inspection of the scene of the incident as an urgent investigative action when investigating the facts of illegal logging of forest plantations // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 65–69.

В современной России отмечается негативная тенденция, определяющая, что преступления, предусмотренные ст. 260 УК России стали организованнее, профессиональнее, совершаются с применением современных технических средств и, соответственно, угрожают и посягают на экологические и экономические интересы Российской Федерации. Меры по осуществлению охраны лесов путем предупреждения и пресечения преступлений в сфере экологии, своевременного раскрытия и качественного расследования преступлений в сфере лесопользования признаются недостаточно эффективными.

Трудно представить досудебное производство без такого следственного действия как осмотр места происшествия ввиду того, что оно является самым часто производимым, необходимым и фундаментальным действием. Поскольку для возбуждения уголовного дела по факту незаконной рубки лесных насаждений для правильного расчета ущерба необходимо не только определить объем незаконно заготовленной древесины, но и определить способ и механизм совершения преступных действий. Необходимым представляется проведение качественного осмотра места происшествия, в ходе которого целесообразно привлечь специалиста в области лесного хозяйства для фиксации диаметра и породного состава пней, либо сортимента деревьев.

По мнению Б. Т. Безлепкина, «следственный осмотр» представлен как изучение участков местности, помещений, отдельных предметов и иных объектов [1, с. 227]. И. И. Клименко под осмотром места происшествия понимает «наиболее важный способ получения доказательственной и ориентирующей информации о механизме совершения преступления, лиц, его совершивших, иных субъектов, причастных к преступному деянию» [2]. А. П. Рыжак определяет осмотр как «следственное действие, которое всецело направлено на сбор доказательств, что в дальнейшем отражается в протоколе осмотра места происшествия» [3].

Важной составной частью осмотра места происшествия является место обнаружения общественно опасных последствий (следов и т. д.). Нами предлагается рассмотреть категорию «место обнаружения» в следующей теоретической формулировке как место (территория, помещение), в котором были обнаружены явные следы преступления, свидетельствующие о его совершении. В результате уполномоченное лицо на производство осмотра места происшествия принимает всевозможные действия, направленные на обнаружение, и дальнейшее процессуальное закрепление следов (вещественных доказательств) по уголовному делу. Правильное определение (установление) места преступления особенно важно ввиду того, что от данного решения зависит реализация территориального принципа действия уголовного закона, т. е. опосредованно все же будет определен процессуальный порядок места предварительного расследования, в дальнейшем – рассмотрение уго-

лового дела судом по принципу территориальности. Так, под местом преступления следует понимать место, где наступили последствия уголовно наказуемого деяния, либо было непосредственно «обнаружено» преступление.

Немаловажное значение в теории науки криминалистики имеет определение термина «обстановка места происшествия», под которым понимают совокупность всех объектов на определенной территории (местности), взаимосвязанных между собой по определенным причинам.

Осмотр места происшествия существенно отличается от иных следственных действий именно анализом и возможностью изучения обстановки совершения преступления, а не поисковыми действиями, изъятием искомых объектов и т. д. Проведение осмотра места происшествия обусловлено конкретными целями:

- исследование обстановки совершения преступления;
- фиксация места, обстановки, следов преступления;
- обнаружение в ходе осмотра объектов, предметов, имеющих значение для расследования преступления;
- установление причинно-следственной связи, иных условий, которые способствовали совершению преступления;
- графическое, схематическое изображение места происшествия для детализации конкретных областей осматриваемого объекта и др.

Несомненно, достичь указанные выше цели возможно лишь посредством решения задач в рамках проводимого осмотра места происшествия. В целях детального теоретического освещения основ осмотра места происшествия следует проанализировать принципы, посредством которых осуществляется производство данного следственного действия:

1. Принцип законности основывается на точном соответствии в процессе производства осмотра нормам, предусмотренным ст. 176–178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).
2. Принцип своевременности обусловлен безотлагательным прибытием на место совершения преступления после получения соответствующей информации ввиду того, что любое промедление в действиях компетентных лиц может привести к полному (частичному) уничтожению следов, предметов на месте происшествия, которые могли бы быть признаны основными вещественными доказательствами.
3. Принцип полноты направлен на проведение детального, качественного, точного осмотра с последующим обнаружением, фиксацией, изъятием любых материальных объектов, и занесением в протокол таковой информации.
4. Принцип планомерности состоит из взаимообусловленных, спланированных действий компетентного лица (следователя, дознавателя), которые

направлены на обеспечение порядка в процессе проведения осмотра места происшествия.

5. Принцип объективности основывается на необходимости фиксации в протоколе осмотра абсолютно всех тех данных, которые каким-либо образом впоследствии могли бы быть учтены следователем (дознавателем) в процессе расследования преступления.

6. Принцип моделирования направлен на непосредственное воссоздание модели механизма совершения преступления, выдвижение предположений относительно действий причастных к преступлению лиц, логический анализ локализации оставленных следов преступления с фактическими данными, полученными из иных источников.

Следователь (дознатель) как компетентное управомоченное лицо должно также принимать во внимание тот факт, что в процессе проведения осмотра места происшествия будут установлены негативные обстоятельства, однако, их так же необходимо принимать во внимание с той целью, чтобы исключить совершение инсценировки преступления и т. п.

Раскрывая субъектный состав, который уполномочен и компетентен на производство осмотра, следует указать, что ч. 1 ст. 176 УПК РФ не содержит как таковой информации относительно того, кто вправе проводить осмотр. Вследствие этого следует установить исчерпывающий перечень лиц, которые правомочны на проведение такого следственного действия, как осмотр. Статья 177 УПК РФ упоминает лишь о единственном субъекте, который наделен правом проведения осмотра – это следователь. Ряд авторов учебных пособий в большинстве случаев почему-то избегают прямого указания на субъектный состав, наделенный полномочиями по проведению осмотра, в результате чего возникает ряд моментов, затрудняющих практическую деятельность действующих сотрудников правоохранительных органов. Важно отметить, что не только следователь вправе проводить осмотр. Правом на осуществление данного следственного действия обладает орган, либо любое должностное лицо, которое осуществляет предварительное расследование, точнее, производящее следственные действия.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 41 УПК РФ дознаватель может самостоятельно производить следственные действия кроме тех случаев, когда на их проведение требуется согласие начальника органа дознания, прокурора, либо получение иного судебного решения. Аналогичным образом ч. 2 ст. 40.1 закрепляет полномочия начальника подразделения дознания по праву производства следственных действий, в том числе, когда ему принадлежат полномочия руководителя группы дознавателей. Орган дознания, в свою очередь, обладает таким же правом на проведение осмотра, в случаях, если таковое следственное действие признается неотложным, т. е. действие, производство которого должно быть осуществлено органом дознания, по которому обязательно производство предва-

рительного следствия в целях незамедлительного обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления (ч. 2 ст. 40, ст. 157, ч. 1 ст. 223 УПК РФ) [4].

В рамках проводимого нами исследования «специфика производства осмотра места происшествия при расследовании фактов незаконной рубки лесных насаждений» особо интересен такой участник уголовного судопроизводства как следователь-криминалист. Отсутствие детализированного анализа со стороны законодателя фигуры следователя-криминалиста позволяет утверждать, что данный субъект управомочен на проведение осмотра исключительно лишь по поручению руководителя следственного органа (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ). Полагаем, что при расследовании фактов незаконной рубки лесных насаждений достаточно обоснованно привлекать совместно со следователем такого специалиста, как геодезист. Привлекая его к совместному осмотру со следователем места происшествия на местности, удастся максимально полно и наглядно (посредством составления карт местности со всеми необходимыми объектами-предметами местности, рельефом и т. д.) отобразить значение всех элементов местности, произведенных посредством обзора и обнаружения [5, с. 222].

Считаем, что уже давно назрела необходимость закрепить процессуальное положение участника уголовного судопроизводства в ст. 5 УПК РФ под п. 47: «специалист-геодезист – лицо, обладающее специальными знаниями по описанию, составлению карт местности, рельефа, привлеченное к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, в целях содействия в анализе, исследовании, обнаружении, фиксации и изъятии определенных объектов, применяющее специальные технические средства в процессе производства определенных следственных действий, самостоятельно постановляющее вопросы эксперту либо разъясняющее их заинтересованным участникам уголовного судопроизводства». Таким образом, определяя субъектный состав, наделенный полномочиями по производству такого следственного действия, как осмотр, следует выделять участников уголовного судопроизводства: следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, руководителя следственной группы, членов следственной группы, руководителя группы дознавателей, членов группы дознавателей, следователя-криминалиста, нового субъекта – специалиста-геодезиста.

Безусловно, осмотр места происшествия по факту незаконной рубки лесных насаждений должен проводиться незамедлительно после получения соответствующего сообщения о преступлении или же с момента установления такого места. В соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия может быть произведен и до возбуждения уголовного дела, в случаях, не терпящих отлагательства.

Данное следственное действие традиционно делится на следующие этапы:

1. Подготовительный: с момента принятия сообщения до окончания составления плана мероприятий, а также лиц их проводящих с установлением временного периода и обязанностей [6, с. 58]. На место происшествия назначается состав следственно-оперативной группы (далее – СОГ), в которую входят: следователь, оперуполномоченный, сотрудник отдела экономической безопасности и противодействия коррупции, участковый уполномоченный полиции, а также факультативные участники (эксперт-криминалист; сотрудник лесничества, присутствие которого необходимо для плодотворного проведения следственного действия).

Вторая стадия подготовительного этапа заключается в обеспечении сохранения следов преступления. На данном этапе требуется произвести удаление посторонних лиц с места преступления, принять меры по поиску очевидцев, разъяснить права и обязанности участникам осмотра места происшествия, произвести иные действия, направленные на улучшение условий осмотра, опросить очевидцев для получения от них информации о событии, обстановке, изменении места происшествия к моменту осмотра, синхронизировать действия членов СОГ в соответствии с планом работы следователя.

2. Рабочий этап осмотра состоит из двух стадий: общий и детальный осмотр места происшествия. На данном этапе изучаются и изымаются все предметы, следы транспортных средств, рук или ног человека и другие следы, имеющие доказательственное значение и способствующие установлению преступного механизма, последовательности действий. Фиксация доказательств осуществляется посредством применения обзорной, узловой и детальной фотосъемки. В ходе общего осмотра места происшествия намечаются границы во время следственного действия местности. Сложность представляет большая площадь, которую необходимо тщательно обследовать.

3. На заключительном этапе осмотра составляется протокол осмотра места происшествия в соответствии с требованиями ст. 166, 180 УПК РФ. Протокол осмотра места происшествия должен отражать наименование лесничества; участок, на котором было совершено преступление; способ и метод рубки; состояние и характеристики территории; поврежденные и срубленные виды лесных насаждений, а также те, которые были помечены для срубки. Необходимо указать количество и породу деревьев, их диаметр, вид и способ рубки деревьев, количество обнаруженных пней, их диаметр.

Моделирование ситуации, ход и последовательность действий преступников, исходя из следовой картины, позволит следователю произвести осмотр наиболее эффективно, более целенаправленно вести поиск следов, с учетом разработанных версий происшедшего события.

Значимую информацию несут также обнаруженные на месте спила и вокруг него остатки машинного масла. Они могут быть оставлены электропилами,

бензопилами. Знания о применяемых орудиях позволяют более целенаправленно осуществлять поиск виновных лиц. Эффективность поиска таких объектов и следов может быть обусловлена тактикой проведения сплошного осмотра в сочетании с субъективным методом, т. е. следованием «по следам» преступников.

В ходе расследования данной категории преступления нередки случаи, когда имеют место плохие погодные условия, препятствующие выполнению своевременного полного объективного и эффективного осмотра места происшествия. Если в рамках первоначального осмотра места происшествия следователь верно установил границы места происшествия, но в силу плохих погодных условий (дождь, снегопад, буря и т. д.) провел следственное действие некачественно и собранных доказательств недостаточно для подтверждения обвинения, то он имеет возможность провести повторный осмотр места происшествия [7].

Таким образом, осмотр места происшествия по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 260 УК РФ, является обязательным и особо важным следственным действием для доказывания. Кроме того, нами предложена авторская редакция термина «осмотр места происшествия», который предполагает следующее понимание – это «действие, осуществляемое уполномоченным на то компетентным должностным лицом (органом) с момента получения информации о событии преступления, дальнейшего ее выяснения и сбора дополнительной информации по данному факту, данных о месте совершенного события преступления, дальнейшего производство объектного ориентирования по хорошо наблюдаемым объектам-ориентирам, изучение обстановки, объектов и следов преступления, фиксация полученных результатов осмотра места происшествия в соответствующем протоколе». Предложенный нами вариант интерпретации термина «осмотр места происшествия» в дальнейшем может найти свое практическое отображение в ныне действующем законодательном акте УПК РФ.

Список источников

1. Безлепкина Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный). Москва: ВИ-ТРЭМ, 2002. С. 226–227.
2. Клименко И. И. Проблемы расследования и судебного следствия по делам о разбойных нападениях, совершенных организованными группами с проникновением в охраняемые помещения: дис... канд. юрид. наук. Барнаул, 2001.
3. Рыжаков А. П. Осмотр: основание и порядок производства: учебное пособие. 2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.
5. Виноградова О. П. Особенности осмотра места происшествия по делам о преступлениях, связанных

с незаконной рубкой лесных насаждений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXV международной научно-практической конференции. 2020. С. 221–224.

6. Виноградова О. П., Малых А. А. Современные технико-криминалистические возможности осмотра места происшествия в сборнике: технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2018». Москва, 2018. С. 57–60.

7. Грибунов С. А. Методика расследования приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины: дис... канд. юрид. наук. Иркутск, 2018.

References

1. Bezlepkin B. T. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (article by article). Moscow: VITREM, 2002, pp. 226–227.

2. Klimenko I. I. Problems of investigation and judicial investigation in cases of robbery committed by organized groups with penetration into protected premises: thesis ... cand. legal Sciences. Barnaul, 2001.

3. Ryzhakov A. P. Inspection: the basis and procedure for production: a textbook. 2013 [Electronic resource]. Access from the reference-legal system "ConsultantPlus".

4. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

5. Vinogradova O. P. Features of inspection of the scene in cases of crimes related to illegal logging of forest plantations // Activity of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXV international scientific and practical conference. 2020, pp. 221–224.

6. Vinogradova O. P., Malykh A. A. Modern technical and forensic possibilities for examining the scene in the collection: technical and forensic support for the detection and investigation of crimes // Technical and forensic support for the detection and investigation of crimes: a collection of articles following the results of the International Scientific practical conference held as part of the business program of the International Exhibition "Interpolitech-2018". Moscow, 2018, pp. 57–60.

7. Gribunov S. A. Methods of investigating the acquisition, storage, transportation, processing for the purpose of marketing or marketing of obviously illegally harvested wood: thesis ... cand. legal Sciences. Irkutsk, 2018.

Информация об авторе

Елфимов Павел Васильевич – доктор медицинских наук, член-корреспондент Академии медико-техни-

ческих наук Российской Федерации, заслуженный врач Российской Федерации

Information about the author

Elfimov Pavel V. – Doctor of Medical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Medical and Technical Sciences of the Russian Federation, Honored Doctor of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Тактические особенности обыска по делам о незаконном изготовлении самодельного взрывного устройства

Иванов Эдуард Александрович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,

Россия, edlex@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые наиболее значимые тактические особенности обыска по делам о незаконном изготовлении самодельного взрывного устройства. Осуществляя производство предварительного следствия, независимо от этапа расследования, а равно вне зависимости от состояния следственной ситуации, следователь постоянно получает различную по содержанию и ценности информацию. По делам, связанным с умышленным производством взрыва или о его подготовке, сведения начинают поступать еще в ходе осмотра места происшествия, несколько опосредованные данные, но связанные с предметом доказывания следователь получает от суждения специалистов-взрывотехников и выводов экспертов-взрывотехников. Но более ценную информацию получает в процессе целенаправленных и последовательных действий по установлению способа и места производства самодельного взрывного устройства (СВУ). Показания либо сообщение оперативного работника о месте изготовления СВУ или о месте хранения «готового изделия» либо его деталей и компонентов взрывчатого вещества, приисканных для изготовления, в т. ч. оставшихся после сборки устройства, являются поводом к безотлагательному их изъятию.

Ключевые слова: криминалистика, тактика, следователь, обыск, взрывное устройство, осмотр, упаковка

Для цитирования: Иванов Э. А. Тактические особенности обыска по делам о незаконном изготовлении самодельного взрывного устройства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 70–73.

Original article

Tactical features of the search in cases of illegal manufacture of an improvised explosive device

Ivanov Eduard A.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, edlex@mail.ru

Abstract. The article examines some of the most significant tactical features of a search in cases of illegal manufacture of an improvised explosive device. By carrying out the preliminary investigation, regardless of the stage of the investigation, as well as regardless of the state of the investigative situation, the investigator constantly receives information that is different in content and value. In cases related to the deliberate production of an explosion or its preparation, information begins to arrive during the inspection of the scene, somewhat indirect data, but the investigator receives related to the subject of evidence from the judgment of explosive specialists and the conclusions of explosive experts. But he receives more valuable information in the process of targeted and consistent actions to establish the method and place of production of an improvised explosive device (hereinafter referred to as IED). The indications, or the message of the operative about the place of manufacture of the IED or about the place of storage of the «finished product» or its parts and components of the explosive substance, which were searched for for manufacture, including those remaining after assembly of the device, are the reason for their urgent removal.

Keywords: forensics, tactics, investigator, search, explosive device, inspection, packaging

For citation: Ivanov E. A. Tactical features of the search in cases of illegal manufacture of an improvised explosive device // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 70–73.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает несколько способов поиска материалов, интересующих следствие. Остановимся же на типичной ситуации, когда к определенному моменту расследования следователь получает от субъекта оперативно-розыскной деятельности данные о подозреваемом. В. Ю. Стельмах и П. М. Титов раскрывают более подробно передачу оперативно-значимой информации следователю [1]. В таком случае видится наиболее приемлемым принятие процессуального решения о производстве обыска по месту жительства заподозренного.

В большинстве своем преступники изготавливают взрывное устройство по месту проживания, прибегая к некоторым мерам конспирации. Скрытно, либо выдавая свое поведение, например как подготовку к ремонту, злоумышленник приобретает (заказывает) компоненты для изготовления взрывчатого вещества, приискивает элементы управления (мобильный телефон, рацию, таймер, фотореле и т. п.), электропитание, предметы, используемые для оболочки и камуфлирования СВУ. Эти предметы, в зависимости от личности «бомбиста» и его жизненных обстоятельств, могут храниться как дома, так и тайно в специально приготовленном месте за пределами жилого помещения (схрон).

Специфика предмета преступления позволяет следователю самостоятельно принимать решения о поиске улик в любом месте и без промедления проводить обыск с целью их изъятия.

В ходе обыска предполагается изъять само СВУ, взрывчатое вещество или компоненты для его изготовления, детали и инструменты (приспособления) для монтажа взрывного устройства, литературу по подрывному делу, а также предметы и материалы, аналогичные тем, которые были обнаружены при осмотре места взрыва либо ранее могли составлять единое целое.

Тактика обыска заключается в правильном применении выработанных криминалистикой приемов обнаружения отыскиваемых объектов с учетом особенностей расследуемого события и условий обыска [2, с. 10–32]. В теории и практике криминалистики выработано утверждение, согласно которому эффективность следственного действия зависит от степени подготовки следователя к его производству. При этом в обязательном порядке должны быть юридические основания следственного действия, на чем акцентирует внимание в своей работе В. Ю. Стельмах [3].

Подготовку к обыску в жилище конкретного лица видится разумным начать с получения сведений о личности фигуранта, а именно о его профессии, основной квалификации и профессиональных навыках, образе жизни, увлечении, составе семьи и отношении к нему в семье. Сбор подобных сведений целесообразно поручить сотрудникам органа дознания. Вместе с тем было бы уместным разработать план действий на случай оказания участникам обыска активного противодействия со стороны членов семьи

(подобное поведение актуально для цыган, представителей национальностей Северного Кавказа и Средней Азии), а также проявления неуправляемой агрессии домашних собак. Следует сразу же определиться с полномочиями лиц из числа оперативного сопровождения в части применения спецсредств и служебного оружия по нейтрализации противодействия и ликвидации угрозы.

Желательно насколько это возможно изучить место предстоящего обыска. Здесь речь идет о плане помещения. Важно знать расположение комнат, лестниц, ниш, силовых и слаботочных коммуникаций, вентиляции и канализации. Обладая этими данными, можно уже предположить вероятные места закладок и тайников.

Не ограничиваясь этим, следует принять меры к получению комплекта ключей от входной двери, почтового ящика и сейфов. Озадачить орган дознания поручением об установлении связи с ответственным лицом управляющей компании многоквартирного дома с целью получения доступа к закрытым кладовым, чердачным и иным техническим помещениям. Находясь в контакте с представителем управляющей компании либо энергосбытовой компании, обслуживающей дом, предусмотреть вариант развития ситуации, при котором потребуются контролируемое отключение электропитания в конкретном жилом помещении.

Успех обыска рассматриваемой категории дел в значительной степени зависит от применяемых технических и специальных средств обнаружения, фиксации и идентификации следов и предмета преступления. Имеющуюся на сегодняшний день номенклатуру технических средств можно разделить на две группы: традиционные криминалистические средства и специальные технические средства. Не вдаваясь в подробное перечисление всего многообразия криминалистической техники, представляется необходимым в каждом случае подготовить универсальный криминалистический портфель. Вместе с тем следователь может прибегнуть к использованию современных технических достижений [4].

Для поиска и идентификации на месте взрывчатых веществ следует поручить специалисту-взрывотехнику вооружиться комплектом специнструмента. И было бы правильным, если специнструментом будет пользоваться именно специалист-взрывотехник, обладающий необходимыми навыками и приемами эффективной эксплуатации и интерпретации сигналов, выдаваемых (проецируемых) высокочувствительными техническими приборами при детекции металла, паров газов, веществ, просвечивания предметов и т. п.

Не менее важной задачей подготовки к обыску является подбор количества и выбор качества состава участников. Представляется важным, чтобы участники обыска, в том числе лица, осуществляющие силовую поддержку, имели представление о специфике предмета преступления, обстоятельствах срочности

поиска улик и в этой связи обладали необходимыми знаниями о правилах личной безопасности. Помимо исключительной слаженности в работе членов следственно-оперативной группы, жизненно важно не пренебрегать требованиями о предварительной разведке помещения, ведь преступник, собирая СВУ, также допускал мысль о посещении его «логова» представителями правоохранительных органов и мог подготовиться к визиту путем установки «мины-ловушки», капкана, сигнализации либо иных «сюрпризов».

В этой связи соблюдение собственной безопасности должно обеспечиваться в том числе лишением обыскиваемого возможности выполнять без разрешения следователя какие-либо действия. Поэтому нельзя доверять лицу, у которого проводится обыск, открывать запертые хранилища (сейфы, ящики мебели и т. п.) и самому извлекать искомые объекты [5, с. 149].

Вместе с тем чтобы получить ответ на вопрос «Что искать?», надо иметь максимальное представление о признаках и свойствах отыскиваемого предмета. Перед обыском следователю необходимо выяснить, каковы внешний вид, размеры, масса, форма, объем, материал и другие индивидуальные особенности, возможные изменения признаков или свойств предмета, его назначение и ценность для прячущего [6, с. 63]. С учетом характера искомых предметов исключительную помощь в проведении обыска окажет специалист-взрывотехник. На сегодняшний день межведомственными актами на федеральном и региональных уровнях регламентирован порядок привлечения в качестве процессуального специалиста сотрудника из штата ведомств правоохранительных органов¹. Для членов СОГ, помимо инструктажа следователя, было бы не лишним получить доклад от специалиста-взрывотехника о внешних признаках взрывчатых веществ и взрывных устройств, специфике искомых предметов и их негативных свойствах.

Следует заранее позаботиться о специальной экипировке², в зависимости от картины происшествия и

данных о личности подозреваемого, принять меры к обеспечению средствами индивидуальной защиты понятых и привлекаемых специалистов.

Приступая к проведению обыска, рекомендуется следующее:

- при себе иметь минимум металла;
- включить устройство подавления сигналов сотовой связи;
- придерживаться определенной последовательности визуального осмотра, а именно «сверху-вниз», и только после этого начинать движение;
- проникая в каждую новую комнату, начинать исследовать обстановку с фиксации новых запахов и вслушивания (обращать внимание на новые звуки работы счетчика, колебания предметов, шипение и т. д.);
- избегать резких непродуманных движений, особенно связанных с передвижением в пространстве и открыванием дверей, полок, нажатия выключателей, включения радиоприборов, роутера, телевизора, плеера, разблокировки мобильного телефона, уменьшения громкости в звуковещательных приборах, смыва воды в сливном бачке и т. д.;
- если есть подозрение на наличие взрывного устройства, рекомендуется открыть окна и дверь в осматриваемом помещении для рассредоточения возможной взрывной волны;
- прежде чем что-то извлечь, отделить, поднять, сообщить о своем намерении специалисту-взрывотехнику, но в любом случае сначала надо продумать, куда безопаснее направить (выкинуть) этот предмет на случай, если манипуляция с ним приведет к запуску таймера (взведения);
- постоянно обращать внимание на сходство наблюдаемых предметов с деталями типичного СВУ. Немаловажное значение для целенаправленного поиска будет иметь информация из заключения взрывотехнической экспертизы о конструкции примененного взрывного устройства, использованном взрывчатом веществе, схеме взрывателя, технических средствах, применяемых для изготовления СВУ и использованных при этом материалах;
- обратить внимание на отдельно стоящие либо в группе средств «бытовой химии» сосуды, лотки, пакеты. На практике все чаще встречаются самодельно изготовленные взрывчатые вещества, которые в зависимости от этапа изготовления могут быть как в сыпучем, так и в жидком виде, поэтому могут находиться в любой емкости. Кроме того, пластичным веществам можно придать любую форму, а эластичные вещества возможно замаскировать под куски кожи, листы кар-

занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на работах, выполняемых в особых температурных условиях или связанных с загрязнением, утвержденные приказом Минздравсоцразвития России от 13.08.2009 № 587н. Так, для проведения следственных действий в местах происшествий по уголовным делам о взрывах в Типовых нормах предусмотрено дополнительное обеспечение средствами индивидуальной защиты (комбинезон противоосколочный, перчатки кевларовые, очками противоосколочные и наушники с активной защитой слуха).

¹ См.: Приказ Минобороны России, МВД России, МЧС России, ФСБ России, Росгвардии, ФСО России от 25.06.2019 № 330/417/320/285/223/92 «Об утверждении Порядка взаимодействия в вопросах поиска, идентификации и обезвреживания (уничтожения) взрывоопасных предметов, самодельных взрывных устройств, авиационных бомб и фугасов на территории Российской Федерации». Например, в Свердловской области региональными управлениями ФСБ России, СК России, МВД России, МЧС России и Росгвардии издан совместный приказ от 24.12.2018 № 310/119/2023/41/666/836/608 «Об организации взаимодействия правоохранительных органов при получении сообщений о готовящихся взрывах, заложенных взрывных устройствах или обнаружении взрывных предметов (либо с признаками таковых), а также при совершении преступлений с применением взрывных устройств».

² Для следственных органов Следственного комитета Российской Федерации разработаны Типовые нормы бесплатной выдачи специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты сотрудникам,

тона. При встрече с такими веществами избегать их отрыв от основания, смещения в стороны, открытия и, наоборот, закрытия крышки банки, термоса и т. п., особенно при закручивании по резьбе или при ином притирании с поверхностью стенок.

Предметом, представляющим ценность для доказания по уголовному делу, также может являться одежда, а именно следы микрочастиц, наслоений взрывчатого вещества. Отношение к взрывному делу могут иметь: различные средне- и малоразмерные емкости, используемые в качестве корпуса взрывного устройства; заготовки для капсюля-воспламенителя, капсюля-детонатора, бикфордов шнур, веревка, лента со следами неестественной пропитки; отрезок металлической трубки и т. п.; приспособления, инструменты, необходимые для изготовления взрывного устройства; флеш-карты, жесткие диски, чеки, счета, квитанции об оплате покупки и доставке компонентов взрывчатого вещества и инструментов; рисунки, чертежи, схемы устройств и электрической цепи, книги, брошюры, в т. ч. их копии (распечатки) и переписка жильца с консультантами, «коллегами по ремеслу» и иными лицами, осведомленными о его преступном замысле.

Оптимальным материалом для упаковки вещественных доказательств, изымаемых по данной категории дел, с целью сохранения микроколичеств взрывчатых веществ является герметичная стеклянная тара. Полиэтилен значительно уступает стеклу, имеет особенность пропускать пары взрывчатых веществ (например, тротила). В случае же когда имеется только полиэтилен или иного рода полимерный пакет, следует в качестве сорбирующего материала, способного «впитывать» пары взрывчатых веществ, поместить внутрь куски ваты или фильтрованной бумаги [7, с. 139].

Важно перед изъятием какого-либо предмета в ходе обыска предоставить его в распоряжение специалиста-взрывотехника для осмотра в целях исключения возможного минирования, обезвреживания и получения рекомендации к упаковке.

В целом изымаемые предметы упаковываются с учетом общих рекомендаций, кроме взрывчатых веществ и средств инициирования, которые хранятся отдельно и таким образом, чтобы не допустить механическое и тепловое воздействие на них.

Список источников

1. Стельмах В. Ю., Титов П. М. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2020. 344 с.
2. Закатов А. А., Ямпольский А. Е. Обыск: учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983. 44 с.
3. Стельмах В. Ю. Юридические основания следственных действий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1(24). С. 258–268.

4. Вахмянина Н. Б., Иванов Э. А. Возможности использования программ-транскрайберов при производстве следственных действий // Российский следователь. 2019. № 2. С. 6–9.

5. Коткин П. Н. Тактика следственных и розыскных действий при расследовании преступлений, совершаемых с применением взрывных устройств: монография. Екатеринбург, 2007. 171 с.

6. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности): учебное пособие для вузов МВД СССР. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1984. 240 с.

7. Багмет А. М., Волочай С. Н., Колотушкин С. М., Расчетов В. А., Розовская Т. И., Стаценко В. Г., Устов В. Х., Федоренко В. А. Расследование преступлений, совершенных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств: учебно-практическое пособие / под ред. З. И. Брижак. М.: Изд-во «КРЕДО», 2012. 234 с.

References

1. Stelmakh V. Yu., Titov P. M. Results of operational-search measures in criminal proceedings. Moscow: Yurlitinform Publishing House, 2020. 344 p.
2. Zakatov A. A., Yampolsky A. E. Search: textbook. Volgograd: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1983. 44 p.
3. Stelmakh V. Yu. Legal grounds for investigative actions // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2016. No. 1(24). pp. 258–268.
4. Vakhmyanina N. B., Ivanov E. A. Possibilities of using transcriber programs in the production of investigative actions // Russian investigator. 2019. No. 2. P. 6–9.
5. Kotkin P. N. Tactics of investigative and search actions in the investigation of crimes committed with the use of explosive devices: monograph. Yekaterinburg, 2007. 171 p.
6. Investigative actions (procedural characteristics, tactical and psychological features): a textbook for universities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volgograd: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1984. 240 p.
7. Bagmet A. M., Volochay S. N., Kolotushkin S. M., Calculations V. A., Rozovskaya T. I., Statsenko V. G., Ustov V. Kh., Fedorenko V. A. Investigation crimes committed with the use of explosives and explosive devices: educational and practical guide / ed. Z. I. Brizhak. M.: Publishing house «CREDO», 2012. 234 p.

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; одобрена после рецензирования 19.07.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 05.07.2022; approved after reviewing 19.07.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 343.982.3

О возможности идентификации оружия по следам его деталей на кожаном снаряжении (по законодательству Республики Беларусь)

Лаппо Егор Александрович
Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Республика Беларусь,
sharp61678@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается пример решения идентификационной задачи при производстве судебной баллистической экспертизы следов деталей оружия. Изложен алгоритм проведения экспертного исследования, определены признаки объектов исследования, на основе которых положительно решен вопрос о тождестве, установлена зависимость между отражающим и отражаемым объектами.

В результате проведенного исследования подтверждена возможность установления связи лица, совершившего преступное деяние, и других объектов с расследуемым событием.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая техника, судебная баллистика, судебная экспертиза, идентификация, следы оружия

Для цитирования: Лаппо Е. А. О возможности идентификации оружия по следам его деталей на кожаном снаряжении // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 74–78.

Original article

On the possibility of weapon identification in the traces of its parts on leather equipment (according to the legislation of the Republic of Belarus)

Lappo Egor A.
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Republic of Belarus,
sharp61678@mail.ru

Abstract. The article considers an example of solving an identification problem within the framework of forensic ballistic examination of traces of weapon parts. An algorithm for conducting an expert study is outlined, the signs of objects of study are determined on the basis of which the question of identity is positively resolved, an unambiguous relationship between reflecting and reflected objects is established.

As a result of the study, the possibility of establishing a connection between the person who committed the criminal act and other objects with the event, under investigation was confirmed.

Keywords: forensic science, forensic technology, forensic ballistics, forensic science, identification, weapon traces

For citation: Lappo E. A. On the Possibility of Identification weapons in the traces of its parts on leather equipment // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 74–78.

Научное познание в сфере судебно-экспертной деятельности Республики Беларусь представляет собой развивающийся процесс достижения достоверных знаний о фактах действительности, истинность которых проверяется и доказывается экспертной практикой. В отличие от обыденного познания, которое изучает предметы, вплетенные в практику человека и преобразуемые в сегодняшних видах практи-

ческого действия, судебно-экспертная деятельность ориентирована на изучение таких фрагментов реальности, которые могут встретиться в будущем, оказывая непосредственное влияние на принятие решений должностным лицом правоприменительного органа при разрешении вопроса по существу.

© Лаппо Е. А., 2022

Изучение оружия – процесс сложный и трудоемкий, требующий особой профессиональной подготовки. Достижения советских, российских, белорусских и зарубежных исследователей в области производства судебных баллистических экспертиз позволили выделить основные направления развития судебной баллистики, выявить закономерности и пути решения идентификационных, диагностических и ситуационных задач и т. д.

В литературе справедливо отмечено, что одной из важных и доступных форм реализации научно-технического потенциала в процессе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с применением огнестрельного, пневматического, газового оружия, является судебно-баллистическая экспертиза, которая, используя достижения науки и техники, обеспечивает создание объективной доказательственной базы. Несмотря на теоретическую и практическую значимость опубликованных научных работ исследователей они не исчерпывают всей актуальности проблемы и не могут в полной мере удовлетворить потребности экспертной, следственной и судебной практики на современном этапе [1, с. 5–6].

Решение идентификационной задачи при экспертном исследовании разделенных предметов является традиционным для трасологии. В процессе ее решения устанавливается тождество какого-либо разделенного объекта по его частям, в том числе когда элементы объекта представляют собой вещественные доказательства, изъятые в ходе расследования уголовного дела, оперативно-розыскных мероприятий. Экспертная практика свидетельствует о том, что объектами исследования могут быть предметы различной природы происхождения и свойств, разделенные в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния: оружия преступления, предметы преступного посягательства, сопутствующие объекты окружающей обстановки, одежда подозреваемого в совершении преступления лица. В научной и методической литературе по вопросам проведения экспертизы целого объекта по его частям определено три вида целостных систем:

1. Однородные (монокристаллы) предметы (бутылка, ключ, лом и т. д.).

2. Составные предметы, состоящие из соединенных между собой деталей (замок, пистолет).

3. Комплектное целое, которое является совокупностью однородных либо составных предметов (пачка сигарет, скрипка и футляр, ключ и замок и т. д.) [2, с. 201].

Принадлежность частей к единому целому устанавливается благодаря тому, что у частей расчлененного, разделенного либо разрушенного предмета сохраняются взаимосвязывающие признаки. Некоторые из этих признаков объект исследования приобретает до его расчленения на части, например в процессе изготовления, ремонта или эксплуатации, а другие возникают в момент и вследствие расчле-

нения. При исследовании комплектного целого плоскости соприкосновения элементов определены заранее. Однако при длительном контакте, а тем более при взаимодействии на каждом из них в большей или меньшей степени отражается, отпечатывается внешнее строение контактирующих частей. Вышеуказанные закономерности в полной мере могут быть использованы при решении вопроса о возможности идентификации оружия по следам его деталей на различных предметах (кобуре, чехле, стенках, дне тайника и пр.) [3, с. 6; 4, с. 67].

При обращении к содержанию работ таких специалистов в области судебной баллистики, как В. С. Аханов, Б. Н. Ермоленко, А. И. Каледин, А. В. Кокин, Б. М. Комаринец, С. Д. Кустанович, И. В. Латышов, В. М. Плещачевский, А. С. Подшибякин, В. А. Ручкин, Е. И. Сташенко, Е. Н. Тихонов, А. И. Устинов, В. В. Филиппов, В. А. Федоренко, Б. И. Шевченко, и других авторов применительно к решению конкретных экспертных задач становится очевидным невозможность отражения в их трудах всех вопросов, возникающих при производстве судебных баллистических экспертиз.

Вместе с тем положительные примеры решения задачи идентификации оружия по следам его деталей на кожаном снаряжении (кобуре) имеются в отечественной экспертной практике. В рамках расследования уголовного дела по факту совершения злостного хулиганства в одно из экспертных подразделений поступили на исследование пневматический пистолет модели «А-101», изъятый в ходе осмотра участка местности в г. Минске (рис. 1), и кожаная плечевая кобура коричневого цвета, изъятая при задержании и личном досмотре гражданина П. 1995 г.р., остановленного в 200 метрах от места совершения преступления [5]. На разрешение экспертизы был составлен перечень вопросов, в том числе и о том, использовалась ли кобура, изъятая у П., для ношения пистолета, обнаруженного на месте происшествия в ходе осмотра.

Представленная на исследование кобура была изготовлена из кожи коричневого цвета и состояла из собственно кобуры, размеры которой 165×115 мм, и подвесной системы. Кобура снабжена клапаном, закрывающимся на металлическую кнопку, изготовленную из металла серого цвета. Подвесная конструкция кобуры состояла из системы эластичных трикотажных и кожаных ремней, изменять длину которых пользователь может в процессе носки и эксплуатации, в зависимости от телосложения (рис. 2).

Для решения вопроса, использовалась ли кобура, предъявленная на исследование для хранения пневматического пистолета модели «А-101», представленного на экспертизу, ее ниточные швы были распороты, а внутренние поверхности сфотографированы (рис. 3).

Визуальным исследованием ее внутренней поверхности было установлено следующее:

– на внутренней поверхности левой половины кобуры отобразился вдавленный, объемный, статический след предмета овальной формы размером

75×44 мм, который был образован выступающими частями предмета, ранее помещавшегося в нее;

– в следе предмета отобразились общие признаки следообразующего предмета (форма, размеры), ка-

кие-либо индивидуальные особенности в вышеописанном следе предмета не отобразились;

– иных следов на внутренней поверхности кобуры не обнаружено (рис. 3, 4).

Рис. 1. Общий вид пневматического пистолета «А-101», представленного на исследование

Рис. 2. Общий вид кожаной кобуры с подвесной системой, изъятая у подозреваемого

Рис. 3. Вид внутренней поверхности кожаной кобуры после распарывания ниточных швов

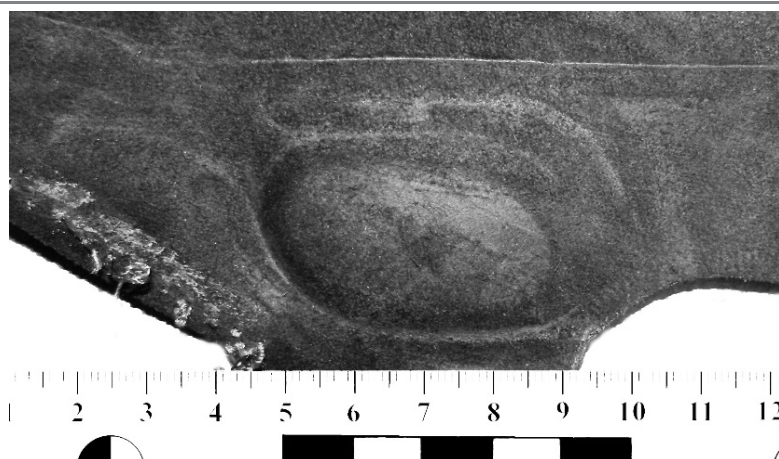

Рис. 4. Увеличенный фотоснимок локального следа предмета размером 75×44 мм, обнаруженный на внутренней поверхности кобуры

При исследовании обнаруженного на внутренней поверхности кобуры следа предмета, размеры которого 75×44 мм, установлено, что в нем полно и четко отобразились общие признаки предмета, которым был создан след (форма, размеры), что позволяет признать его пригодным для проведения сравнительного исследования по общим признакам.

Следует подчеркнуть, что метод сравнения является одним из доминирующих в судебной экспертизе и широко применяется при решении как идентификационных, так и диагностических задач, что предопределяет возможность достижения цели экспертного исследования и позволяет сформировать обоснованные и достоверные выводы. Основным критерием применения данного метода служит сопоставимость объектов, т. е. возможность их сравнения:

- объекты сравнения должны быть непосредственно связаны с предметом доказывания по делу, что конкретно выражается в постановке вопросов, которые выносятся на разрешение экспертизы или исследования;

- подлежат сравнению только признаки объектов, которые необходимы для решения поставленных вопросов;

- результаты сравнения должны служить основанием для формирования выводов [6, с. 214].

Кроме того, отмечая преимущественную ценность установления единичного объекта по результатам проведения экспертизы, нельзя в то же время недооценивать значение, которое имеет определение групповой принадлежности, поскольку установление единичного конкретного объекта не всегда возможно. Указанное обстоятельство обусловлено недостаточным отображением индивидуальных особенностей объекта в следе, что, в свою очередь, зависит от следообразующего объекта, свойств контактирующих поверхностей, механизма следообразования [7].

При сравнительном исследовании методом совмещения по ломаной линии одномасштабных фотоснимков следа предмета размером 75×44 мм, отобразившегося на внутренней поверхности кобуры, изъятной в ходе личного досмотра гражданина П., и де-

Рис. 5. Увеличенный фотоснимок совмещения спусковой скобы, спускового крючка пистолета модели «А-101», представленного на исследование, и локального следа предмета размером 75×44 мм, обнаруженного на внутренней поверхности кобуры

талей конструкции пистолета модели «А-101», представленного на исследование, установлено совпадение вышеописанного следа по форме, размерам и взаимному расположению его элементов с формой и размерными характеристиками спусковой скобы и спускового крючка вышеописанного пистолета (см. рис. 5).

Проведенное экспертное исследование объектов, представленных на исследование, позволило сделать вывод о том, что кобура, изъятая в ходе личного досмотра гражданина П., могла быть использована для ношения пневматического пистолета модели «А-101», изъятого в ходе осмотра места совершения преступления. Таким образом, результатами проведенного экспертного исследования были практически подтверждены теоретические положения, изложенные в трудах специалистов в области судебной баллистической экспертизы, о возможности идентификации оружия по следам его деталей, в том числе и кожаном снаряжении.

На основании вышеизложенного, при подготовке экспертов в области проведения баллистических экспертиз представляется обоснованным включение в тематический план изучаемой дисциплины практического занятия, на котором бы осуществлялось выполнение учебных заданий (экспертиз), связанных с идентификацией оружия по следам-отображениям деталей его конструкции на объектах (снаряжении для хранения и переноски, стенках тайника, штанц-марке и т. п.). Данное предложение будет способствовать повышению качества подготовки сотрудников экспертных подразделений.

Список источников

1. Кокин А. В. Концептуальные основы криминалистического исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 388 с.
2. Грановский Г. Л. Основы трасологии. Особенная часть / под ред. канд. юрид. наук Е. И. Зуева. Москва, 1974. 240 с.
3. Андреев А. Г. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза: практикум. Волгоград: ВА МВД России, 2003. 164 с.
4. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник / под ред. В. А. Ручкина, И. А. Чулкова. Волгоград: ВА МВД России, 2004. Ч. 1. 316 с.
5. Уголовное дело № 12121051506 // Архив суда Партизанского района г. Минска за 2013 г.
6. Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности (извлечение) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 212–221.
7. Кокин А. В. Методы судебно-баллистической идентификации огнестрельного оружия // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 114–118.

References

1. Kokin A. V. Conceptual foundations of forensic research of rifled firearms on traces on bullets: dis. ... Dr. jurid. Sciences. Moscow, 2015. 388 p.
2. Granovsky G. L. Fundamentals of traceology. Special part / ed. cand. legal Sciences E. I. Zueva. Moscow, 1974. 240 p.
3. Andreev A. G. Judicial ballistics and forensic ballistic examination: workshop. Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 164 p.
4. Forensic examination of weapons and traces of its use: textbook / ed. V. A. Ruchkina, I. A. Chulkova. Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. Part 1. 316 p.
5. Criminal case No. 12121051506 // Archive of the court of the Partizansky district of Minsk for 2013.
6. Terziev N. V. Identification and definition of generic (group) belonging (extraction) // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MGYuA). 2021. No. 2. S. 212–221.
7. Kokin A. V. Methods of forensic ballistic identification of firearms // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 1. P. 114–118.

Информация об авторе

Лаппо Егор Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Lappo Egor A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 31.05.2022; одобрена после рецензирования 13.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 31.05.2022; approved after reviewing 13.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Расследование преступлений, связанных с поджогами: современные возможности эффективных методов выявления следов рук при осмотре места пожара

Щербаков Игорь Олегович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, ishcherbakov31@mvd.ru

Аннотация. Вопросы расследования преступлений, связанных с поджогами, в настоящее время приобретают особую актуальность. Именно поэтому четкое знание уполномоченными лицами мотивов и способов совершения поджогов, а также средств, применяемых при этом, позволяет целенаправленно и успешно осуществлять предотвращение пожаров, а в конечном счете – сберечь личное и государственное имущество. Данная тема является весьма обширной и охватывает широкий спектр вопросов, которые возникают у различных служб, задействованных в расследовании пожаров, так как все службы имеют свою научно-теоретическую базу, наработанную годами, но общее глубинное изучение данной проблемы практически не проводилось. Анализ материалов следственной и судебной практики свидетельствует о серьезных недостатках и упущениях, вызванных сложностью процесса доказывания преступлений рассматриваемого вида, что обуславливает необходимость совершенствования методики расследования данного уголовно наказуемого деяния.

Ключевые слова: осмотр места пожара, поджог, расследование, исследование места пожара, следы рук

Для цитирования: Щербаков И. О. Расследование преступлений, связанных с поджогами: современные возможности эффективных методов выявления следов рук при осмотре места пожара // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 79–86.

Original article

Investigation of crimes related to arson: modern possibilities of effective methods for detecting handprints when examining a fire site

Shcherbakov Igor O.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, ishcherbakov31@mvd.ru

Abstract. The issues of investigation of crimes related to arson are currently becoming particularly relevant. That is why a clear knowledge by authorized persons of the motives and methods of arson, as well as the means used in this case, allows purposefully and successfully to prevent fires, and, ultimately, to save personal and state property. This topic is very extensive and covers a wide range of issues that arise from various services involved in the investigation of fires, since all services have their own scientific and theoretical base developed over the years, but there has been practically no general in-depth study of this problem. The analysis of the materials of investigative and judicial practice indicates serious shortcomings and omissions caused by the complexity of the process of proving crimes of the type in question, which necessitates the improvement of the methodology of investigation of this criminally punishable act.

Keywords: inspection of the fire site, arson, investigation, investigation of the fire site, handprints

For citation: Shcherbakov I. O. Investigation of crimes related to arson: modern possibilities of effective methods for detecting handprints when examining a fire site // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 79–86.

Проблема проведения осмотров мест происшествий, связанных с поджогами, является очень актуальной, поскольку пожары причиняют существенный социальный и экономический ущерб обществу и государству. Особую опасность, в силу их криминального характера, представляют поджоги чужого имущества. Расследование данной категории преступлений требует от следователя проведения качественного осмотра места пожара, четко скоординированной деятельности при поступлении первоначальной информации о произошедшем событии, грамотного взаимодействия с экспертными подразделениями, установления причастных лиц, а также очевидцев противоправного деяния [1, с. 58].

Преступления, связанные с пожарами, условно делятся на две группы: 1) пожар как следствие легкомыслия, небрежности, халатности виновного, а также нарушения правил пожарной безопасности; 2) пожар как результат реализации преступного умысла, то есть поджога. Статья 15 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) относит преступления, сопровождающиеся поджогами, к категории тяжких преступлений, поскольку в уголовно-правовом значении поджог сам по себе – это не преступление, а

способ умышленного уничтожения или повреждения каких-либо материальных ценностей, например, имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ) или лесных насаждений.

Согласно Государственному докладу МЧС России в 2020 году на территории Российской Федерации поджоги стали причиной 13 880 пожаров, что составляет 3,16 % от общего количества пожаров. Поджог представляет серьезную опасность для жизни, здоровья и имущества граждан, так как является прямой причиной возникновения пожаров, в результате которых только в 2020 году погибли 8 313 и получили травмы 8 434 человека, прямой материальный ущерб составил 20 876,3 миллионов рублей [2].

В основном «криминальные» поджоги осуществляются с целью вандализма, из хулиганских мотивов, в ходе массовых беспорядков, в качестве угрозы, ввиду психических расстройств (пиромании) [3, с. 7]. Так, например, 21 апреля 2021 г. Свердловский областной суд приговорил к пожизненному лишению свободы Понкратова А., которого ранее суд присяжных признал виновным в поджоге дома № 91 на улице Омской в г. Екатеринбурге, в результате которого погибли восемь человек, сам Понкратов А. утверждал, что получал удовольствие в ходе наблюдения за пожаром [4].

Рис. 1. Дом, расположенный по адресу: г. Екатеринбург, ул. Омская, д. 91, причиной возгорания которого стал поджог

Часто поджоги используют в целях сокрытия вещественных доказательств, из-за ложной уверенности, что экстремальные условия пожара уничтожат все следы преступления. Утром 15 июля 2021 г. диспетчер пожарной охраны принял сообщение о горящем автомобиле «Ока» в районе 14-го километра Сибирского тракта в г. Екатеринбурге. Через полчаса в

полицию обратился 65-летний хозяин автомобиля. Он заявил, что его машину угнали от дома № 21 на улице Прибалтийской. В результате оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками уголовного розыска был установлен подозреваемый в угоне «Оки», который пояснил, что поджег автомобиль с целью уничтожения следов преступления [5].

Рис. 2. Автомобиль «Ока», поджог которого был осуществлен с целью уничтожения следов преступления

При исследовании места пожара эксперты исходят из того положения, что пожар, как и любое другое явление, возникает и развивается в пространстве и во времени. Поэтому при осмотре места пожара эксперты используют общий методологический принцип от общего к частному. Выявляя общие и специфические признаки пожара, например, формы, размеры и границы перехода зоны горения в зону теплового воздействия, в зону задымления, эксперты используют частные (единичные) признаки, присущие только одной из зон развития пожара. Анализ и синтез являются исходной научной базой для экспертов при исследовании места пожара. Анализируя место пожара, эксперты путём разделения его на соответствующие участки выявляют всю совокупность признаков, присущих только очагу возникновения пожара. Синтезируя (объединяя) совокупность выявленных признаков, эксперты восстанавливают первоначальную картину возникновения и развития пожара.

Как показывает экспертная практика, при исследовании места пожара широкое применение находят различные технические средства, которые можно разделить на средства измерения, обнаружения, контроля и фиксации.

Согласно Федеральному закону от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» пожар – это неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. Возникновение пожара является результатом серии одновременных химических, окислительных и экзотермических реакций. Для разжигания огня необходим кислород, источник тепла, топливо и химическая реакция. Изоляция или устранение одного из этих факторов приведет к затуханию пожара. Принцип возникновения огня наглядно показан в «треугольнике пожара».

Рис. 3. Треугольник пожара

Несмотря на то, что не все пожары содержат признаки состава преступления, протокол осмотра места пожара должен составляться по факту каждого пожара. Это единственное следственное действие, производить которое, согласно УПК РФ, допускается до возбуждения уголовного дела, что является крайне важным в случае обнаружения признаков состава преступления через несколько дней после происшествия пожара. Статьей 109 УПК России предусматривается срок принятия решения по заявлению либо сообщению со дня их получения не более трёх суток, в исключительных случаях – не более 10 суток. Лицо, принявшее сообщение о пожаре, обязано немедленно организовать охрану места происшествия. В результате разрушительной силы огня, а также действий по ликвидации пожаров уничтожаются многие следы преступления, вещественные доказательства, что создает сложности при обнаружении преступников. В то же время для поджогов, в отличие от многих других преступлений, характерным является то, что

сотрудникам полиции становится известно о факте поджога сразу после обнаружения пожара. Это позволяет им прибыть на место происшествия и принять меры по установлению виновных.

На поджог обычно указывают следы и пары горючих жидкостей, посуда из-под них. Её осматривают и непременно упаковывают. Горючие жидкости на месте пожара могут быть выявлены по запаху, с помощью ультрафиолетового освещения, по характерным следам копоти. Для проверки этой версии из предполагаемого очага необходимо изъять пробы золы, почвы. Проблемным представляется тот факт, что в месте возникновения пожара под воздействием экстремально высоких температур следы рук, скорее всего, будут уничтожены. Однако разные участки места происшествия будут по-разному подвергнуты воздействию пожара, поэтому для обнаружения вещественных доказательств осмотру подлежат все области. Особое внимание необходимо уделять предметам, с которыми мог контактировать преступник, а также местам его отхода и подхода.

При обращении к практическому опыту производства экспертиз следует выделить два основных типа: экспресс-анализ и экспертиза, проводящаяся в лабораторных условиях. Экспресс-анализ – это действие, которое можно произвести в момент составления протокола осмотра на месте происшествия с использованием технических средств, позволяющих получить результат в течение незначительного промежутка времени, причём необходимо сделать об этом запись в протоколе осмотра. Для проведения экспресс-анализа на месте происшествия применяется газоанализатор либо другие технические средства. Отличие экспресс-анализа от экспертизы состоит в том, что он не является отдельным процессуальным действием, не требует составления специальных процессуальных документов. Все действия, производимые во время данного анализа, должны осуществляться в присутствии понятых и фиксироваться в протоколе осмотра места происшествия (кем, в каком месте применялся данный прибор, результаты его применения), что будет иметь доказательственную силу по делу.

Экспертиза, производимая в лабораторных условиях, требует применения специального стационарного оборудования и производится специалистами, прошедшими обучение, имеющими квалификацию эксперта. На производство различных экспертиз затрачивается от нескольких часов до нескольких суток. В данном случае за полученные результаты отвечает производящий их эксперт (за достоверность экспресс-анализа, производимого на месте происшествия, отвечает лицо, производящее осмотр). Оформление экспертиз требует строгого соблюдения норм процессуального законодательства, отступление от которых может свести на нет доказательственную силу результатов экспертизы.

Обнаруженный на месте происшествия объект для производства экспертизы должен быть скрупу-

лезно описан в протоколе осмотра (место его обнаружения, внешние данные с измерением всех линейных параметров, взаимосвязь с другими предметами). В случае изъятия предмета с места происшествия в момент производства осмотра это в обязательном порядке отражается в протоколе и заверяется подписями понятых. Упаковка предмета, изъятая с целью экспертизы, должна исключать его подмену, порчу и обеспечивать доставку к месту производства экспертизы.

Общие требования: предметы (за исключением громоздких, крупногабаритных) упаковываются в герметичную тару (чаще всего в полимерный пакет), которую закрывают таким образом, чтобы исключить воздухообмен с окружающей средой, и опечатывают с целью обеспечения их сохранности. К каждому отдельно упакованному предмету должен прилагаться листок-вкладыш с информацией о дате пожара, объекте пожара; наименованием изъятых предметов с краткой характеристикой; подписями понятых, участвующих при производстве осмотра и изъятии предметов. Предметы, упаковать которые не представляется возможным, изымаются с места происшествия с более подробным (детальным) описанием их внешних данных в протоколе осмотра. Они также подлежат опечатыванию (например, обвязкой проволокой с наложением пломбы), с целью исключения изъятия или замены деталей внутри изъятых объектов. Также внутри предмета вкладывается информация, аналогичная герметично упакованным предметам.

Требуется соблюдение норм процессуального законодательства и при вынесении постановления о назначении экспертизы и доставке объектов экспертизы для исследования. Необходимо иметь в виду, что некоторые изъятые с места пожара вещественные доказательства имеют ограниченный срок, в течение которого может быть произведена экспертиза. Это связано с особенностью определения наличия на предметах и веществах некоторых фракций нефтепродуктов. Поэтому данные объекты экспертизы должны немедленно направляться для исследования, иначе производство экспертизы станет невозможным из-за улетучивания (испарения) веществ, которые будут подвергаться исследованию.

Изъятие предметов, имеющих отношение к причине пожара и (или) к совершению преступного действия, основывается на личном решении следователя (лица производящего осмотр). Изъятию подлежат предметы, на причастность которых указывают участвующие в осмотре специалисты и понятые или представитель объекта пожара. Также по данной категории дел, в случаях, если у потерпевшего имеются телесные повреждения, назначается судебно-медицинская экспертиза. Она необходима для определения более полного вреда потерпевшему, если будет установлено, что причиной возникшего пожара является поджог. Вопросы, задаваемые эксперту, будут направлены на установление степени тяжести вреда, причинённого здоровью потерпевшего.

Обращаясь к опыту зарубежных стран, следует отметить, что, например, в США к определению причин пожара относятся так: по каждому осмотру первоначальной причиной выдвигается поджог, но в процессе его расследования, используя технические возможности, устанавливают истинную причину пожара. Это обуславливается тем, что на место пожара выезжают специалисты, имеющие в своём арсенале аппаратуру, позволяющую точно зафиксировать место расположения очага пожара и его источник, что способствует более качественному осмотру места пожара и выяснению виновных лиц.

В нашей стране также имеется опыт использования специальной аппаратуры, но её применение носит крайне узкий характер – в основном в столицах и областных центрах и только на пожарах, которые влекут за собой крупный материальный ущерб или массовую гибель. Например, в Свердловской области действует испытательно-пожарная лаборатория (ИПЛ), сотрудники которой имеют аппаратуру и соответствующий опыт в определении причастности к причинам возникновения пожаров остатков электрооборудования и присутствия остатков золы фракций лёгких нефтепродуктов. Но данные возможности редко используются. Причиной этому является некачественное производство осмотра места пожара; обнаруженные на месте пожара предметы, остатки предметов и электрооборудования должным образом не описываются в текстовой части и не изымаются даже в случае изъятия каких-либо улик с места пожара; не соблюдаются процессуальные нормы по их

упаковке и транспортировке, что аннулирует их доказательственную силу по делу. Также на территории Свердловской области широко распространен опыт применения при производстве осмотра места пожара видеотехники, которая используется дежурным дознавателем государственного пожарного надзора по мере необходимости. Положительный эффект достигается ещё тем, что, кроме фиксации на плёнку последствий пожара в процессе производства осмотра, до его начала фиксируется сам пожар, что даёт возможность судить о характере горения, путях распространения и цвете выделяемых при этом продуктов горения [6, с. 101].

Достаточно интересными представляются методы удаления сажи с поверхности объектов со следами рук, поскольку очевидно, что чем больше дыма выделяется в процессе пожара, тем больше будет осажаться сажи на различные поверхности, в том числе и на участки со следами рук. Сажа, покрывая поверхность объектов-следоносителей, образует защитный слой, предохраняя следы рук от экстремальных температур и пламени, сохраняя уникальный рисунок папиллярного узора. Поскольку отложения сажи на объектах часто бывают густыми, следы рук под этим слоем становятся не видны. Поэтому перед криминалистами встала задача по разработке метода удаления сажи максимально безвредным для следов рук способом.

В ходе исследования данного вопроса была изучена литература, описывающая методы удаления сажи с объектов, и составлена сравнительная таблица.

Метод	Способ применения	Особенности применения
Удаление сажи мыльным раствором	Объект промывается в мыльном растворе	Применяется на непористых поверхностях; неэффективен на объектах, загрязненных ГСМ
Удаление сажи 2 % раствором гидроксида натрия	Объект обрабатывается 2 % водным раствором гидроксида натрия при помощи распылителя или под проточной струей	Применяется на непористых поверхностях; требуются средства индивидуальной защиты; разрушителен для ДНК
Удаление сажи ластиком	Объект легкими нажатиями протирается ластиком для карандашей	Применяется на пористых и непористых поверхностях; в основном используется на металлических поверхностях
Удаление сажи кистью	Объект обрабатывается мягкой ворсовой или стекловолоконной кистью легкими смахивающими движениями	Применяется на пористых и непористых поверхностях; неэффективен при толстом слое сажи; не используется на влажных поверхностях
Удаление сажи клеевой лентой	На объект наносится лента с клеевым слоем, после чего удаляется. Процесс повторяется до полного удаления сажи	Применяется на пористых и непористых поверхностях; используется на поверхностях, загрязненных ГСМ
Удаление сажи абсорбентом	В объект легкими движениями в одном направлении втирается пористая паста, состоящая из муки, соли, воды и минеральных солей	Применяется на пористых и непористых поверхностях

Удаление сажи компаундом (Mikrosil)	На поверхность объекта наносится готовая к применению смесь компаунда, после отверждения паста удаляется	Применяется на непористых поверхностях; эффективен на текстурированных поверхностях
Удаление сажи жидким латексом	На поверхность объекта распыляется жидкий латекс вместе с загустителем и красителем, после высыхания удаляется вместе с сажой	Применяется на непористых поверхностях; существует возможность покрытия больших площадей
Удаление сажи в ультразвуковой ванне	Объект подвергается обработке в ультразвуковой ванне, содержащей толуол	Применяется на непористых поверхностях; хорошо подходит для разрыхления слоя сажи; применяется в сочетании с другими методами

В отечественной литературе информации о применении перечисленных методов в практической работе правоохранительных органов обнаружить не удалось, но в иностранном источнике приведен положительный пример применения метода с использованием жидкого латекса. В июне 2005 г. управление по борьбе с преступностью столичной полиции Лондона начало расследование убийства после обнаружения расчлененных останков человеческого тела, плавающих в канале на северо-западе города. Обнаруженные фрагменты тела покойного были завернуты в черные пластиковые мешки для мусора. Примерно через неделю также в пластиковом мешке для мусора была обнаружена голова погибшего мужчины. Нижняя половина туловища, руки и ноги жертвы так и не были найдены.

Расследование, проведенное детективами Лондонской полиции, привело следственную группу в квартиру, расположенную на 5-м этаже жилого комплекса, недалеко от канала, где были обнаружены части тела. За два дня до того, как были найдены останки, квартира стала объектом поджога. Было установлено, что данную квартиру снимал мужчина, который позже был арестован и считался подозреваемым в совершении поджога. Подозреваемый заявлял сотрудникам полиции, проводящим расследование, что этой квартирой часто пользовались неизвестные ему лица и что один из этих людей мог быть ответственным за поджог. Квартира была обследована, в результате чего были определены четыре очага возгорания. На дверях и дверных проемах гостиной, на шкафчике в прихожей были обнаружены брызги крови, также кровь была обнаружена в ванной комнате. В связи с заявлениями, сделанными подозреваемым, необходимо было осмотреть место преступления на предмет

наличия следов рук. Предварительное обследование места преступления не дало результатов из-за наличия большого количества сажи, которая покрывала поверхность вещей и предметов, расположенных в квартире. Криминалистами было принято решение о нанесении на поверхность объектов жидкого латекса для удаления сажи и дальнейшего исследования следов рук. После нанесения латекса ему дали высохнуть, и при снятии с поверхностей удалось удалить до 90 % сажи. На месте преступления были обнаружены многочисленные следы рук, оставленные подозреваемым, жертвой и лицами, представляющими интерес в расследовании этого дела [7]. Собранные в ходе осмотра места преступления вещественные доказательства в совокупности помогли доказать вину подозреваемого.

Полагаем, следует отдельно отметить проблемные вопросы выявления следов рук на объектах, изъятых с мест пожаров, поскольку в настоящее время существует достаточно много методов выявления следов рук, однако, если объект-следоноситель подвергался воздействию процессов, происходящих при пожаре, необходимо будет учитывать множество различных факторов, чтобы правильно выбрать наиболее подходящий метод. Выбор метода выявления следов рук, в первую очередь, будет зависеть от материала поверхности объекта-следоносителя. Также необходимо учитывать способ тушения пожара, например, если в процессе использовалась вода, выявить следы рук на пористых поверхностях раствором нингидрина не удастся, так как вода растворяет аминокислоты.

Для удобства сравнения наиболее эффективных методов выявления потожировых следов (далее – ПЖС) нами была составлена таблица.

Метод	Способ применения	Особенности применения
Суспензия мелкодисперсного реагента (дисульфид молибдена)	Суспензия распыляется на поверхность объекта, где частицы дисульфида молибдена вступают в реакцию с жирными кислотами и солями ПЖС, образуя серый налет на следе	Применяется на непористых поверхностях; может применяться на влажных поверхностях; выявляет следы на объектах, подверженных температуре до 800°C
Вакуумное осаждение металлов	Объект помещается в вакуумную камеру, где при высокой температуре испаряется металл (серебро, цинк, золото) и осаждается на поверхности, не занятой ПЖС, делая его видимым	Применяется на непористых поверхностях; выявляет следы на объектах, подверженных температуре до 900°C

Окуривание парами цианакрилата	Объект помещают в камеру, где под воздействием температуры испаряют цианакрилат, который, вступая в реакцию с влагой и солью ПЖС, полимеризуется, окрашивая след в белый цвет	Применяется на пористых и непористых поверхностях; не используется на объектах, подвергавшихся воздействию влаги; выявляет следы на объектах, подверженных температуре до 750°C
Раствор нингидрина	Раствор распыляют на поверхность объекта, где нингидрин вступает в реакцию с аминокислотами ПЖС, окрашивая их в фиолетовый цвет	Применяется на пористых поверхностях; выявляет следы на объектах, подверженных температуре до 200°C
Раствор ДФО	Раствор распыляют на поверхность объекта, где 1,8-Diazafluoren-9-one (C ₁₁ H ₆ N ₂ O ₂) вступает в реакцию с аминокислотами ПЖС, окрашивая их в красный цвет	Применяется на пористых поверхностях; выявляет следы на объектах, подверженных температуре до 200°C
Физический проявитель	Объект помещается в лоток с раствором, после чего промывается дистиллированной водой, реактив вступает в реакцию с жирами ПЖС, окрашивая его в серый цвет	Применяется на пористых поверхностях; может применяться на влажных поверхностях; выявляет следы на объектах, подверженных температуре до 200°C

Дым и сажа могут действовать аналогично дактилоскопическим порошкам, прилипая к компонентам потожирового следа. Окапчивание является самостоятельным методом выявления следов рук и эффективно применяется на поверхностях, находившихся в условиях высоких температур. Для окапчивания объекта кусочки сжигаемого вещества (камфоры, канифоли, пенопласта) зажигают, а исследуемый объект перемещают над коптящим пламенем на расстоянии 15–20 см до тех пор, пока он не покроется копотью, после чего поверхность аккуратно расчищают мягкой ворсовой или стекловолоконной кистью.

В отечественной литературе описано исследование, в ходе которого было установлено, что воздействие высоких температур (100–190 °C) на поверхность бумаги, оцинкованного металла и глазурованной керамики может вызвать естественную флуоресценцию потожирового вещества, которая становится видна при осмотре предмета с помощью фонаря со светодиодом синего цвета (450 нм) и ультрафиолетового светодиодного фонаря (365 нм), а также защитных очков и светофильтров оранжевого и желтого цветов [8].

Следует отметить, что научные сотрудники университета Абертай (Шотландия) после проведения серии исследований сделали вывод, что при нагревании металла до температур 600 °C между его поверхностью и потожировым следом происходит химическая реакция. Ионные соли, присутствующие в потожировом веществе, разъедают поверхность металла, создавая объемное устойчивое изображение папиллярного узора. Результат данной реакции будет зависеть от типа металла и качественного состава потожирового вещества [9, с. 90]. При пожарах повышение температуры приводит к тому, что поверхность медных предметов тускнеет, но, если на этих предметах присутствуют потожировые следы, они будут за-

щищать медь от окисления. Это может предотвратить потускнение в местах локализации следов рук, позволяя папиллярному узору контрастировать с фоном.

Рассмотренные нами методы удаления сажи и выявления следов рук на местах пожаров наглядно показывают, что мнение об уничтожении следовой информации при процессах, происходящих во время горения, ошибочно. Главным союзником криминалиста на месте пожара является сажа, которая, плотно покрывая поверхность объектов, спасает следы рук от воздействия высокой температуры и пламени. На данный момент не существует универсального метода удаления сажи и последующего выявления следов рук, так как каждый пожар уникален, и процессы, происходящие при горении, по-разному влияют на объекты, находящиеся на месте происшествия. С каждым годом количество исследований по данной теме продолжает расти.

Как выявлено из анализа практики расследования преступлений, ошибки, допущенные при проведении осмотра места преступления, являются невосполнимыми. Особенно это касается происшествий, связанных с пожарами, т. к. после пожара происходит ликвидация его последствий, что практически является уничтожением следов преступления и возможных улик. Если имеется хоть один признак того, что пожар является «криминальным», следователь (дознатель) на месте происшествия обязан обнаружить и идентифицировать любые доказательства, подтверждающие либо опровергающие версию поджога. Существует множество признаков поджога: несколько очагов возгорания, обнаружение следов посторонних горючих веществ, необычное развитие пожара, необычное расположение очага возгорания, наличие следов взлома на дверях и окнах. Также необходимо уделить особое внимание надлежащей фиксации места происшествия, которая может осуществляться

посредством 3D-панорамирования, сферической панорамы (одновременное круговое и ярусное панорамирование), а также аэрофото- и видеосъемки с использованием квадрокоптеров [10, с. 64].

Таким образом, в связи с тем, что пожары являются одной из основных причин возникновения пожаров, угрожающих жизни, здоровью и имуществу граждан, необходимо стандартизировать и внедрить процесс обнаружения следов рук на местах преступлений, связанных с поджогами.

Список источников

1. Виноградова О. П., Малых А. А. Современные технико-криминалистические возможности осмотра места происшествия // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. ст. по итогам междунаро. науч.-практ. конф., проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2018». М., 2018.
2. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2020 году». М.: МЧС России: ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2021.
3. Виноградова О. П. Особенности тактики отдельных следственных действий с участием подозреваемых (обвиняемых), страдающих нарушением психики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1.
4. Судья огласил приговор поджигателю дома на Омской, где задохнулись восемь человек // E1.PY Екатеринбург Онлайн. URL: <https://www.e1.ru/text/criminal/2021/04/23/69881807/> (дата обращения: 19.07.2021).
5. В Екатеринбурге задержали подозреваемого в угоне и поджоге машины // Вечерние ведомости. URL: <https://veved.ru/eburg/news/crime-news/164911-v-ekaterinburge-zaderzhali-podozrevaemogo-v-ugone-i-podzhoge-mashiny.html> (дата обращения: 19.07.2021).
6. Елфимов П. В., Виноградова О. П., Ефимов И. А., Токарев Д. С. Актуальные вопросы противодействия преступным нарушениям правил пожарной безопасности // Техносферная безопасность. 2018. № 4 (21).
7. Larkin T, Marsh B, Nicholas P, et al. Using Liquid Latex to Remove Soot to Facilitate Fingerprint and Bloodstain Examinations: A Case Study // Journal of Forensic Identification. 2008. № 58 (5).
8. Донцова Ю. А. Естественная флуоресценция пожарных следов рук как результат термического воздействия // Энциклопедия судебной экспертизы. 2020. № 3 (26).
9. Wightman G., O'Connor D. The thermal visualisation of latent fingermarks on metallic surfaces // Forensic Science International. 2011. № 204.
10. Малых А. А., Ржанникова С. С. Тактические приемы фотосъемки на месте происшествия // Экспертная практика. 2019. № 87.

References

1. Vinogradova O. P., Malykh A. A. Modern technical and forensic possibilities of inspection of the scene of the accident // Technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes: collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference held within the framework of the business program of the International Exhibition "Interpoltech-2018". Moscow, 2018.
2. State report "On the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2020". Moscow: EMERCOM of Russia: VNII GOCHS (FC), 2021.
3. Vinogradova O. P. Peculiarities of tactics of individual investigative actions involving suspects (accused) suffering from mental disorders // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1.
4. The judge announced the verdict of the arsonist of the house on Omsk, where eight people suffocated // E1.ru Yekaterinburg Online. URL: <https://www.e1.ru/text/criminal/2021/04/23/69881807/> (accessed: 07/19/2021).
5. In Yekaterinburg, a suspect was detained in the theft and arson of a car // Evening news. URL: <https://veved.ru/eburg/news/crime-news/164911-v-ekaterinburge-zaderzhali-podozrevaemogo-v-ugone-i-podzhoge-mashiny.html> (date of address: 07/19/2021).
6. Elfimov P. V., Vinogradova O. P., Efimov I. A., Tokarev D. S. Topical issues of countering criminal violations of fire safety rules // Technosphere safety. 2018. № 4 (21).
7. Larkin T., Marsh B., Nicholas P. et al. The use of liquid latex to remove soot to facilitate the examination of fingerprints and blood stains: A case study // Journal of Forensic Identification. 2008. № 58 (5).
8. Dontsova Yu. A. Natural fluorescence of fat handprints as a result of thermal exposure // Encyclopedia of Forensic Examination. 2020. № 3 (26).
9. Whiteman G., O'Connor D. Thermal visualization of hidden fingerprints on metal surfaces // Forensic Science International. 2011. № 204.
10. Malykh A. A., Rzhannikova S. S. Tactical techniques of photographing at the crime scene // Expert practice. 2019. № 87.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 14.06.2022; approved after reviewing 28.08.2022; accepted for publication 16.09.2022.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 342.5

Публичная власть и представительство: вопросы содержания и соотношения

Карасев Анатолий Тиханович¹, Савоськин Александр Владимирович²

¹ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, a.t.karasev@mail.ru

² Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, savoskinav@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена рассмотрению публичной власти, представительства, их содержания, а также анализу того, как представительство включается в публичную власть, которая реализуется через соответствующие формы представительства.

Ключевые слова: народовластие, публичная власть, представительство, представитель

Для цитирования: Карасев А. Т., Савоськин А. В. Публичная власть и представительство: вопросы содержания и соотношения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 87–91.

Original article

Public authority and representation: issues of content and correlation

Karasev Anatoly T.¹, Savoskin Alexander V.²

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, a.t.karasev@mail.ru

² Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, savoskinav@yandex.ru

Abstract. The publication is devoted to the consideration of public power, representation, their content, and also analyzes how representation is included in public power, which is implemented through appropriate forms of representation.

Keywords: democracy, public power, representation, representative

For citation: Karasev A. T., Savoskin A. V. Public authority and representation: issues of content and correlation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 87–91.

В рассмотрении природы представительства большое значение имеет характеристика содержания самой публичной власти, применительно к которой в дальнейшем и будут показаны характер и место представительства. Публичная власть есть один из видов социальной власти, чье исходное предназначение – служить средством управления обществом в условиях расхождения потребностей, интересов

составляющих его людей, в основе организации данной власти лежат определенные принципы [1, с. 29; 2, с. 117].

Анализ Конституции РФ показывает, что публичная власть раскрывается через политико-территориальный аспект, то есть способ (механизм) органи-

зации жизни (всего многонационального народа или его части, проживающей на соответствующей территории субъекта Российской Федерации, муниципальной единицы). Политико-территориальный аспект публичной власти особенно хорошо заметен при взгляде на специальные территориальные единицы (федеральные округа, судебные участки и районы, избирательные округа и т. п.), которые созданы специально для эффективного функционирования отдельных органов власти или целых систем таких органов (например, судебной).

Конституционными подсистемами публичной власти выступают государственная власть и власть местного самоуправления, что дает основание выделять отдельно государственный аппарат и аппарат муниципальной власти (ст. 132 Конституции РФ).

В рамках отношений публичной власти властвующий субъект подчиняет себе волю подвластного, направляет, модифицирует его поведение [3, с. 6; 4, с. 19]. Поэтому определяющие параметры государственной власти рассматриваются как устойчивые коррелирующие величины, в соответствии с которыми последовательно (в «ранговом» порядке) определяются наиболее значимые властные характеристики [5, с. 19]. Правда, заметим, что властно-волевой характер присущ любому виду власти и не является отличительным признаком именно публичной власти.

Глава 1 Конституции РФ не оперирует термином «публичная власть», так как поправки 2020 года в Конституцию РФ не могли затронуть ее содержание, однако системное толкование ее положений во взаимосвязи с положениями иных глав Конституции РФ в редакции 2020 года позволяет сделать однозначный вывод, что публичная власть в нашем обществе основывается на принципе народовластия, поскольку источником любой официальной власти в России является только ее многонациональный народ. Из этого конституционного постулата следует следующее: конкретные граждане должны обладать правомочиями на участие в принятии публично-властных решений (или хотя бы быть причастными к ним в той или иной мере), потому что сам народ как абстрактная правовая категория реализовать эти функции не в состоянии.

Но какова должна быть роль граждан в управлении делами государства, чтобы признать принцип народовластия реально воплощенным и действенно функционирующим? Прежде всего, следует обратить внимание на само наличие, а затем на качество организации таких форм народовластия, как формы прямой демократии (выборы и референдум), а также формы опосредованной демократии (иногo участия граждан в осуществлении публичной власти посредством обращений, публичных мероприятий, опросов и т. п.) [6, с. 29–30].

На первый взгляд может показаться, что власть народа безгранична, но это не так. Она имеет свои границы, очерченные Конституцией РФ. Исходя из

способа принятия нашего Основного закона, можно утверждать, что народ сам определил эти границы, поставив Конституцию РФ выше своего прямого волеизъявления. Более детально эти границы в последующем раскрываются в федеральном законодательстве, например, в ст. 6 Федерального Конституционного закона «О референдуме РФ», ст. 12 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и других.

При этом, говоря о публичной власти, следует отметить, что и федеральные законы «О Госсовете», «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», и проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в системе публичной власти» не только не дают нормативного определения понятия публичной власти, но и расширительно толкуют ее элементный состав. Возможно ли это? Полагаем, что да. Статья 132 Конституции РФ гласит, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации», следовательно, Конституция РФ дает основание в качестве элементов публичной власти выделить и другие, что и было сделано в Федеральном законе «О Госсовете».

В современной юридической доктрине сложились различные подходы относительно понятия и содержания термина «публичная власть». Так, в числе традиционных признаков публичной власти исследователи выделяют: массовость, легитимность и нравственный характер, представительность, общественно-полезный и комплексный характер, охватывающий все сферы общественной жизни [7, с. 8–10]. Однако этот теоретический перечень не является исчерпывающим, а зачастую порождает противоречия, поэтому желательно законодателю закрепить не только систему публичной власти (как это сегодня сделано и в Конституции РФ, и в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»), но и дать ее нормативное определение.

В рамках осуществления публичной власти складывается конституционно-правовое отношение между первичным субъектом публичной власти – народом и аппаратом публичной власти, осуществляющим власть в режиме представительства. Следовательно, народовластие – это проявление публичной власти в государстве.

В процессе осуществления власти граждане вступают в разнообразные отношения, некоторые из них следует выделить особо. Во-первых, это принятие гражданами публично-властных решений напрямую или, иными словами, непосредственно (например, при референдуме или сходе). Во-вторых, это участие граждан (в том числе посредством объединений) в кадровом формировании отдельных органов власти и должностных лиц (например, на выборах представительного органа, отзыве депутатов). В-третьих, это объявление и последующее отстаивание обще-

народных интересов посредством информационного и организационного воздействия на органы власти. В-четвертых, это выявление интересов и воли граждан самими органами власти путем проведения различных опросов и сбора форм обратной связи (например, при получении государственных и муниципальных услуг). В-пятых, это принятие органами публичной власти решений, на основании того или иного взаимодействия с гражданами или элементами гражданского общества (прежде всего, это совместная разработка или широкое обсуждение проектов законов или иных нормативных актов). Одновременно в системе всех этих отношений особое место занимают отношения представительства. Поэтому развитие и совершенствование институтов представительной демократии – это важная составная часть реализации различных форм народовластия в Российской Федерации.

Данное положение определяет значимость представительства как одного из институтов реализации власти народом, населением на территории Российской Федерации. Преимуществом представительной демократии является возможность постоянного обращения к позиции граждан по вопросам публичной значимости, выражаемой через выборные институты, прежде всего через коллегиальные представительные органы. Определение же представительной власти можно дать как власти, осуществляемой от имени народа (или его части) выборными представителями, объединенными в коллегиальном учреждении (представительном органе) на строго определенный срок. В силу этого коллегиальный представительный орган не только отстаивает интересы того или иного сообщества граждан, но и, в определенном смысле, представляет им (во многом за счет коллегиальности работы).

Реализация концепции представительной демократии означает, что многонациональный народ Российской Федерации осуществляет свою власть посредством избираемых им же из своего состава представительных органов и выборных должностных лиц (Президент РФ, высшие должностные лица субъектов, главы муниципальных образований). При этом представительство может быть непосредственное, прямое – так называемое представительство первой степени, когда соответствующий орган избирается или назначается самим представительным коллективом (гражданами). Представительство может быть и опосредованным (2, 3 степени и т. д.), когда соответствующий орган избирается (назначается) не самим обществом, а выделенным им органом (органами) [8, с. 245].

В качестве классического примера опосредованного представительства можно привести деятельность сенаторов Совета Федерации Федерального Собрания РФ (которые назначаются избираемыми населением главами субъектов и законодательными органами власти субъектов РФ), членов представительных органов муниципальных районов (избираемых депутатами поселений) и глав муниципальных

образований, которые избираются не населением, а представительными органами.

Вызывает некоторое недоумение все еще имеющая место позиция представителей властных структур отдельных субъектов, которые говорят о том, что общество, граждане еще не «доросли» до прямых выборов глав субъектов, поэтому следует перейти к опосредованному представительству, что уже сделано в Республиках Дагестан, Ингушетия, ХМАО, ЯНАО и других субъектах. К чему такие колебания? И действительно ли граждане все еще не «доросли» до прямых выборов глав субъектов РФ? Если речь идет об экономии средств, выделяемых на избирательную кампанию, так об этом надо и сказать прямо. Поймем!

Важно обращать внимание не только на сам факт избрания народных представителей, но и на полноту выражения воли и интересов граждан такими представителями, поскольку, на наш взгляд, при внешнем благополучии представительство может оказаться мнимым. Так, Н. И. Лазаревский определял представительство «как отношение двух или нескольких лиц, когда одно лицо имеет право исполнять какие-либо действия за другое лицо или других лиц с тем, чтобы то, что совершит представитель, имело те же последствия, какие имели бы действия представляемого. Из самого существа представительства вытекает, что представитель может совершать только те действия, на которые правоспособен представляемый» [9, с. 135].

Воля, выражаемая представителем народа в процессе деятельности органа (или напрямую воля выборного должностного лица), в конечном итоге становится публичной (властной) волей, но корни этой воли остаются скрыты. Теоретически главная задача представителя – выявить потребности населения, воспринять их и раскрыть волю народа (как он ее понял). Однако о полном соответствии воли народа и воли конкретного представителя невозможно говорить даже с точки зрения идеальной модели, поскольку эти воли существуют в социальной действительности, а потому объективно отделены друг от друга.

Здесь следует отметить, что право знает две формы представительства: гражданско-правовую (прежде всего договорную на основании доверенности) и публично-властную. В последнем случае свобода действий и усмотрения представителя многократно выше, поскольку вообще не ограничена никакими рамками (если не брать во внимание редкие случаи законодательного закрепления гражданских наказов для депутатов отдельных муниципальных образований). Однако эта свобода усмотрения зачастую может быть сильно ограничена, но не народом, а той политической партией, в которую входит и от которой избирался депутат. Поэтому наряду с традиционной проблематикой правового закрепления депутатского мандата, производного от избирателей, выявилась проблема «партийного мандата», так как в последнем случае правовая связь между избирателем и депута-

том осложняется правовой связью между депутатом и партией, которая в известном смысле начинает подменять связь с народом. Превалирование партийной связи (в ущерб народному представительству) наглядно отражают нормы избирательного права, согласно которым именно политическая партия определяет кандидата в случае высвобождения депутатского мандата, осуществляя это помимо волеизъявления избирателей, ранее отдавших голоса за конкретный список и фактически утвердивших очередность распределения депутатских мандатов. К сожалению, и Конституционный Суд РФ не нашел в этом каких-либо отступлений от конституционного принципа народовластия.

Федеральные и региональные парламентарии в России обладают свободным депутатским мандатом. Муниципальные депутаты фактически также обладают свободным депутатским мандатом, так как процедура их отзыва на практике неисполнима (поскольку требует более половины голосов всех избирателей соответствующего округа для решения об отзыве, тогда как даже на выборы традиционно приходят существенно меньше половины всех избирателей), а практика «обременения» депутатов избирательным наказом не имеет федеральной легитимации и крайне слабо распространена в муниципалитетах. Таким образом, в условиях свободного депутатского мандата в момент проведения голосования происходит передача власти от народа его представителям, после чего граждане не имеют правовых механизмов воздействовать на парламентариев (кроме как их непереизбрания через 5 лет). Это приводит к утрате связи между избирателями и депутатами и, как следствие, утрате связи между гражданами и государством, поскольку, как справедливо писал Л. А. Тихомиров, народное представительство находится «между государственным механизмом и народом» [10, с. 518].

С учетом тематики публикации полезным будет осветить черты, характеризующие народных избранников (представителей). Во-первых, они представляют собой первичный уровень представительства, а поэтому всегда избираются гражданами напрямую. Во-вторых, это политическая и юридическая самостоятельность представителей от избирателей, поскольку, реализуя свои полномочия, они не связаны волей или даже мнением избирателей. В-третьих, представители народа традиционно наделяются нормотворческими полномочиями, то есть именно им доверено принимать законы и иные акты нормативного характера по наиболее значимым вопросам государственной и местной жизни, адресованные неопределенному числу субъектов и рассчитанные на длительное, неоднократное использование.

Народное представительство – одна из важнейших форм представительства общества на различных уровнях публичной власти, которое должно действовать в интересах граждан и под их контролем, а объектом отношений народного представительства является публичная власть на том или ином ее уров-

не. Это означает, что ни один представитель не может пользоваться властью по своему усмотрению, а должен действовать в интересах граждан, которые избрали его на определенный срок в соответствии с действующим законодательством. Отсюда представитель – это лишь инструмент (посредник), с помощью которого народ реализует свою власть, принадлежащую ему по Конституции РФ.

Список источников

1. Кокотов А. Н. Парламент в системе представительных органов власти и парламентаризм // Парламентское право России. Екатеринбург. 2008. 320 с.
2. Авдеев Д. А. Принципы организации публичной власти в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3 (31). С. 112–120.
3. Черданцев А. Ф. Государственная власть и ее обоснование // Правоведение. 1992. № 2. С. 3–12.
4. Карасев А. Т. Представительная (законодательная) власть в механизме государственной власти // Конституционное развитие России: история и современность. Екатеринбург, 2003. Ч. 1. 205 с.
5. Кочнев В. А. Государственная власть в Российской Федерации: Конституционно-правовые основы корреляции. Пермь, 2000. 210 с.
6. Фадеев В. И., Варлен М. В. Депутатский мандат в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: учебное пособие. Москва: Норма, 2008. 447 с.
7. Вопросы теории и практики публичной власти. Коллективная монография / Бендюрина С. В., Выдрин И. В., Захаров И. В., Кокотов А. Н. и др.; отв. ред. Кокотов А. Н. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2005. 232 с.
8. Григорян Л. А. Народовластие в СССР М.: Юрид. лит., 1972. 296 с.
9. Лазаревский Н. И. Русское государственное право: Конституционное право. Т. 1: Вып. 1. 4-е изд. Петроград: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1917. 272 с.
10. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. 672 с.

References

1. Kokotov A. N. Parlament v sisteme predstavitel'nyh organov vlasti i parlamentarizm // Parlamentskoe pravo Rossii. Ekaterinburg. 2008. 320 s.
2. Avdeev D. A. Principy organizacii publicnoj vlasti v Rossii // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3 (31). С. 112–120.
3. Cherdancev A. F. Gosudarstvennaya vlast' i ee obosnovanie // Pravovedenie. 1992. № 2. С. 3–12.
4. Karasev A. T. Predstavitel'naya (zakonodatel'naya) vlast' v mekhanizme gosudarstvennoj vlasti // Konstitucionnoe razvitie Rossii: istoriya i sovremennost'. Ch. 1. Ekaterinburg. 2003. 205 s.
5. Kochnev V. A. Gosudarstvennaya vlast' v Rossijskoj Federacii: Konstitucionno-pravovye osnovy korrelyacii / V. A. Kochev. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2000. 210 s.
6. Fadeev V. I., Varlen M. V. Deputatskij mandat v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovye osnovy:

uchebnoe posobie / V. I. Fadeev, M. V. Varlen; Moskovskaya gos. yuridicheskaya akad. Moskva: Norma, 2008. 447 s.

7. Voprosy teorii i praktiki publichnoy vlasti. Kollektivnaya monografiya / Bendyurina S. V., Vydrin I. V., Zaharov I. V., Kokotov A. N. i dr.; Otv. red.: Kokotov A. N. Ekaterinburg: Izd-vo UrGYUA, 2005. 232 s.

8. Grigoryan L. A. Narodovlastie v SSSR. M.: YUrid. lit., 1972. 296 c.

9. Lazarevskij N. I. Russkoe gosudarstvennoe pravo: Konstitucionnoe pravo. T. 1: Vyp. 1. 4-e izd. Petrograd: Tip. Red. period. izd. M-va fin., 1917. 272 c.

10. Tihomirov L. A. Monarhicheskaya gosudarstvennost'. M., 1998. 672 s.

Библиографический список

1. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 22.07.2022).

2. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

3. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2710.

4. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (Ч. III). Ст. 8039.

5. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (Ч. I) Ст. 8973.

Bibliographic list

1. The bill No. 40361-8 "On the general principles of the organization of local self-government in a single system of public power" // System for ensuring legislative activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (accessed: 07.22.2022).

2. Federal Law of June 12, 2002 No. 67-FZ "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253.

3. Federal Constitutional Law of June 28, 2004 No. 5-FKZ "On the referendum of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2004. No. 27. Art. 2710.

4. Federal Law of December 8, 2020 No. 394-FZ "On the State Council of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 50 (Part III). Art. 8039.

5. Federal Law of December 21, 2021 No. 414-FZ "On the General Principles of the Organization of Public Power in the constituent entities of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 52 (Part I) Art. 8973.

Вклад авторов

Карасев А. Т. – идея, сбор материала, обработка материала, научное редактирование текста.

Савоськин А. В. – идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Karasev A. T. – idea, material collection, material processing, scientific text editing.

Savoskin A. V. – idea, material collection, material processing, article writing, scientific text editing.

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Карасев Анатолий Тихонович – доктор юридических наук, профессор

Савоськин Александр Владимирович – доктор юридических наук, доцент

Information about the authors

Karasev Anatoly T. – Doctor of Law, Professor

Savoskin Aleksandr V. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 27.04.2022; одобрена после рецензирования 10.05.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 27.04.2022; approved after reviewing 10.05.2022; accepted for publication 16.09.2022.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Научная статья
УДК 343.13

Об отдельных аспектах расследования преступлений, связанных с деятельностью «финансовых пирамид» (на примере уголовного дела в отношении создателей и руководителей преступного сообщества, осуществлявших свою преступную деятельность от имени ООО «ДП»)

Абдраязпов Ранис Ришатович¹, Файзуллин Руслан Рашитович²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

² Главное следственное управление МВД по Республике Башкортостан, Уфа, Россия

Автор, ответственный за переписку: Абдраязпов Ранис Ришатович, ranis_a2009@mail.ru

Аннотация. В данной статье на примере расследования уголовного дела в отношении создателей и руководителей преступного сообщества, осуществлявших свою преступную деятельность от имени ООО «ДП», рассмотрены организационные и криминалистические аспекты расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с деятельностью «финансовых пирамид». Описаны особенности первоначального и последующего этапа расследования, особенности назначения экспертиз и решения организационных и криминалистических вопросов расследования уголовных дел указанной категории.

Ключевые слова: уголовное дело, финансовая пирамида, расследование, следственные действия

Для цитирования: Абдраязпов Р. Р., Файзуллин Р. Р. Об отдельных аспектах расследования преступлений, связанных с деятельностью «финансовых пирамид» (на примере уголовного дела в отношении создателей и руководителей преступного сообщества, осуществлявших свою преступную деятельность от имени ООО «ДП») // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 92–98.

Original article

On certain aspects of the investigation of crimes, related to the activities of «financial pyramids» (on the example of a criminal case against the creators and leaders of a criminal community who carried out their criminal activities on behalf of DP LLC)

Abdrazyapov Ranis R. ¹, Fayzullin Ruslan R. ²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

² Main Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

Corresponding author: Abdrazyapov Ranis R., ranis_a2009@mail.ru

© Абдраязпов Р. Р., Файзуллин Р. Р., 2022

Abstract. In this article, on the example of the investigation of a criminal case against the creators and leaders of a criminal community who carried out their criminal activities on behalf of DP LLC, the organizational and criminalistic aspects of the investigation of criminal cases of crimes related to the activities of «financial pyramids» are considered. The features of the initial and subsequent stages of the investigation, the specifics of the appointment of examinations and the solution of organizational and forensic issues of the investigation of criminal cases of this category are described.

Keywords: criminal case, pyramid scheme, investigation, investigative actions

For citation: Abdrazyapov R. R., Fayzullin R. R. On certain aspects of the investigation of crimes, related to the activities of «financial pyramids» (on the example of a criminal case against the creators and leaders of a criminal community who carried out their criminal activities on behalf of DP LLC) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 92–98.

Современная экономическая преступность, значительная часть которой носит латентный характер, во многом образует фундамент организованной преступности. Серьезную озабоченность вызывают получившие распространение преступления, связанные с деятельностью «финансовых пирамид».

В настоящее время усматривается тенденция сохранения большого числа «финансовых пирамид» и, как следствие, обманутых граждан, которые в период кризисных явлений задумываются о сохранности своих сбережений. Этим пользуются недобросовестные предприниматели, которые после привлечения денежных средств граждан взятые на себя обязательства по выплате процентов и возврату вкладов не выполняют, полученные от вкладчиков денежные средства похищают, зачастую даже не делая вид ведения какой-либо предпринимательской деятельности.

В ходе подготовки данной работы нами во многом использовались материалы уголовного дела в отношении создателей и руководителей преступного сообщества, осуществлявших свою преступную деятельность от имени ООО «ДП», которое возбуждено 4 февраля 2014 г. следственной частью по расследованию организованной преступной деятельности ГСУ МВД по Республике Башкортостан.

Расследованием данного уголовного дела установлено, что в период с сентября 2012 г. по 4 февраля 2014 г. организаторами и руководителями преступного сообщества (преступной организации) С.1, Ш., С.2, С.3 совместно с участниками преступного сообщества Ш., И., С.4 в офисах ООО «ДП», расположенных на территории республик Башкортостан, Татарстан и Оренбургской области, были похищены путем обмена денежные средства в особо крупном размере у 7 987 физических и юридических лиц на общую сумму 565 579 857 рублей.

Первоначальный этап является наиболее важным и динамичным, т. к. сбор доказательств по уголовному делу, способствующий установлению всех его обстоятельств, а также раскрытию преступления и установлению похищенного, наиболее результативен при правильной и быстрой организации работы.

На данном этапе расследования преступлений, связанных с деятельностью «финансовых пирамид», необходимо решить следующие основные задачи.

1. Задержание организаторов «финансовой пирамиды». Организаторы «финансовой пирамиды», выводившие денежные средства из организации, в последующем сами планируют скрыться, избежав таким образом уголовной ответственности и получив возможность распоряжаться похищенными денежными средствами.

Задача следователя на первоначальном этапе расследования – принять необходимые меры, направленные на установление и задержание организаторов «финансовой пирамиды».

Так, по уголовному делу в отношении руководства ООО «ДП» следователями в течение первых четырех дней в порядке ст. 91 УПК РФ задержаны руководитель общества С.1 и главный бухгалтер С.2.

В отношении остальных фигурантов уголовного дела решения об избрании меры пресечения принимались по мере установления их причастности к совершенному преступлению.

Кроме пресечения возможности виновных лиц скрыться, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу позволяет минимизировать возможное противодействие расследованию со стороны указанных лиц, а также шире использовать оперативные и тактические возможности производства предварительного расследования, используя ограниченную связь подозреваемого с «внешним миром» и, как следствие, недостаточную информированность о ходе и результатах расследования.

2. Установление местонахождения похищенных денежных средств. К сожалению, ни одна пирамида не была выявлена на этапе ее формирования, поскольку изначально все они создаются под видом обычной коммерческой организации, которая нацелена на ведение вполне законной деятельности. Практически все они выявлены на этапе, когда людям переставали платить деньги. К этому моменту организаторы «финансовой пирамиды» переводят денежные средства вкладчиков на счета подконтрольных им организаций либо просто забирают наличными, и обнаружить их практически невозможно.

Таким образом, возмещение потерпевшим причиненного материального ущерба, даже при условии установления организаторов финансовых пирамид, остается на очень низком уровне, т. к. суммы ущер-

ба исчисляются миллионами, а имущества виновных лиц, как правило, недостаточно для его возмещения.

Для решения указанной задачи необходимо незамедлительно принять меры по установлению и наложению арестов на счета и имущество организации, руководителей и учредителей «финансовой пирамиды».

Наиболее действенными мерами являются:

- наложение арестов на расчетные счета организации;
- установление и арест недвижимого имущества, принадлежащего организации, ее руководителям и учредителям;
- установление и арест автотранспорта, принадлежащего организации, ее руководителям и учредителям;
- проведение обысков в центральных и региональных офисах, а также в жилищах подозреваемых лиц с целью обнаружения наличных денежных средств и иного имущества, на которое возможно наложение ареста.

Кроме того, необходимо принять меры по проверке имущественного положения супругов и родственников организаторов, руководителей, учредителей «финансовых пирамид». При установлении на счетах данных лиц крупных денежных сумм, а также при установлении наличия права собственности на дорогостоящие объекты недвижимости, транспортные средства, необходимо принять меры по проверке источника происхождения данных денежных средств и имущества и при установлении их приобретения за счет преступно нажитых средств принять меры по наложению ареста.

3. Отсутствие в коммерческой организации, созданной по принципу «финансовой пирамиды», должного бухгалтерского учета поступивших и выплаченных денежных средств. Руководители и учредители «финансовых пирамид» либо вовсе не утруждают себя ведением бухгалтерского учета, либо перед закрытием «финансовой пирамиды» принимают меры к уничтожению бухгалтерской и иной документации, которая фактически изобличает их преступную деятельность.

В целях установления бухгалтерских документов, а также похищенных денежных средств, имущества и иных доказательств преступной деятельности организаторов «финансовой пирамиды» наиболее целесообразным представляется проведение обысков на первоначальных этапах расследования.

Основные виды обысков, проводимых при расследовании уголовных дел, связанных с деятельностью «финансовых пирамид»:

- 1) обыски в центральных и территориальных офисах «финансовой пирамиды»;
- 2) обыски по месту жительства руководителей и учредителей «финансовой пирамиды».

При проведении обысков в офисах организации и по месту жительства подозреваемых лиц необходимо производить изъятие следующих документов и предметов:

- финансовых, бухгалтерских и учредительных документов организации – «финансовой пирамиды»;
- документов, подтверждающих факты внесения денег потерпевшими, возможного их движения и распределения;
- компьютеров, ноутбуков, карт памяти с имеющимися на них записями о финансовых операциях, бухгалтерских документов, реестров вкладчиков и т. д.;
- денежных средств в рублях и иностранной валюте, драгоценностей, а равно иного имущества, добытого преступным путем;
- разработанных рекомендаций методического характера по проведению лекций и семинаров, работы с клиентами.

Так, например, по уголовному делу в отношении руководства ООО «ДП» для расследования уголовного дела и незамедлительного проведения обысков в территориальных офисах организации в кратчайшие сроки создана следственно-оперативная группа из 108 следователей территориальных подразделений МВД по Республике Башкортостан, а также 29 оперативных сотрудников.

В первые 3 дня расследования проведено 50 обысков в офисах и жилищах подозреваемых лиц, по результатам которых в жилищах руководителей сообщества изъяты денежные средства в сумме 10 миллионов рублей и ювелирные украшения стоимостью 100 миллионов рублей, а в офисах изъято 700 единиц компьютерной техники, мебель, а также документы, подтверждающие хищение денежных средств граждан.

Кроме того, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданских исков, наложен арест на общую сумму около 124 млн рублей:

- на принадлежащее ООО «ДП» имущество (здания, автотранспорт, гаражи, оргтехнику, офисную мебель, расчетные счета);
- на имущество, принадлежащее обвиняемым (квартиры, автотранспорт, земельные участки, гаражи, ювелирные украшения).

При отсутствии положительных результатов от произведенных обысков необходимо получить информацию о деятельности организации, ее руководителях и учредителях путем направления запросов в банковские учреждения, налоговые и иные контролирующие органы, а также путем допросов сотрудников организации и иных лиц.

Во многом от того, каким образом будет организована работа на первоначальном этапе расследования, во многом зависит успешное окончание расследования уголовного дела.

Таким образом, умелая организация работы на первоначальном этапе расследования способствует разрешению вышеобозначенных проблемных вопросов расследования указанной категории уголовных дел: установлению местонахождения похищенных денежных средств и имущества, на которое возможно наложение ареста, обнаружению бухгалтерской и иной документации, изобличающей преступную деятельность виновных лиц.

Последующий этап расследования начинается после выполнения первоначальных следственных действий.

Основными проблемными вопросами, которые следует разрешить на данном этапе расследования, являются:

1. Установление и допрос всех вкладчиков «финансовой пирамиды». Учитывая большое число граждан, пострадавших от деятельности организаций, действующих по принципу «финансовых пирамид», возникает две проблемы: первая – установление потерпевших, вторая – их допрос.

При расследовании уголовного дела в отношении руководства ООО «ДП», в качестве потерпевших допрошено 7 987 человек, из них проживающих на территории Республики Башкортостан – 5 262 человека. Также в качестве свидетелей допрошено более 15 000 человек.

Для установления и допроса потерпевших по уголовному делу задействованы все члены следственно-оперативной группы, состоявшей из 108 следователей, большинство из которых дислоцировались в территориальных подразделениях органов внутренних дел по местам расположения филиалов ООО «ДП». Работа на местах членов СОГ позволила значительно сократить срок расследования данного уголовного дела.

В целях исключения повторных вызовов и, как следствие, затягивания сроков расследования потерпевшим сразу после допроса разъяснялись права, предусмотренные ст. 42, 198, 215, 216 УПК РФ, в части ознакомления с постановлениями о назначении судебных экспертиз, заключениями экспертов, материалами уголовного дела. Потерпевшим разъяснялись их права, ход расследования уголовного дела, количество и объемы производимых экспертиз, право заявления ходатайств об отказе в ознакомлении с постановлениями о назначении экспертиз, их заключениями, а также материалами уголовного дела. По окончании расследования каждому потерпевшему направлялось уведомление об окончании предварительного расследования и разъяснялось их право на ознакомление с материалами уголовного дела.

2. Трудности установления движения денежных средств из филиалов в центральные офисы (инкассация наличных денежных средств организаторами преступления или неизвестными курьерами). Филиалы «финансовых пирамид» на местах фактически являются приемными пунктами денежных средств граждан. В конечном итоге все денежные средства поступают в центральный офис. В ходе расследования необходимо установить, каким образом передавались денежные средства в центральный офис, в том числе непосредственно руководителю «финансовой пирамиды». В случае отсутствия документального подтверждения передачи денежных средств могут возникнуть трудности установления причастности руководства «финансовой пирамиды» к хищению денежных средств в филиалах.

Решением указанных выше проблемных вопросов является установление и подробный допрос работников «финансовой пирамиды» в качестве свидетелей. Сотрудники, работающие по найму, выступают важнейшими источниками информации об обстоятельствах совершенного преступления, взаимоотношениях в коллективе финансовой компании, документообороте, инкассировании и расходовании привлеченных денежных средств и прочих обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Так, по уголовному делу допрошены сотрудники центрального офиса и иных подразделений ООО «ДП», в том числе региональные представители, бухгалтеры, менеджеры, которые пояснили, что руководителями общества являлись С.1, С.2, Щ. По их указанию сотрудники ООО «ДП» гарантировали гражданам оплату кредитных обязательств, однако данные обязательства ООО «ДП» не исполнены. Погашение кредитных обязательств клиентов на начальном этапе осуществлялось исключительно за счет денежных средств, поступивших от новых клиентов (потерпевших) ООО «ДП».

3. Производство отдельных видов экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с деятельностью «финансовых пирамид». Особенностью рассматриваемой категории преступлений является назначение и производство отдельных видов судебных экспертиз, не свойственных другим видам мошенничеств.

Так, в ходе расследования уголовного дела в отношении руководителей «финансовой пирамиды» ООО «ДП» проведены следующие виды судебных экспертиз:

1. Экономическая (финансово-экономическая) экспертиза.

Данная экспертиза проведена с целью установления рентабельности деятельности юридического лица, возможности исполнения организацией принятых обязательств, наличия либо отсутствия финансовой устойчивости. Так, например, возможно установить, что организация осуществляет деятельность только за счет привлеченных от граждан и юридических лиц денежных средств, при этом в процессе деятельности постоянно увеличивается разрыв между растущей суммой обязательств перед вкладчиками и собственным капиталом юридического лица, что свидетельствует об очевидной невыполнимости принимаемых на себя обязательств.

При проведении экономической судебной экспертизы по уголовному делу в отношении руководителей «финансовой пирамиды» ООО «ДП» перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

– Соответствует ли деятельность ООО «ДП» его уставным документам и законодательству Российской Федерации?

– Является ли деятельность ООО «ДП» общественной, некоммерческой, предпринимательской, банковской деятельностью?

– К какой форме экономической деятельности относится работа ООО «ДП»?

– Что является источником формирования имущества ООО «ДП»?

– Осуществляло ли ООО «ДП» иную деятельность, кроме финансовой деятельности?

– Правомерно ли использование ООО «ДП» инвестиций и реинвестиций?

– Имела ли место в деятельности ООО «ДП» реинвестируемая прибыль?

– Какова экономическая цель деятельности ООО «ДП»?

– Экономически эффективна ли деятельность ООО «ДП» (когда рухнет)?

– Основана ли деятельность ООО «ДП» на принципах сетевого маркетинга и кассы взаимопомощи? Если да, то соответствует ли использование ООО «ДП» денежных средств, полученных от граждан в микрофинансовой деятельности, его уставным документам и законодательству Российской Федерации?

– Имеет ли деятельность ООО «ДП» признаки «финансовой пирамиды»?

Согласно заключению эксперта, основная сумма поступлений 99 % – это поступление по договорам финансирования, т. е. привлечение денежных средств населения. Расходы организации носят необоснованный характер, не связанный с видами экономической деятельности, указанными по кодам ОКВЭД, завышены и не направлены на получение прибыли. Деятельность ООО «ДП» имеет характер «финансовой пирамиды».

2. Судебная математическая экспертиза.

По уголовному делу в отношении руководителей «финансовой пирамиды» ООО «ДП» математическая экспертиза проводилась в целях установления пределов ее участников, ограниченных числом вновь вовлеченных граждан и их денежными средствами, поступившими в кассу.

Согласно заключению эксперта, ООО «ДП» не сможет обеспечить исполнение кредитных обязательств по заключенным договорам финансирования при условии, что ООО «ДП» не осуществляет никакой инвестиционной и предпринимательской деятельности, связанной и извлечением прибыли. Для того чтобы финансовая пирамида могла безубыточно существовать неограниченное время, то есть при постоянных во времени суммарных взносах клиентов, необходимо, чтобы приток клиентов рос, как геометрическая прогрессия. Временные пределы функционирования ООО «ДП», даже в самых идеальных условиях, не превышают 22 месяца.

3. Судебная бухгалтерская экспертиза.

В ходе расследования уголовного дела в отношении руководителей «финансовой пирамиды» ООО «ДП» проведено 27 бухгалтерских судебных экспертиз. Перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

– Какова сумма денежных средств по договорам финансирования, заключенным ООО «ДП» (с разбивкой по каждому клиенту с указанием суммы обязательств перед кредитной организацией)?

– Какова сумма денежных средств по исполнению ООО «ДП» своих обязательств по договорам финансирования за весь период действия?

– Какова разница между суммой, внесенной гражданином по договору финансирования, и суммой, выплаченной ООО «ДП»?

– Каковы цели расходования денежных средств, полученных от граждан по договорам финансирования?

Учитывая большое количество объектов исследования, а также ограниченное число экспертов ЭКЦ МВД по Республике Башкортостан, руководителями СОГ по данному уголовному делу в качестве экспертов для проведения бухгалтерской экспертизы привлечено 23 ревизора отдела документальных исследований УЭБиПК МВД по Республике Башкортостан, которым разъяснены права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ.

4. Судебная правовая экспертиза.

Назначение и производство данного вида экспертиз – это насущная необходимость, что объясняется изменением, развитием и усложнением норм права. Так, при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных организациями, действующими по принципу «финансовых пирамид», необходимы знания конкретных институтов гражданского права.

Зачастую консультации со специалистом в области права недостаточно и необходимо проведение исследования лицом, обладающим специальными познаниями в области права, результаты которого были бы даны письменно и оформлены в виде заключения (мнения) сведущего лица. Именно в связи с этим и возникает необходимость в проведении судебной правовой экспертизы.

При проведении правовой судебной экспертизы по уголовному делу в отношении руководителей «финансовой пирамиды» ООО «ДП» перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

– Цели деятельности ООО «ДП»? Соответствуют ли цели деятельности организационно-правовой форме данной организации?

– Соответствует ли содержание договора финансирования уставным документам ООО «ДП» и законодательству Российской Федерации?

– Все ли обязательные условия, необходимые для наступления каких-либо прав, обязанностей и юридических последствий сторон, указаны в договоре финансирования?

– Имело ли право ООО «ДП» принимать на себя обязательства по кредитным договорам и выступать финансовым агентом в договорах финансирования без согласия кредитных организаций?

– Порождает ли какие-либо права, обязанности и юридические последствия гражданина и ООО «ДП» договор финансирования, представленный на экспертизу?

– Правомерна ли передача залога (транспортного средства) по кредитному договору ООО «ДП», согласно доверенности, представленной на экспертизу?

– Имеет ли право гражданин владеть, пользоваться или распоряжаться предметом залога?

– Имеет ли право ООО «ДП» использовать денежные средства граждан для осуществления предпринимательской деятельности и каким образом?

– Соответствует ли содержание договора займа уставным документам ООО «ДП» и законодательству Российской Федерации?

– Является ли ООО «ДП» коммерческой организацией?

– Подпадает ли деятельность ООО «ДП» к небанковским кредитным организациям, предусмотренным Федеральным законом от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»?

Согласно заключению эксперта, по договорам финансирования, заключенным между ООО «ДП» и клиентами, уступка денежных требований не происходит, в связи с чем перед кредитной организацией должником по-прежнему остается клиент. Кроме того, анализ договора финансирования не позволяет определить предмет договора, в связи с чем договор финансирования считается незаключенным. Если договор не заключен, то никаких прав и обязанностей у участников такого договора не возникает, следовательно, такой договор не может иметь каких-либо юридических последствий.

В связи с тем, что согласно приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Об организации производства судебных экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» проведение математической и правовой судебных экспертиз экспертными подразделениями системы МВД России не предусмотрено, проведение указанных экспертиз было поручено физико-математическому и правовому факультетам соответственно Башкирского государственного университета.

В ходе расследования уголовного дела в отношении руководителей «финансовой пирамиды» ООО «ДП» также проведены следующие виды экспертиз:

– судебные компьютерные экспертизы для установления информации о выходах в сеть «Интернет», установления программы «1С Предприятие», установления наличия файлов с ключевыми словами по изъятым в ходе обысков компьютерам и носителям информации ООО «ДП»;

– лингвистическая судебная экспертиза проведена для установления языковых средств высказываний, направленных на формирование у слушателей определенного мнения, суждения, определения языковых средств, относящихся к средствам речевого воздействия, определения коммуникативной установки, коммуникативной цели, определения оценочных слов и конструкций в разговорах и высказываниях обвиняемых;

– комплексные амбулаторные психолого-психиатрические судебные экспертизы проведены для установления наличия какого-либо психического расстройства обвиняемых;

– физико-химические судебные экспертизы – для установления количественного элементного состава металла изъятых в ходе обысков ювелирных изделий;

– геммологические судебные экспертизы проведены для определения количественных элементных составов металла, родовых принадлежностей, видов, карат, веса изъятых ювелирных изделий;

– оценочные судебные экспертизы проведены по имуществу, принадлежащему ООО «ДП»;

– товароведческие судебные экспертизы – для определения стоимости ювелирных изделий.

Приведенный перечень экспертных вопросов по рассмотренным экспертизам является примерным, так как и количество вопросов и их формулировка определяются материалами уголовного дела и конкретной следственной ситуацией.

4. Установление всех участников преступной группы, их ролей в группе, доказывание организованности действовавшей преступной группы, ее сплоченности. Мошенничества, совершенные по принципу «финансовых пирамид», в большинстве случаев (80 %) были совершены в соучастии, что предполагает распределение ролей для совершения преступления. Наибольший интерес представляет личность организатора, а также активного участника преступления, поскольку именно они являются «мозговым центром» преступной группы. При этом зачастую указанные лица имели в прошлом опыт управленческой работы на руководящих должностях в государственных или коммерческих структурах. Это объясняется тем, что, во-первых, для создания «финансовой пирамиды» и обеспечения ее деятельности человек должен обладать хорошими организаторскими способностями; во-вторых, для этого необходимы материальные финансовые средства, а в-третьих, для обеспечения длительной деятельности «финансовой пирамиды» необходимы связи в государственных и коммерческих структурах.

Так, например, по уголовному делу в отношении создателей и руководителей преступного сообщества, осуществлявших свою деятельность от имени «финансовой пирамиды» ООО «ДП», в целях установления всех членов преступной группы, доказывания их организованности, сплоченности и устойчивости проведены следующие мероприятия:

– оперативно-технические и оперативно-розыскные мероприятия «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи», «негласная аудиозапись», проводимые БСТМ МВД по Республике Башкортостан и БСТМ УМВД России по Оренбургской области, результаты которых представлены в ГСУ МВД по Республике Башкортостан в порядке ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», подтверждающие, что организаторами и руководителями преступного сообщества являлись С.1, С.2, С.3, Щ., Ш., С.4, И.;

– оперативно-розыскное мероприятие, в рамках которого гражданин А. внедрен в организацию в каче-

стве регионального представителя ООО «ДП». В ходе допроса А. показал, что С.1 являлся руководителем ООО «ДП» и ему принадлежит вся идея деятельности ООО «ДП». С.2, Щ., С.3, Ш. являлись его заместителями и осуществляли управленческие функции в деятельности ООО «ДП». Все сотрудники понимали и знали, что кредитные обязательства клиентов оплачиваются за счет денег новых клиентов ООО «ДП», то есть ООО «ДП» является «финансовой пирамидой»;

– допросы свидетелей, сотрудников ООО «ДП», принимавших активное участие в работе организации, которые показали, что идея создания деятельности по получению от неограниченного количества граждан денежных средств в размере от 20–25 % от общей суммы их кредитных обязательств принадлежит С.1. Главным бухгалтером являлась С.2. Все региональные представители подчинялись С.1 как директору, а также подчинялись С.3, который контролировал качество работы, Щ. контролировал поток денежных средств, поступающих от них в центральный офис, Ш. полностью курировала и контролировала их деятельность. Все сотрудники понимали и знали, что кредитные обязательства клиентов оплачиваются за счет денег новых клиентов ООО «ДП», то есть ООО «ДП» является «финансовой пирамидой»;

– производство очных ставок между обвиняемыми и свидетелями, в ходе проведения которых последние подтвердили ранее данные ими показания, изобличающие членов ПС (ПО) в совершенных ими преступлениях.

Таким образом, для решения обозначенного проблемного вопроса необходимо активно использовать оперативно-технические и оперативно-розыскные возможности, а также допрос сотрудников, особенно центрального офиса организации, которые в ходе осуществления своей трудовой деятельности, непосредственно контактируют с руководителями и иными участниками преступной группы.

В заключение отметим, что «финансовые пирамиды» представляют собой одну из наиболее распространенных и опасных моделей криминального поведения в сфере финансовых инвестиций. Их действия имеют огромную экономическую и социальную опасность, от которой страдают в первую очередь финансово незащищенные слои населения.

Эффективным и устойчивым инструментом противодействия распространению «финансовых пирамид» является проведение программ, направленных на повышение финансовой грамотности населения. Необходимо через средства массовой информации постоянно информировать общественность посредством общих предупреждений о методах обмана инвесторов, основных признаках «финансовых пирамид» и о необходимости проверки финансовой жизнеспособности потенциальных вложений.

Также важна роль контролирующих органов, которые должны получить более широкий набор правоприменительных инструментов, включая воз-

можность заморозки активов при обнаружении у организации признаков «финансовой пирамиды».

Полагаем, что деятельность по привлечению финансовых инвестиций, а также деятельность микрофинансовых организаций должны подвергаться обязательному лицензированию, а привлеченные денежные средства должны быть застрахованы. Необходимо обязать указанные организации периодически отчитываться об использовании привлеченных денежных средств, имеющихся активах и планируемых затратах.

Список источников

1. Белицкий В. Ю. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного разбирательства мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид»: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2008.
2. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Институт повышения квалификации российского федерального центра судебной экспертизы, 2005. 264 с.

References

1. Belitsky V. Yu. The forensic aspects of the preliminary investigation and trial of fraud committed on the principle of “financial pyramids”: dis. ... cand. Yurid. sciences. Barnaul, 2008.
2. Orlov Yu. K. Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings. M.: Institute for advanced training of the Russian Federal Center for Forensic Expertise, 2005. 264 p.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Абдраязпов Ранис Ришатович – кандидат юридических наук

Information about the authors

Abdrazyapov Ranis R. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 05.08.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 05.08.2022; approved after reviewing 25.08.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Актуальность практического применения органами внутренних дел беспилотных летательных аппаратов при выполнении оперативно-служебных задач

Егошин Игорь Викторович¹, Константинов Владимир Николаевич²

¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

² Восточно-Сибирский юридический институт МВД России, Иркутск, Россия

Автор, ответственный за переписку: Егошин Игорь Викторович, iegoshin4@mvd.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления использования органами внутренних дел беспилотных летательных аппаратов при выполнении мероприятий по обеспечению правопорядка. Определены правовые и технические особенности использования беспилотных летательных аппаратов, а также обозначены преимущества и некоторые проблемы при использовании беспилотных воздушных судов на практике.

Ключевые слова: органы внутренних дел, беспилотные летательные аппараты, наземный пункт управления, полиция, охрана общественного порядка, беспилотное воздушное судно

Для цитирования: Егошин И. В., Константинов В. Н. Актуальность практического применения органами внутренних дел беспилотных летательных аппаратов при выполнении оперативно-служебных задач // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 99–104.

Original article

Relevance of the practical application of unmanned aerial vehicles by the internal affairs bodies in the performance of operational and service tasks

Egoshin Igor V. ¹, Konstantinov Vladimir N. ²

¹ Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

² East Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Irkutsk, Russia

Corresponding author: Egoshin Igor V., iegoshin4@mvd.ru

Abstract. The article discusses the main directions of the use of unmanned aerial vehicles by the internal affairs bodies when carrying out law enforcement measures. The legal and technical features of the use of unmanned aerial vehicles are defined, as well as the advantages and some problems with the use of unmanned aircraft in practice are outlined.

Keywords: internal affairs bodies, unmanned aerial vehicles, ground control point, police, public order protection, unmanned aircraft

For citation: Egoshin I. V., Konstantinov V. N. Relevance of the practical application of unmanned aerial vehicles by the internal affairs bodies in the performance of operational and service tasks // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 99–104.

В современном обществе преступниками и правонарушителями все чаще используются современные технические средства, а также различные достижения технологического прогресса, позволяющие им беспрепятственно и быстро совершать свои противоправные деяния, не попадая в поле зрения право-

охранительных органов. Эти факторы способствуют развитию и использованию органами внутренних дел все новых способов противодействия преступности, включая использование современных устройств и

комплексов, предназначенных для воздушного наблюдения за необходимой территорией и параллельной видеофиксацией происходящего. Речь идет об использовании в деятельности беспилотных летательных аппаратов.

Применение беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) органами полиции в деятельности по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности с каждым годом становится все более актуальным. Проведение публичных мероприятий, крупных спортивных мероприятий, динамика изменяющейся оперативной обстановки, оперативность и своевременность доставки информации в органы оперативного управления и в группы управления нарядами для принятия управленческих решений – все эти факторы способствуют развитию применения беспилотных летательных аппаратов в повседневной деятельности полиции.

Оснащение аппаратов дополнительным оборудованием для съемки позволит подразделениям ОВД осуществлять контроль протекания мероприятий с массовым пребыванием людей, проводить мониторинг местности, где планируется проведение специальных мероприятий (даже в круглосуточном режиме – при помощи двух и более аппаратов), патрулирование больших территорий, мониторинг дорожной ситуации, а использование специального цифрового оснащения на БПЛА (фотоаппарат или видеокамера на гиросtabilизированном подвесе) может позволить проводить идентификацию личности человека по его внешним признакам. Данные аппараты могут широко использоваться при проведении различного рода поисковых (обнаружение людей с помощью тепловизора, поиск и обнаружение потенциальных подозреваемых лиц и опасных предметов) и оперативно-розыскных мероприятий, поиске угнанного автотранспорта, анализе мест дорожно-транспортных происшествий, получении информации из районов массовых беспорядков, а также при выполнении различных задач, где раньше была задействована малая авиация [1, с. 51]. Достаточно актуальным является применение БПЛА при проведении следственных действий, где основная задача состоит в получении пространственных представлений о местности (различных объектах) [2], а также для координации подразделений полиции с воздуха в различных условиях складывающейся обстановки. В этих случаях летательные аппараты могут быть оснащены дополнительно, например, устройством локальной подсветки.

Отдельного внимания заслуживают правовые вопросы применения БПЛА органами внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач. В разное время эту проблематику особенностей использования БПЛА сотрудниками правоохранительных органов в различных условиях складывающейся оперативной обстановки изучали и анализировали Д. С. Иванов, В. Б. Косовский, С. Н. Мартынюк, Д. А. Митюшин, Н. В. Просвирина, А. С. Счастливый.

Использование органами внутренних дел БПЛА в своей деятельности вытекает из содержания Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», где в статье 11 определено, что полиция «использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксации действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности» [3].

Следует отметить, что, с одной стороны, использование БПЛА органами внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач имеет определённые правовые и технические особенности, а с другой – органам внутренних дел абсолютно не требуется получение предварительного разрешения на использование воздушного пространства.

Первоначально необходимо обратиться к Воздушному кодексу Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ. Во-первых, в соответствии со статьей 32 данного Кодекса «под беспилотным воздушным судном понимается воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)». То есть БПЛА – это воздушное судно, не имеющее экипажа (пилота) и способное самостоятельно выполнять в воздушном пространстве различные функции: либо при помощи внешнего дистанционного управления (внешний пилот, оператор) – дистанционно пилотируемые летательные аппараты, либо с помощью заранее заложенной в бортовой компьютер программы управления – автоматические БПЛА [4].

Во-вторых, в соответствии со статьей 22 все воздушные суда, используемые органами внутренних дел, будут относиться к государственной авиации специального назначения [5]. Далее, в соответствии со статьей 52 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138, «использование воздушного пространства беспилотным воздушным судном в воздушном пространстве классов А, С и G осуществляется на основании плана полета воздушного судна и разрешения на использование воздушного пространства». Пункт 52.1 данных Правил определяет, что положения пункта 52 Правил не применяются «в случае выполнения визуальных полетов беспилотных воздушных судов с максимальной взлетной массой до 30 кг, осуществляемых в пределах прямой видимости в светлое время суток на высотах менее 150 метров от земной или водной поверхности вне воздушного пространства над местами проведения публичных мероприятий, официальных спортивных соревнований, а также охранных мероприятий, проводимых в соответствии с Федеральным законом "О государственной охране"» [6].

Что касается разрешения на использование воздушного пространства, то в соответствии с пунктом 114 вышеуказанных правил «разрешение на использование воздушного пространства в классах А и С не требуется в случае... пресечения и раскрытия преступлений, а также оказания помощи при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера». Таким образом, руководителям органов внутренних дел при использовании БПЛА для выполнения оперативно-служебных задач по обеспечению охраны общественного порядка не требуется предварительного получения разрешения на использование воздушного пространства. Руководитель должен немедленно уведомлять центры Единой системы и органы противовоздушной обороны, а также принимать все необходимые меры для обеспечения безопасности полетов БПЛА [7, с. 38], в соответствии с Табелем сообщений о движении воздушных судов в Российской Федерации, утвержденным приказом Минтранса России от 24 января 2013 г. № 13 [8].

Отдельно хотелось бы остановиться на преимуществах использования БПЛА органами внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач. К ним можно отнести:

1. Мобильность комплексов БПЛА. В состав комплекса помимо беспилотного воздушного судна входят наземный пункт управления, комплект запасных частей и сменных и принадлежностей, а также комплект сменных целевых нагрузок. Как правило, данные комплексы имеют мобильную модификацию и незначительные габариты, что позволяет развернуть их в кратчайшее время, а портативные командные модули использовать в различных условиях обстановки (на автомобиле, на пункте управления, в полевых условиях и т. п.). Современные разработки позволяют переносить беспилотные авиационные комплексы воздушной разведки даже в полужестких рюкзаках. Для их применения не требуется оборудование какой-либо аэродромной инфраструктуры. Характерным преимуществом является минимальное время на подготовку к запуску аппарата и скрытность проведения таких манипуляций.

2. Возможность наблюдения за местами совершения преступлений (правонарушений) в реальном времени. Все БПЛА оснащены средствами фото- и видеофиксации высокого качества, что позволяет получать необходимое изображение в режиме online. Оборудование беспилотного судна позволяет ретранслировать радиосигналы для увеличения зон уверенного приема.

3. Возможность доставки и сброса малогабаритных грузов (как правило, массой до 3 кг) в зону проведения специальных мероприятий. Современные БПЛА оснащаются управляемым зацепом для прицельного сброса груза, что позволяет в условиях складывающейся обстановки организовать оперативную доставку средств связи и первой медицинской помощи, индивидуальных спасательных средств, различных маяков [9, с. 34].

4. Возможность послеполетного анализа и обработки полученной информации. Специальное программное обеспечение, входящее в состав наземного пункта управления комплекса, позволяет устанавливать значительное количество (до 250) точек маршрута полета аппарата с возможностью оперативного изменения различных параметров в каждой точке и осуществлять управление установленными целевыми нагрузками (фотофиксация, видеофиксация, параметры ТВ) с дальнейшим их сохранением и обработкой результатов работы БПЛА.

5. Использование минимального штата (внешний пилот, обслуживающий персонал) для запуска БПЛА, а также доступная возможность подготовки (переподготовки) персонала [10, с. 122].

6. Обеспечение безопасности сотрудников, принимающих участие в специальных мероприятиях, с учетом складывающейся наземной оперативной обстановки. Так, например, при розыске и задержании вооруженного преступника тактико-технические характеристики беспилотных воздушных судов позволяют получать необходимую для органа оперативно-управления информацию без угрозы обнаружения личного состава, входящего в состав различных функциональных групп. В то же время информация, полученная от оператора беспилотника, позволит поисковым группам двигаться по наиболее оптимальному и безопасному маршруту с указанием мест возможного укрытия вооруженного преступника. Кроме того, использование БПЛА, который оснащен камерой, работающей в ИК-режиме, и тепловым датчиком, позволит провести мероприятия по поиску и задержанию преступника более оперативно вне зависимости от времени суток.

При поиске людей, потерявшихся в лесу (в горах), применение БПЛА дает возможность оперативно получать информацию о возможном их местонахождении, прокладывать безопасные маршруты движения поисковых групп.

7. Возможность отсутствия у операторов (внешних пилотов), управляющих БПЛА, навыков управления пилотируемым воздушным судном. Работа оператора может осуществляться в двух режимах – автоматическом и полуавтоматическом. В первом случае оператор задает полетную программу на наземной станции управления, после чего беспилотное воздушное судно осуществляет полет по заданному маршруту различной конфигурации. Во втором случае оператор может изменять некоторые параметры полета судна (скорость, высота, направление) с помощью пульта ручного управления. Использование внешнего пилота позволяет не ограничивать перегрузки на БПЛА при выполнении полета, что также можно отнести к преимуществам использования БПЛА.

При эксплуатации БПЛА в условиях выполнения оперативно-служебных задач оператор (внешний пилот) должен выполнять следующие рекомендации:

– всегда при полете держать БПЛА под визуальным контролем;

- проводить обязательные мероприятия по проверке исправности БПЛА до начала полета;
- планировать территорию полета БПЛА заранее;
- использовать аппарат в строгом соответствии с инструкцией по эксплуатации;
- исключать полеты в районе аэродромов (вертодромов, посадочных площадок);
- помнить, что управление БПЛА осуществляет внешний пилот, который несет ответственность за обеспечение безопасности полетов при эксплуатации БПЛА [11].

8. Снижение физической нагрузки на личный состав органа внутренних дел, принимающий участие в специальных мероприятиях. Так, например, при проведении поисковых мероприятий в лесном массиве использование беспилотного летательного аппарата может заменить привлечение значительного количества сотрудников, входящих в состав оперативно-поисковых групп.

9. Использование БПЛА для осмотра места происшествия в целях выявления всех улик и их дальнейшей фиксации в ходе проведения расследования. Видеоматериалы на цифровом носителе могут быть приобщены к протоколу осмотра [12].

Стоит отметить, что применение БПЛА органами внутренних дел при выполнении различного рода оперативно-служебных задач вызывает и ряд проблемных вопросов. Как отмечают А. А. Кежов, Ю. А. Грачев, И. В. Степанов, применение современных беспилотных летающих комплексов – достаточно дорогостоящее мероприятие. Помимо высокой стоимости самого судна, необходимо учитывать еще и затраты на его ремонт и содержание [13].

Одной из проблем в настоящее время является необходимость применения органами внутренних дел таких летательных аппаратов, которые бы превосходили по тактико-техническим характеристикам БПЛА преступников и были способны проводить в воздухе различные манипуляции, направленные на прекращение их полета. Беспилотники могут использоваться преступниками для совершения террористического акта, транспортировки наркотических веществ, наблюдения за объектами повышенного внимания. В связи с этим одним из перспективных направлений использования БПЛА в деятельности органов полиции является оснащение специализированных БПЛА дополнительными целевыми нагрузками, которые позволят произвести захват беспилотного летательного аппарата, используемого в противоправных деяниях, с последующим установлением его принадлежности конкретному лицу. Показатели максимальной взлетной массы, крейсерской скорости, максимальной высоты полета беспилотного воздушного судна полиции должны быть выше, чем у преступных элементов.

Использование БПЛА с преобладающими характеристиками будет актуальным и при проведении публичных или массовых мероприятий, на которых органы внутренних дел обеспечивают охрану обще-

ственного порядка и общественной безопасности. В случае необходимости пресечения нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве (п. 5 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции») [3] и при одновременном запрете применения огнестрельного оружия при значительном скоплении граждан (ч. 6. ст. 23) целесообразно применение БПЛА со специальным снаряжением.

Следует отметить, что для решения оперативно-служебных задач органами внутренних дел, как правило, используются БПЛА вертолетного типа (с вращающимся крылом) – компактные квадрокоптеры или трикоптеры, характерной особенностью которых является возможность вертикального взлета и посадки аппарата. Подъемная сила создается за счет вращающихся лопастей несущих винтов, а преимущества их использования выражаются в возможности «зависания» в одной точке и высокой полетной маневренности.

Таким образом, применение БПЛА органами внутренних дел имеет свои особенности и является важным направлением деятельности при выполнении оперативно-служебных задач. Современные беспилотные воздушные суда имеют большой технический потенциал, позволяющий совершенствовать работу органов внутренних дел, как в части обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, так и в рамках проведения различного рода поисковых мероприятий. Достаточно актуальным и перспективным видится применение квадрокоптеров (трикоптеров) при проведении оперативно-розыскных мероприятий с целью получения оперативной информации (негласное документирование действий, наблюдение и контроль в труднодоступных местах и т. д.) о разрабатываемом лице с обязательной подготовкой соответствующего задания с указанием задачи применения БПЛА и соблюдением прав граждан в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Незаметность и малозаметность, возможность применения в условиях городской среды, оперативность развертывания – вот основные преимущества использования БПЛА с вращающимся крылом в деятельности оперативных подразделений.

В то же время крайне важно обеспечить подготовку компетентных специалистов, способных использовать современные российские беспилотные воздушные комплексы, не уступающие по техническим характеристикам западным аналогам, что позволит значительно повысить эффективность деятельности подразделений органов внутренних дел.

Список источников

1. Мартынюк С. Н., Косовский В. Б. Использование беспилотных летательных аппаратов в обеспечении безопасности дорожного движения // Теория и практика общественного развития. 2021. № 2 (156). С. 50–53.

2. Счастный А. С. Использование беспилотных летательных аппаратов при фиксации хода и результатов следственных действий: магистр. дис. Томск, 2019.

3. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 12 февраля 2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

4. Белино-Белинович Т. С. Беспилотные летательные аппараты в деятельности органов внутренних дел // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства России: сборник научных трудов по материалам Международ. науч.-практ. конф. (11 июня 2020 г.). Белгород: Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 55–57. URL: <https://apni.ru/article/893-bespilotnie-letatelnie-apparati-v-deyatelnosti> (дата обращения: 09.08.2022).

5. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 14 марта 2022 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383.

6. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 (ред. от 2 декабря 2020 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 9 июня 2021 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.08.2022).

7. Иванов Д. С. Применение правоохранительными органами беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений // Исследования молодых ученых: XIV Международ. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2020 г.) / под ред. И. Г. Ахметова и др. Казань: Молодой ученый, 2020.

8. Об утверждении Табеля сообщений о движении воздушных судов в Российской Федерации: приказ Министерства транспорта РФ от 24 января 2013 г. № 13 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2022).

9. Открытый обзор продукции российских производителей специальных средств и техники для обеспечения общественной безопасности: научно-технический информационный сборник. Москва : ФКУ НПО «СТИС» МВД России, 2020. Вып. 1 (5). 83 с.

10. Митюшин Д. А. Роль и место систем и комплексов с беспилотными летательными аппаратами в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 12. С. 123–127.

11. Памятка о правовом режиме эксплуатации беспилотного воздушного судна. URL: <http://kushva-online.ru/archive/news/3406> (дата обращения: 29.08.2022).

12. Косовский В. Б., Мартынюк С. Н. Актуальные вопросы практического применения беспилотной техники в органах внутренних дел Российской Феде-

рации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 25–29.

13. Кежов А. А., Грачев Ю. А., Степанов И. В. Организационно-правовое обеспечение беспилотных комплексов в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 40–43.

References

1. Martynyuk S. N., Kosovsky V. B. The use of unmanned aerial vehicles in ensuring road safety // Theory and practice of social development. 2021. No. 2 (156). pp. 50–53.

2. Schastny A. S. The use of unmanned aerial vehicles in fixing the course and results of investigative actions: Master. dis. Tomsk, 2019.

3. On the Police: Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ (as amended on February 12, 2015) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.

4. Belino-Belinovich T. S. Unmanned aerial vehicles in the activities of internal affairs bodies // Problems and prospects for the development of the scientific and technological space of Russia: a collection of scientific papers based on the materials of the International. scientific-practical. conf. (June 11th 2020). Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research (APNI), 2020, pp. 55–57. URL: <https://apni.ru/article/893-bespilotnie-letatelnie-apparati-v-deyatelnosti> (date of access: 08/09/2022).

5. Air Code of the Russian Federation dated March 19, 1997 No. 60-FZ (as amended on March 14, 2022; with amendments and additions, effective from September 1, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 12. Art. 1383.

6. On approval of the Federal rules for the use of the airspace of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of March 11, 2010 No. 138 (as amended on December 2, 2020; as amended and supplemented, entered into force on June 9, 2021). // ConsultantPlus: site. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 08/01/2022).

7. Ivanov D. S. The use of unmanned aerial vehicles by law enforcement agencies in the detection and investigation of crimes // Studies of Young Scientists: XIV International. scientific conf. (Kazan, November 2020) / ed. I. G. Akhmetova and others. Kazan: Young scientist, 2020.

8. On approval of the Table of reports on the movement of aircraft in the Russian Federation: order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated January 24, 2013 No. 13 (as amended and added) // ConsultantPlus: site. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 29.08.2022).

9. An open review of the products of Russian manufacturers of special means and equipment for ensuring public safety: scientific and technical information collection. Moscow: FKV NPO «STIS» of the

Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Issue. fifteen). 83 p.

10. Mityushin D. A. The role and place of systems and complexes with unmanned aerial vehicles in the activities of internal affairs bodies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 12. pp. 123–127.

11. Memo on the legal regime of operation of an unmanned aerial vehicle. URL: <http://kushva-online.ru/archive/news/3406> (date of access: 08/29/2022).

12. Kosovsky V. B., Martynyuk S. N. Topical issues of the practical application of unmanned vehicles in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Society: politics, economics, law. 2020. No. 3 (80). pp. 25–29.

13. Kezhov A. A., Grachev Yu. A., Stepanov I. V. Organizational and legal support of unmanned systems in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the St. these. 2016. No. 3 (71). pp. 40–43.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Сведения об авторах

Егошин Игорь Викторович – кандидат педагогических наук, доцент

Константинов Владимир Николаевич – кандидат педагогических наук

Information about the authors

Egoshin Igor V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Konstantinov Vladimir N. – Candidate of Pedagogical Sciences

Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Некоторые особенности оперативно-розыскного противодействия кражам и угонам автотранспорта

Хамидуллин Руслан Сибагатуллович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, khamidullin30@mvd.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы предупреждения и раскрытия краж и угонов автотранспорта, актуальные проблемы противодействия, а также перспективы их решения. Проанализирована оперативная обстановка на территории города Екатеринбурга в 2021 году, связанная с кражами и угонами автотранспорта. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в результате совершения противоправных действий, направленных на завладение автотранспортом. В качестве предмета исследования рассмотрены некоторые способы совершения таких преступлений и их раскрытия. Предложены меры по предупреждению таких преступлений в современных условиях.

Ключевые слова: кража автотранспорта, угон автотранспорта, раскрытие, расследование, преступление, взаимодействие, актуальные проблемы и способы их решения

Для цитирования: Хамидуллин Р. С. Некоторые особенности оперативно-розыскного противодействия кражам и угонам автотранспорта // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 105–110.

Original article

Some features of operational-investigative counteraction to theft and theft of vehicles

Khamidullin Ruslan S.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, khamidullin30@mvd.ru

Abstract. The article deals with the problematic issues of preventing and detecting theft and hijacking of motor vehicles, the actual problems of counteraction, as well as the prospects for their solution. The operational situation in the city of Yekaterinburg in 2021, associated with theft and theft of vehicles, was analyzed. The object of the study is social relations arising from the commission of illegal actions aimed at taking possession of vehicles. As a subject of research, some ways of committing such crimes and their disclosure are considered. Proposed measures to prevent such crimes in modern conditions.

Keywords: theft of vehicles, theft of vehicles, disclosure, investigation, crime, interaction, current problems and ways to solve them

For citation: Khamidullin R. S. Some features of operational-investigative counteraction to theft and theft of vehicles // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 105–110.

Серьезной проблемой в области предупреждения и раскрытия имущественных преступлений продолжают оставаться кражи и угоны автотранспорта. Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ГИАЦ МВД России) проводит ежеквартальный анализ состояния преступности. В период с января по апрель 2022 г. зарегистрировано 2383 хищения транспортных средств, что на 20,9 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года, из них раскрыто 1129, что на 17,7 % меньше, чем за аналогичный

период прошлого года. Таким образом, меньше половины хищений транспортных средств продолжают оставаться нераскрытыми. Ситуация с завладением транспортных средств без цели хищения (угоном) более позитивная, с января по апрель 2022 г. зарегистрировано 3712 из них раскрыто 3542 [1].

Прежде чем более подробно останавливаться на анализе сложностей, возникающих при раскрытии краж и угонов автотранспорта, необходимо рассмотреть некоторые теоретические вопросы. Завладе-

ние транспортным средством может быть квалифицировано по ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Кража», то есть тайное хищение чужого имущества. В зависимости от объекта преступного посягательства, то есть стоимости похищенного автотранспорта, преступление может квалифицироваться по ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная в крупном размере, в случае стоимости имущества, превышающей двести пятьдесят тысяч рублей) либо по ч. 4 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная в особо крупном размере, стоимость имущества превышает один миллион рублей). При тайных хищениях автотранспорта отечественного производства из хулиганских побуждений и при отсутствии какой-либо спланированности действий преступления могут квалифицироваться по ч. 2 ст. 158 УК РФ, то есть с причинением значительного ущерба собственнику, в случае если стоимость автотранспорта невелика. Но довольно часто данные преступления носят хорошо спланированный и продуманный характер, совершаются с применением современных технических средств. Целью злоумышленников в этом случае является получение материальной выгоды после распоряжения похищенным автотранспортом. В свою очередь, согласно ст. 166 УК РФ угон есть неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения. То есть, в отличие от кражи автотранспорта, где целью является реализация похищенного и получение материальной выгоды, при угоне данной цели в умысле злоумышленника нет [2].

Анализ результатов опросов оперативных сотрудников, задействованных в раскрытии и расследовании краж и угонов транспортных средств на территории города Екатеринбурга, показал, что такие преступления совершаются в основном в период времени с 22 часов 45 минут до 7 часов 40 минут. Наиболее распространёнными марками и моделями, к которым злоумышленники проявляют преступный интерес с целью хищения с последующим сбытом, являются: «Hyundai Solaris», «Kia Rio», «Toyota Camry», «Hyundaiix 35», «Mazda 3 и Mazda 6», «Mercedes E221» «Kia Sportage», «Nissan Qashqai», «Mazda CX-5», «Toyota RAV 4», «Mitsubishi Pajero», «Honda Crosstour», «Nissan X-Trail», «Nissan Teana». В ходе проведенного анализа установлено, что наиболее угоняемыми автотранспортными средствами отечественного производства являются автомобили марки «ВАЗ», а среди транспортных средств иностранного производства – автомобили среднего класса, стоимостью до 1 000 000 рублей, марки «Toyota», «Hyundai», «Mazda». В основном хищения происходят с неохранных дворовых парковок автомобилей, оборудованных сигнализациями с обратной связью марок «Starline», «Scher-khan», а также штатной сигнализацией. Стоит отметить, что наблюдается значительный рост краж автомобилей марки «Hyundai Solaris», оборудованных только штатной сигнализацией, которые в основном похищают в ночное время. В отличие от угонов, кражи совершаются с целью разбора на комплектующие либо про-

дажи за пределы Российской Федерации, а именно на территорию Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Белоруссии¹.

Результаты опросов также показали, что в настоящий момент как на уровне территориальных органов МВД России, так и на уровне субъектов РФ практически не ведется глубокая оперативно-розыскная и разведывательная работа в криминальной среде, особенно среди лиц, представляющих интерес в связи с совершением рассматриваемых преступлений. Такая ситуация и может являться причиной низкой раскрываемости краж.

Кроме того, основными недостатками в организации раскрытия данной категории преступлений продолжает оставаться низкий уровень взаимодействия между службами, а также отсутствие должного контроля со стороны руководства территориального отдела при раскрытии преступлений по горячим следам. На низком уровне проводятся мероприятия при обнаружении похищенного автотранспорта, не изымаются следы преступлений, не устанавливаются свидетели, возможные очевидцы. Можно отметить слабые оперативные позиции сотрудников оперативных подразделений в местах возможного отстоя похищенного автотранспорта, а также среди лиц, имеющих отношение к нелегальному автобизнесу. Не в полной мере используются возможности сети «Интернет» при розыске похищенного автотранспорта [3].

Важность организации взаимодействия между подразделениями правоохранительных и иных государственных органов, в том числе между следственными и оперативными, отмечается во множестве исследований учёных-криминалистов, таких как: А. Г. Лекарь, Н. Г. Шурухнов, С. И. Герасимов, В. В. Клочков, М. С. Строгович, С. Г. Ерёмин, И. М. Комаров, В. В. Меркурьев, Ю. П. Гармаев, А. С. Князьков, О. П. Грибунов и др.

В своем исследовании мы солидарны с позицией О. П. Грибунова в том, что наиболее значимым для раскрытия краж и угонов транспортных средств является взаимодействие следователя с органом дознания, осуществляющим оперативное сопровождение процесса расследования. Особенное значение такое взаимодействие принимает на первоначальном этапе расследования и стадии возбуждения уголовного дела. Кроме органа дознания, следствию также необходимо обмениваться информацией и согласовывать свою работу с такими подразделениями правоохранительных органов, как ГИБДД, ППС, ФСИН, с Национальным центральным бюро Интерпола и т.д. [4].

Данные ГИАЦ МВД России показывают, что из года в год процент раскрываемости таких преступлений остается невысоким. С целью изменения данного положения вещей и «перелома» ситуации необходимы конкретные действия сотрудников МВД России, как

¹ Проведен опрос 50 оперуполномоченных проходивших повышение квалификации или переподготовку в Уральском юридическом институте МВД России в 2021 году.

рядовых, так и начальствующих, направленные на принятие новых положений и регламентов действий сотрудников при поступлении сообщений (заявлений) о кражах и угонах автотранспорта. Необходим ежедневный анализ совершенных преступлений, а также ужесточение уголовной ответственности с возмещением материального и морального вреда потерпевшим и другие меры.

До конца 2022 года МВД России планирует запустить аппаратно-программный комплекс «Паутина» на территории всей страны, в настоящее время комплекс работает не во всех регионах. «Паутина» предназначена для отслеживания транспортных потоков по камерам с целью фиксации нарушений правил дорожного движения, раскрытия преступлений, связанных с угоном автомобилей и поиском автовладельцев, скрывшихся с мест ДТП. Использование искусственного интеллекта в совокупности с «Паутиной» может серьезно повысить раскрываемость краж и угонов автотранспортных средств. «Умные» видеокамеры позволяют идентифицировать не только транспортное средство, но и личность человека, который может оказаться потенциальным преступником или человеком, склонным к терроризму. В московских системах наблюдения применяются нейросети от компании NtechLab [5], которые идентифицируют лицо человека, сравнивая его внешность с фотографиями из базы данных [6]. Так, данные технологии показывают высокую эффективность в противодействии преступности.

Во многих городах, в том числе и в Екатеринбурге, аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», объединяющий огромное количество камер в единую сеть, является действенным средством предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, связанных с кражами и угонами автотранспортных средств, поскольку в их базах данных сотрудники оперативных подразделений ОВД могут получать информацию, представляющую оперативный интерес (изображения автотранспортных средств, их государственные знаки, маршрут движения и информацию о лицах, совершающих противоправные действия, связанные с кражами и угонами автотранспортных средств [6].

Не прекращающаяся оперативных сотрудников не прекращается работа по профилактике и проведению мероприятий по пресечению данных преступлений. Обсуждаются проблемные вопросы взаимодействия с организациями, осуществляющими страхование, продажу, выкуп, утилизацию автотранспорта, совершенствуются информационно-поисковые базы данных [7].

Таким образом, можно обозначить комплекс мер, направленных на профилактику и пресечение данных преступлений, к которым предлагаем отнести:

- совершенствование информационно-поисковых баз данных;
- дополнение и ужесточение процедуры оформления, переоформления автотранспорта для кон-

кретных категорий граждан и в отношении конкретных марок автомобилей (исходя из оперативной обстановки региона);

- принятие изменений УК РФ, ужесточающих наказание за тайные хищения чужого имущества, а именно по составам с квалифицирующими признаками;
- доведение до населения информации о статистических данных совершенных преступлений, о методах по их профилактике и предупреждения;
- обучение и переподготовка сотрудников полиции по алгоритмам действий в ситуациях неочевидности совершения краж и угонов автотранспорта;
- разработка методических рекомендаций по выявлению и раскрытию таких преступлений;
- активное взаимодействие с гражданами, имеющими отношение к автобизнесу, с целью получения информации, представляющей оперативный интерес.

Проведенный анализ оперативно-розыскной и следственно-судебной практики показал, что распространенными способами хищений автотранспорта, применяемыми злоумышленниками, являются:

1. Разбитие стекла и последующее проникновение в салон автомобиля. Данный способ эффективен при отсутствии сторонних систем сигнализаций, расположение автомобиля на неохранных и слабо освещенных площадках. Злоумышленник разбивает стекло автомобиля, проникает в салон, далее путем «сверта» (специально подготовленного инструмента из высокопрочного металла) сворачивает личинку замка зажигания в направлении запуска двигателя, запускает автомобиль и уезжает в заранее подготовленное место для его сокрытия.

2. Считывание кода открытия (закрытия) сигнализации путем специального перехватывающего сигнала устройства – «код-граббер». В данном случае злоумышленник дожидается потенциальную жертву около места парковки, при введении собственником автомобиля сигнализации в режим охраны злоумышленник «перехватывает» сигнал и в последующем, воспроизводит его, находясь около автомобиля, после чего проникает в автомобиль. Запуск двигателя при отсутствии каких-либо иных охранных систем осуществляется проворотом замка зажигания либо заменой блока управления двигателем («мозгов») на заранее подготовленный.

3. Механический взлом и проникновение. «Сворачивание» личинки замка двери и проникновение в салон автомобиля. Взлом замка зажигания и замыкание цепи для запуска двигателя.

4. «Удлинение» сигнала штатного ключа автомобиля при помощи специального оборудования (Петранслятора). Данный способ применяется к автомобилям престижного и премиального класса, к примеру «Toyota Land Cruiser 200», «Lexus LX 570», «Lexus NX 300», «Range Rover», «Infinity», оснащенным в основном кнопкой пуска/остановки двигателя и имеющим функцию бесконтактного открытия/закрытия, постановки/снятия на сигнализацию. Злоумышленники дожидаются потенциальную жертву на месте совер-

шения преступления, после чего один из злоумышленников следует за собственником автомобиля до места его пребывания, включив заранее передающий («удлиняющий» сигнал) ретранслятор. Другой злоумышленник также с принимающим ретранслятором подходит к автомобилю и запрашивает штатный ключ у сообщника. Автомобиль «видит» присутствие штатного ключа около автомобиля и снимает защиту, после чего злоумышленник проникает в салон, нажатием кнопки пуска двигателя запускает автомобиль и уезжает.

Также хищение автомобилей возможно и без применения специальных устройств, речь идет о таких способах, как: погрузка автомобиля на манипулятор, эвакуатор злоумышленниками и транспортировка его в заранее определенное место, физическое перемещение автомобиля путем толкания [8].

В современных условиях оперативно-розыскное противодействие преступным элементам по линии краж и угонов автотранспорта уступает в масштабах совершения таких преступлений. Поэтому необходимо принятие конкретных мер в данном направлении. На основе вышеизложенного следует выделить основные проблемы противодействия в сфере предупреждения и раскрытия краж и угонов автотранспорта на территории Российской Федерации:

1. Низкий уровень подготовки сотрудников полиции, непосредственно занимающихся раскрытием преступлений «по горячим следам», слабое знание и отсутствие практических навыков получения оперативной значимой информации.

2. Поверхностный ведомственный контроль на местах за ходом проведения первоначальных следственных и оперативно-розыскных мероприятий, отсутствие должного административного ресурса, нежелание выезжать на места совершения преступлений ответственных от руководства территориальных отделов полиции и вышестоящих руководителей. Бессистемность ведения дел оперативного учета, допущение волокиты при документировании оперативно-розыскной деятельности.

3. Безответственное поведение автовладельцев по отношению к своей собственности. Экономия на средствах и способах защиты автомобиля от краж и угонов, нежелание выполнять элементарные правила личной безопасности и безопасности транспортного средства.

4. Отсутствие преемственности и института наставничества в значительной части территориальных подразделений МВД России, «текучка» кадров и, как следствие, неспособность противостоять злоумышленникам как в информационной сфере, так и в сфере межличностного общения.

5. Слабые оперативные позиции сотрудников полиции в среде лиц, причастных к нелегальному автобизнесу, перекупу автотранспорта, переделке идентификационных номеров и подделке документов, невладение оперативной обстановкой (незнание мест возможного сбыта, каналов перевозки похищен-

ных автомобилей через границу Российской Федерации).

6. Недостаточное взаимодействие между подразделениями полиции и другими правоохранительными органами в борьбе с кражами и угонами автотранспорта, неиспользование ресурсов международного сотрудничества посредством ОНЦБ Интерпола, практически полное отсутствие передачи и обмена информацией.

7. Несоразмерность наказания. Достаточно «мягкая» уголовная ответственность за совершение данных преступлений. Так, задержанные лица, совершившие преступление впервые и несудимые, совершившие 10 и более эпизодов краж автотранспорта, сотрудничающие со следствием и причинившие потерпевшим ущерб на сумму более 1 000 000 рублей, зачастую избегают реального лишения свободы и продолжают заниматься преступной деятельностью.

8. Слияние части правоохранительных органов с преступным элементом с целью получения материальной выгоды и злоупотребления служебными полномочиями, сокрытия совершенных преступлений и деталей произошедшего.

9. Доступность к покупке специальных технических средств по облегчению завладения транспортными средствами, краж и угонов автотранспорта, достаточно невысокая стоимость и удобность их применения.

10. Информационное и материальное «отставание» правоохранительных органов от стремительного развития современных технологий, используемых злоумышленниками при совершении преступлений и сокрытии следов их совершения. Использование устаревших инструментов и средств обнаружения, фиксации следов преступлений.

Вышеназванные проблемы предупреждения и раскрытия краж и угонов автотранспорта в современной системе МВД России необходимо решать в довольно короткие сроки для эффективной защиты собственности населения в условиях экономического и политического кризиса, способствующего росту хищений.

Стоит отметить, что в подразделениях органов внутренних дел оперативно-розыскное противодействие кражам и угонам автотранспорта осуществляется на различных уровнях. В некоторых территориальных отделах полиции имеются целые отделения по борьбе с кражами и угонами автотранспорта, специализирующиеся на конкретном направлении, занимающиеся оперативными разработками и раскрытием преступлений, накоплением информации, что позволяет эффективнее противодействовать данному виду преступности. В других отделах полиции за данным направлением закреплен 1 или 2 сотрудника, физически не справляющихся с возложенными на них задачами по профилактике и раскрытию преступлений. Большое количество регистрируемых краж и угонов транспортных средств создает нагрузку на сотрудников, успевающих только оформлять и анализи-

ровать полученную информацию. О своевременном противодействии злоумышленникам в данном случае говорить не приходится. Существуют также отделы полиции, где априори нет сотрудника, закрепленного за данной линией, и при поступлении сообщений (заявлений) о кражах и угонах автотранспорта, привлекаются сотрудники, не задействованные в других мероприятиях. В подобной ситуации даже накопление информации невозможно, ввиду несогласованности действий сотрудников и отсутствия конкретного плана.

Исходя из всего вышеизложенного можно прийти к выводу, что у оперативных подразделений МВД России существуют возможные положительные тенденции развития в направлении организации эффективного противодействия преступлениям посредством решения указанных задач и проблем. Использование новых и совершенствование старых способов и методов борьбы с преступлениями по линии краж и угонов автотранспорта повысят раскрываемость преступлений данной сферы. С этой целью предлагаем ряд «шагов» по совершенствованию оперативно-розыскного противодействия кражам и угонам автотранспорта:

1. Комплексное совершенствование знаний и навыков сотрудников полиции, задействованных в предупреждении, выявлении, раскрытии и расследовании краж и угонов транспортных средств.

2. Организация непрерывного и оперативного обмена информацией по защищенным каналам связи, позволяющей раскрывать преступления «по горячим следам».

3. Систематическая профилактическая работа с автовладельцами через подразделения ГИБДД о применении мер сохранности автотранспортных средств, осложняющих процесс их хищения или угона.

4. Улучшение условий труда среди действующих сотрудников полиции, усиление агитационной кампании по приему в ряды сотрудников ОВД, повышение престижа.

5. Создание и укрепление оперативных позиций сотрудников уголовного розыска в местах концентрации криминогенного контингента, ведение оперативной работы по местам сбыта похищенных автомобилей, выявление лиц, способных по своим качествам и умениям осуществлять помощь оперативным подразделениям на возмездной и безвозмездной основе по предоставлению информации, проведение плановых и внеплановых проверок мест возможного сбыта похищенных автомобилей (металлоприемки, автоцентры, сервисные центры, автомагазины запчастей).

6. Создание общих планов по взаимодействию между различными службами и подразделениями ОВД (ДПС, ППС, ОУП, ПДН, ОНЦБ Интерпола, ГУ МВД, УМВД), проведение совместных рейдов и операций. В данном направлении деятельности особую роль должна играть вышеупомянутая интегрированная информационно-поисковая база данных о кра-

жах и угонах автотранспорта, объединяющая различные подразделения и аккумулирующая всю поступающую информацию.

7. В отношении действующей модели системы правосудия необходима ее модернизация с обновлением сути назначения наказания и их общественной опасности, внесение поправок в нынешний Уголовный кодекс Российской Федерации в плане ужесточения ответственности за совершение общеопасных деяний, посягающих на право граждан на личную собственность, автотранспорт.

8. Совершенствование рычагов воздействия и элементов влияния на будущих сотрудников полиции, ныне действующих сотрудников полиции, а также повышение престижа службы в ОВД, что, в свою очередь, должно «перекрыть» желание уполномоченных лиц попустительствовать совершению противоправных действий злоумышленников, усиление роли управлений и отделов собственной безопасности в деятельности полиции, осуществление реальной борьбы с «оборотнями в погонах».

9. Корректировка действующего законодательства в области покупки и продажи специального оборудования, используемого злоумышленниками для краж и угонов транспортных средств, ужесточение, а в дальнейшем и полное искоренение фактов продажи данного оборудования частным лицам. Если рассматривать этот пункт объективно, то в настоящее время любой желающий может спокойно приобрести специальный прибор, помогающий совершить кражу автотранспорта, несложный в эксплуатации и недорогой в ценовом сегменте. В связи с этим необходимо перекрытие подобного информационного потока предложений о покупках оборудования, ужесточение ответственности за их продажу и покупку вплоть до реального лишения свободы.

10. В плане «отставания» правоохранительных органов от методов и средств злоумышленников в кражах и угонах автотранспорта следует начать наведение и систематизацию полученного ранее опыта, которым изобилуют территориальные органы на местах. Необходима лишь систематизация и грамотное руководство, чтобы «обернуть» данную информацию в оболочку, проанализировать ее и стремиться к большему, но ни в коем случае «не топтаться» на месте, как в нынешних реалиях поступает большинство оперативных подразделений, занимаясь лишь регистрацией и накоплением материала, а оперативной разработкой преступных групп и лиц, совершающих кражи и угоны автотранспорта.

Таким образом, кражи и неправомерное завладение автотранспортом в настоящее время занимают особое место в блоке имущественных преступлений. С целью предупреждения и раскрытия данного вида преступлений необходима плановая работа по совершенствованию и обновлению алгоритма действий сотрудников полиции в целом – от территориальных отделов полиции до Главного управления уголовного розыска МВД России. Своевременно при-

нятые меры позволят противостоять преступному элементу как в информационном, так и в прикладном плане. Указанный вид преступлений отличается сложностью в сборе и накоплении доказательственной базы, поэтому для успешного раскрытия и доведения уголовного дела до судебного разбирательства необходимо тесное взаимодействие следственных подразделений и подразделений уголовного розыска, проведение оперативных разработок и грамотно подобранных следственных действий. Без решения комплекса проблем, возникших перед рассматриваемым видом имущественных преступлений, не достичь общих целей в борьбе с преступностью. Поэтому первоочередным элементом должно выступить право сотрудников полиции на социальное обеспечение, достойная заработная плата, престиж данной профессии и стабильность в обществе. Без этих составляющих любые сдвиги в данном направлении невозможны и априори обречены на провал.

Список источников

1. Состояние преступности январь – апрель 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.mvd.rf>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. – URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Горбунов А. Н., Калюжный К. Ю. Проблемы предупреждения и раскрытия краж и угонов автотранспортных средств и пути их решения // Общество и право. 2014. № 1 (47). С. 164–167.
4. Грибунов О. П. Взаимодействие следователя с органами и должностными лицами при раскрытии и расследовании краж автотранспортных средств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (11). С. 24–29.
5. Общественная безопасность: сайт. URL: <https://clck.ru/geqYm> (дата обращения: 27.05.2022).
6. Единую систему контроля за движением машин запустят к концу года по всей РФ // Российская газета: сайт. URL: <https://rg.ru/2021/07/18/reg-cfo/edinuiu-sistemu-kontrolia-za-dvizheniem-mashin-zapustiat-k-koncu-goda-po-vsej-rf.html>.
7. Фарахiev Д. М., Бобылев А. В. Оперативные подразделения органов внутренних дел в процессе раскрытия и расследования краж и угонов автотранспортных средств: состояние деятельности // ModernScience. 2022. № 4-2. С. 228–230.

References

1. The state of crime in January - April 2022 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: website. URL: <http://www.mvd.rf>.
2. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // ConsultantPlus: site. – URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Gorbunov A. N., Kalyuzhny K. Yu. Problems of prevention and disclosure of thefts and hijackings of

motor vehicles and ways to solve them // Society and Law. 2014. No. 1 (47). pp. 164–167.

4. Gribunov O. P. Interaction of the investigator with authorities and officials in the detection and investigation of thefts of vehicles // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2019. No. 3 (11). pp. 24–29.

5. Public safety: site. URL: <https://clck.ru/geqYm> (date of access: 05/27/2022).

6. A unified system for monitoring the movement of vehicles will be launched by the end of the year throughout the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta: site. URL: <https://rg.ru/2021/07/18/reg-cfo/edinuiu-sistemu-kontrolia-za-dvizheniem-mashin-zapustiat-k-koncu-goda-po-vsej-rf.html>.

7. Farakhiev D. M., Bobylev A. V. Operational subdivisions of internal affairs bodies in the process of detection and investigation of thefts and hijackings of vehicles: the state of the activity // ModernScience. 2022. No. 4-2. pp. 228–230.

Информация об авторе

Хамидуллин Руслан Сибгатуллович – кандидат юридических наук

Information about the author

Khamidullin Ruslan S. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья

УДК 343.97

Понятие преступлений, совершаемых в период проведения публичных массовых мероприятий

Джамбулатов Гамзат Курбанович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dzhambulatov1981@bk.ru

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка обоснования необходимости криминологического исследования преступлений, совершаемых в период проведения публичных массовых мероприятий (включая несогласованные протестные акции). На основе анализа сложившейся судебной практики и имеющейся литературы предлагается рамочное определение понятия «преступления, совершаемые в период проведения публичных массовых мероприятий». Выдвинуто предложение об унификации указанной группы преступлений путем введения в научный оборот единого понятия «эвентуальные преступления», которое охватывает все преступления, совершаемые в период и на месте проведения публичных массовых мероприятий, в том числе в дни празднования общегосударственных и религиозных праздников, а также во время агитационных публичных мероприятий, связанных с избирательными кампаниями.

Ключевые слова: публичные массовые мероприятия, протестная акция, массовые беспорядки, преступления, совершаемые в период проведения публичных массовых мероприятий, демонстративно-протестные преступления, эвентуальные преступления

Для цитирования: Джамбулатов Г. К. Понятие преступлений, совершаемых в период проведения публичных массовых мероприятий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 111–117.

Original article

The concept of a crimes committed during the period of public mass events

Dzhambulatov Gamzat K.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, dzhambulatov1981@bk.ru

Abstract. This article attempts to substantiate the need for criminological research of crimes committed during public mass events (including uncoordinated protest actions). Based on the analysis of the current judicial practice and the available literature, a framework definition of the concept of «crimes committed during public mass events» is proposed. A proposal has been put forward to unify this group of crimes by introducing into scientific circulation a single concept of «eventual crimes», which covers all crimes committed during and at the venue of public mass events, including during the celebration of national and religious holidays, as well as during campaigning public events related to election campaigns.

Keywords: public mass events, protest action, mass riots, crimes committed during the period of public mass events, demonstrative-protest crimes, eventual crimes

For citation: Dzhambulatov G. K. The concept of a crimes committed during the period of public mass events // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 111–117.

В связи с нарастающей напряженностью по периметру государственной границы Российской Федерации, вызванной резонансными внутриполитическими событиями в стране, инспирированием «цветных революций» под предлогом экспорта демократии и передовых политико-правовых технологий, в российском обществе заметно возросла активность радикально настроенной части населения и несистемной оппозиции, что выразилось в проведении согласованных и несогласованных публичных массовых мероприятий (включая протестные акции).

События в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Хабаровске, а также в других городах и субъектах России, произошедшие во время многотысячных публичных массовых мероприятий в 2010–2021 годах, ярко продемонстрировали масштабы криминальной и антигосударственной направленности постоянных участников протестных акций.

Скандирующие и бесчинствующие толпы «протестных» хулиганов, забрасывание сотрудников правопорядка и военнослужащих кусками асфальта, дымовыми шашками, бутылками с зажигательной смесью, распыление в них слезоточивых газов из газовых баллончиков, нанесение ударов руками, ногами, флажками и другими предметами по различным частям тела сотрудников полиции, срыв и уничтожение средств связи и защитного снаряжения сотрудников правопорядка, акты вандализма, повреждения имущества, перекрытия проезжих частей автомобильных дорог, разбитые стекла зданий во время публичных массовых мероприятий становятся распространенными «спутниками» публичных массовых мероприятий и протестных акций.

Участники как согласованных, так и несогласованных публичных массовых мероприятий и протестных акций совершают преступления и иные правонарушения в составе агрессивной толпы, на что обоснованно обращает внимание профессор Ю. М. Антонян [1, с. 111].

И. С. Ильин, исследуя теоретические основы криминологического анализа протестных движений, приходит к выводу о том, что «в научной литературе предпринимаются активные попытки осмысления данного феномена... Целостное осмысление "протестных движений" с точки зрения криминологии и права в науке до сегодняшнего дня не представлено» [2, с. 176].

Таким образом, несмотря на имеющие место факты совершения агрессивной толпой различных резонансных преступлений в период проведения публичных массовых мероприятий, общегосударственных и религиозных праздников, избирательных кампаний и т. д., данные преступления не становились предметом самостоятельного криминологического исследования.

Следовательно, представляется актуальной и своевременной выработка понятия «преступления, совершаемые в период проведения публичных массовых мероприятий».

В современной научной литературе применительно к методологическим проблемам криминологического исследования феномена протестных акций традиционно выделяют два подхода. Суть первого подхода заключается в движении «от преступности – к социальным процессам и явлениям», поскольку «криминология по природе своей не предназначена для исследования самих по себе явлений и процессов, даже если они самым непосредственным образом влияют на криминогенную ситуацию» [3, с. 12–13].

Суть второго подхода, разделяемого представителями Невско-Волжской криминологической школы преступных подсистем, заключается в рассмотрении всей преступности в качестве «свойства общества порождать преступления» и в подразделении всей преступности общества на преступность его подсистем [4, с. 98].

В научной литературе применительно к рассматриваемой проблеме и криминологическим аспектам протестных отношений отдельными авторами предлагается выделить третий подход, суть которого заключается в рассмотрении указанных подходов в синтезе. Так, И. С. Ильин, придерживаясь третьего подхода, отмечает, что «требуется вначале осмыслить феномен протестных движений на основе достижений политологической, социологической и девиантологической науки ...затем выявить и проанализировать собственно преступные деяния и иные общественно опасные формы поведения, которые специфическим образом проявляют себя в процессе этих движений...» [2, с. 176].

Не умаляя научную значимость первых двух подходов, полагаем, что следует рассматривать третий подход как наиболее правильный.

Прежде чем перейти к критериям определения понятия «преступления, совершаемые в период проведения публичных массовых мероприятий», приведем позиции исследователей, частично затрагивающих обозначенную научную проблему с разных ракурсов.

А. Г. Бачурин, анализируя административно-правовые аспекты проблемы подготовки и проведения массовых и публичных мероприятий, отмечал: «Закономерно, что значительные скопления людей вызывают возрастание угроз нарушений правопорядка. Высока и вероятность террористических актов, так как места с массовым нахождением людей традиционно являются объектами террористических атак» [5, с. 3].

Д. Ю. Гончаров, рассматривая причины и условия, способствующие совершению террористических преступлений во время массовых мероприятий, пишет: «...Не все массовые мероприятия достигали своих законных целей, а напротив, превращались в массовые протестные акции, становясь удобной площадкой для ее использования деструктивными силами в преступных целях» [6, с. 23].

Э. Р. Омаров и О. В. Трофимов отмечают, что «негативную роль в эволюции протестных акций играют

организации и группировки экстремистской направленности. Они выступают инициаторами подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности в ходе протестных акций» [7, с. 62–63].

С. У. Кудашкин пишет, что «нередко массовое проявление недовольства выходит за рамки мирных протестов и перерастает в нарушения закона, квалифицируемые не только как административные правонарушения, но и как преступления» [8, с. 3].

Н. Э. Мартыненко и Э. В. Мартыненко, исследуя уголовно-правовые аспекты преступлений, совершаемых во время несанкционированных публичных мероприятий, заключают, что «наиболее часто на несанкционированных публичных мероприятиях совершаются преступления, предусмотренные ст. 212 УК РФ» [9, с. 74].

Таким образом, указанными исследователями подтверждаются факты совершения протестующими различных преступлений во время публичных массовых мероприятий, в том числе во время протестных акций, но, однако, среди них нет единой позиции относительно вопроса об отнесении рассматриваемых преступлений к конкретному виду преступности в криминологии, что объясняется отсутствием соответствующей позиции в статистических отчетах. Очевидно, преступления, совершаемые в период проведения публичных массовых мероприятий, освещаются фрагментарно как в официальных, так и неофициальных источниках. И. С. Ильин, говоря об официальных источниках криминологического исследования рассматриваемых преступлений, отмечает: «...Они акцентированно фокусируют свое внимание на противоправном характере действий участников массовых публичных акций и уже в силу этого не дают всегда полной и объективной информации обо всех имевших место во время этой акции инцидентах» [10, с. 24]. Так, по официальным данным МВД России, по фактам преступлений, совершенных при проведении несанкционированных акций в январе-феврале 2021 года, возбуждено 90 уголовных дел [11]. Согласно официальной информации Следственного комитета России, следователями СКР по фактам противоправных действий в связи с проведением несанкционированных акций 23 января 2021 года в разных регионах страны (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Владивосток и т. д.) возбуждено 21 уголовное дело, а также по 6 фактам нападения на сотрудников правоохранительных органов, хулиганства и повреждения имущества проводятся доследственные проверки [12]. Указанные официальные источники, пусть не в полной мере, позволяют сформировать более или менее адекватный перечень преступлений, совершаемых в период проведения публичных массовых мероприятий.

Рассматривая неофициальные источники в рамках криминологической инфографики рассматриваемых преступлений, И. С. Ильин отмечает: «В них, напротив, акцент сделан на информации о неправомерности действий полицейских и представителей иных право-

охранительных органов, в то время как поведение протестующих либо не оценивается вовсе, либо представлено в весьма претенциозном свете» [10, с. 24]. Пренебрегать неофициальными источниками нельзя, иногда с их помощью можно выявить и исследовать латентные преступления, совершаемые как активными участниками несогласованных публичных массовых мероприятий, так и сотрудниками правопорядка, несущими службу по охране общественного порядка во время их проведения.

В криминологическом исследовании допустимы и могут использоваться в совокупности официальные и неофициальные источники информации при условии соответствия обоих видов источников критериям объективности, достоверности и непротиворечивости.

Для того чтобы выделить преступления, совершаемые в период проведения публичных массовых мероприятий, в самостоятельную группу преступлений, необходимо установить критерии, характерные именно для указанной группы, но отличные от других групп преступлений.

В литературе среди ученых нет единого подхода или критерия, позволяющего отнести конкретное преступление к преступлениям, совершаемым в период проведения публичных массовых мероприятий. Так, К. Г. Вдовиченко к преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий относит преступления, предусмотренные ст. 149, 212 и 212.1 УК РФ [13]. А. В. Зорин преступления, предусмотренные ст. 212, 212.1, 278 и 279 УК РФ, относит к «бунтовским преступлениям» [14, с. 56]. По сути, одни и те же составы (ст. 212, 212.1 УК РФ) разными авторами отнесены к различным видам преступности.

Все преступления, совершаемые во время и после проведения публичных массовых мероприятий и протестных акций, И. С. Ильин предлагает объединить в самостоятельный вид преступности – «демонстративно-протестная преступность», описывая характерные для них особенности [15, с. 78].

Согласиться в полной мере с И. С. Ильиным нельзя. Для того чтобы выделить вид преступности – «демонстративно-протестная преступность», необходимо сформулировать ее понятие с четкими криминологическими критериями, что позволит классифицировать данные преступления и конкретизировать специальные меры предупреждения указанных преступлений.

Традиционно преступления принято выделять с учетом сходства характера и степени общественной опасности, мотивов и целей преступных действий, способов достижения преступной цели, специфических особенностей субъекта преступления и потерпевшего, наступивших последствий и т. д.

Важным информативным критерием, позволяющим выделить указанные преступления в самостоятельную группу преступлений, можно назвать взаимосвязь совершаемых преступлений с проводимыми публичными массовыми мероприятиями (включая

протестные акции). В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении 21-летнего студента 2 курса МГУ Мархиева М. М. Так, 23 января 2021 г. Мархиев М. М., участвовавший в несанкционированном мероприятии в центре Москвы, вблизи Пушкинской площади, нанес двум сотрудникам ОМОНа, а также сотруднику полиции несколько ударов руками и ногами по различным частям тела. Тверским районным судом города Москвы Мархиев М. М. признан виновным в совершении трех эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима [16].

Циничность хулиганских выходов и экстремистских проявлений активных участников несогласованных протестных акций заключается не только в разнообразии их форм, но и в том, что административные правонарушения зачастую становятся отправным моментом для совершения более тяжких преступлений. Участие граждан в несогласованных протестных акциях подпадает под административное правонарушение (ст. 20.2 КоАП РФ). Однако молодые хулиганы во время протестных акций, имея в руках оружие и различные предметы, используемые в качестве оружия, не просто провоцируют сотрудников правоохранительных органов, но и грубо и цинично попирают охраняемые уголовным законодательством России общественные отношения в сфере порядка управления. Следовательно, анализируемые преступления представляют опасность для неопределенного круга лиц (потерпевших), для их здоровья, жизни, чести, достоинства, а также имущества, которое может быть повреждено, уничтожено либо осквернено.

Безусловно, для данных преступлений конструктивным признаком является направленность на отношения в сфере общественного порядка и общественной безопасности. При этом в качестве дополнительных объектов преступных действий протестных хулиганов могут выступать и отношения в сфере охраны здоровья, жизни, собственности и т. д. В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении Игумнова В. С.

Так, Игумнов В. С. зажег фаер на Пушкинской площади в центре Москвы и бросил его в сторону полицейских в ходе несогласованной акции 23 января 2021 г. Тверским районным судом города Москвы Игумнов В. С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 213 УК РФ [17].

В рассматриваемой нами разновидности преступлений наглядно проявляется и способ их совершения, носящий, как правило, насильственный и групповой характер. Данная разновидность преступлений оказывает негативное психологическое воздействие на умы и сознание законопослушных граждан, вызывая у них обострение чувства страха, неуверенности в завтрашнем дне, а также подрывает деловую репутацию органов правопорядка на глазах общественно-

сти. Это вызвано тем, что зачастую противоправные действия протестных хулиганов сопровождаются применением насилия, возможно с прямым умыслом, к иным участникам протестных акций и представителям власти. Для наглядности приведем пример из судебной практики.

Так, Коньков А. А. и Кудрин К. С., находясь 23.01.2021 в период времени с 14 часов 00 минут по 15 часов 13 минут на участке местности около здания Свердловского государственного академического театра драмы, расположенного по адресу: Октябрьская площадь, 2, умышленно, действуя группой лиц по предварительному сговору, выражая несогласие с законными действиями сотрудников ОМОН Управления Росгвардии по Свердловской области по охране общественного порядка, достоверно зная и осознавая, что перед ними находятся представители власти, являющиеся сотрудниками Росгвардии при исполнении своих должностных обязанностей, из мести за законные действия сотрудников Росгвардии Иванова И. И. и Петрова П. П., в целях воспрепятствования законным действиям сотрудников Росгвардии, заранее приискали пиротехническую гранату РГД-5 и гранату дымовую РДГ-Б. Имея умысел на применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, в отношении представителей власти, Кудрин К. С. привел в действие, а Коньков А. А. бросил в сотрудников ОМОН УФСВНГ России по Свердловской области гранату дымовую РДГ-Б, после чего Кудрин К. С. бросил в сотрудников ОМОН УФСВНГ России по Свердловской области гранату пиротехническую РГД-5. В результате приведения в действия Коньковым А. А. и Кудриным К. С. дымовой гранаты РДГ-Б у сотрудников Росгвардии Иванова И. И. и Петрова П. П. начали слезиться глаза, от чего последние испытали физическую боль, а также было повреждено форменное обмундирование Петрова П. П.

Указанные действия совершены Коньковым А. А. и Кудриным К. С. в отношении Иванова И. И. и Петрова П. П. в связи с исполнением последними своих должностных обязанностей по пресечению правонарушений. Суд постановил признать Конькова А. А. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, и назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 10 месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении. Судом Кудрин К. С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ; ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 8 месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении [18]. Изучение материалов указанного дела позволяет заключить, что вышеуказанные действия Кудриным К. С. и Коньковым А. А. были совершены с прямым умыслом, путем циничного применения группой лиц насилия в отношении представителей власти. Признание ими своей вины в ходе предварительного расследования и во время судебного рассмотрения уголовного дела не означает их истинное раскаяние.

К следующему критерию выделения указанных преступлений в самостоятельную группу следует отнести мотивы совершения указанных преступлений.

В научной литературе отдельными исследователями все преступления, совершаемые в ходе протестных акций, отнесены к преступлениям экстремистской направленности, а также ими выделяются политические, социальные и криминальные мотивации, которые определяют деятельность их участников [7, с. 65, 66]. Согласиться с данными авторами в полной мере нельзя, ибо не каждое преступление во время проведения публичных массовых мероприятий (включая протестные акции) совершается с экстремистскими мотивами, а для некоторых преступлений мотив преступления на квалификацию вовсе не влияет.

Как показала практика, в период подготовки и во время проведения протестных акций могут совершаться некоторые преступления экстремистской направленности. Так, по версии следствия, в период с 23 по 26 января 2021 г., 27-летний житель Новосибирска в социальной сети «ВКонтакте» опубликовал на открытой для общего публичного доступа странице видеозапись, обращенную к неограниченному кругу лиц, содержащую призывы к массовым беспорядкам, сопровождающимся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителям власти – сотрудникам полиции – во время несанкционированной акции протеста в Новосибирске 31 января 2021 г.

Кроме того, сотрудниками УФСБ России по Новосибирской области в отношении фигуранта возбуждено и расследуется уголовное дело по ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет») [19].

Очевидно, что общими критериями преступлений, совершаемых в период проведения публичных массовых мероприятий, являются: взаимосвязь совершаемых преступлений с проводимыми публичными массовыми мероприятиями (включая протестные акции), место, обстановка, период совершения, мотивы, насильственный характер совершаемых преступлений и умышленная форма вины.

Следует подчеркнуть, что во время и на месте проведения публичных массовых мероприятий могут совершаться кражи имущества из одежды, ручной клади, причинение легкого вреда здоровью во время драки между лицами, находящимися в состоянии опьянения, убийства и т. д. Для того что отнести указанные преступления к группе рассматриваемых преступлений, недостаточно наличия одного или двух критериев, обозначенных выше как характерных для указанной группы преступлений. В качестве основа-

ния для отнесения указанных и иных преступлений к группе преступлений, совершаемых в период проведения публичных массовых мероприятий, предлагаем рассматривать наличие, причем одновременно и в совокупности, всех перечисленных выше общих критериев рассматриваемых преступлений.

С учетом названных критериев, предлагаем следующее определение. Под преступлениями, совершаемыми в период проведения публичных массовых мероприятий, следует понимать посягающие на общественный порядок, общественную безопасность, порядок управления и иные охраняемые уголовным законом объекты умышленные преступления, связанные с участием в публичных массовых мероприятиях (включая протестные акции), совершаемые в период и на месте их проведения из хулиганских, политических, экстремистских и иных мотивов.

Таким образом, к преступлениям, совершаемым в период проведения публичных массовых мероприятий, с учетом сложившейся судебной и следственной практики, можно отнести преступления, посягающие на интересы, охраняемые статьями 205, 206, 212, 212.1, 213, 214, 267, 277, 280, 282, 285, 286, 317, 318 и 319 УК РФ.

В целях систематизации и унификации наименования преступлений, совершаемых при проведении массовых мероприятий, предлагаем ввести в научный оборот единое понятие, которое охватывает все указанные преступления.

Исходя из английского термина «event» (что означает мероприятие, событие, праздник), представляется целесообразным предложить унифицированное этимологически удачное понятие «эвентуальные преступления». Соответственно, совокупность всех преступлений, совершаемых в период проведения публичных массовых мероприятий, как в дни проведения общегосударственных и религиозных праздников, так и в обычные дни (включая преступления, совершаемые в период проведения публичных массовых мероприятий, связанных с избирательными кампаниями), предлагаем объединить в группу «эвентуальные преступления».

Список источников

1. Антонян Ю. М. Агрессивная толпа // Научный портал МВД России. 2012. № 4. С. 111–120.
2. Ильин И. С. Теоретические основы криминологического анализа протестных движений (актуальность и отдельные вопросы криминологического изучения) // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международ. науч.-практ. конф. (24 сентября 2021 г.) / редкол.: А. Л. Осипенко, К. В. Вишневецкий, В. С. Соловьев и др. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2021. 424 с.
3. Бабаев М. М. Предмет и пределы криминологии: категории науки и феномены практики // Криминологический журнал. 2004. № 1 (6).
4. Шестаков Д. А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные за-

коны и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2006.

5. Бачурин А. Г. Полиция в административно-правовом механизме обеспечения правопорядка в период подготовки и проведения массовых и публичных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. 247 с.

6. Гончаров Д. Ю. Причины и условия, способствующие совершению террористических преступлений в период проведения массовых мероприятий // Виктимология. 2022. Т. 9. № 1.

7. Омаров Э. Р., Трофимов Ю. В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые в ходе протестных акций // Академическая мысль. 2019. № 1 (6). С. 62–68.

8. Кудашкин С. К. Групповое хулиганство и массовые беспорядки: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 270 с.

9. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Уголовно-правовая оценка преступлений, совершаемых во время проведения несанкционированных публичных мероприятий // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. № 4 (44). С. 72–79.

10. Ильин И. С. Методология криминографии демонстративно-протестной преступности (источники информации, период наблюдения, определение территории для анализа, программа исследования) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 4. С. 21–28.

11. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/ofitsialnaya-infogormatsiya> (дата обращения: 18.05.2022).

12. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1533817> (дата обращения: 18.04.2022).

13. Вдовиченко К. Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 240 с.

14. Зорин А. В. Политическая преступность: криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 227 с.

15. Ильин И. С. Демонстративно-протестная преступность: пределы криминологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 78–83.

16. Уголовное дело № 01-0246/2021. Архив Тверского районного суда города Москвы.

17. Уголовное дело № 01-0295/2021. Архив Тверского районного суда города Москвы.

18. Уголовное дело № 1-354/2021. Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга.

19. URL: <https://nsk.sledcom.ru/news/item/1535306> (дата обращения: 18.04.2022).

References

1. Antonyan Y. M. Aggressiv crowd // The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 4. Pp. 111–120.

2. Ilyin I. S. Theoretical foundations of criminological analysis of protest movements (relevance and individual issues of criminological study). Criminal policy and culture of combating crime: materials of the International Scientific and Practical Conference, September 24, 2021 / editorial board: A. L. Osipenko, K. V. Vishnevetsky, V. S. Soloviev, etc. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 424 p.

3. Babaev M. M. The subject and limits of criminology: categories of science and phenomena of practice // Criminological Journal. 2004. № 1 (6).

4. Shestakov D. A. Criminology: new approaches to crime and criminality: Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world. Textbook. 2nd ed., reprint. St. Petersburg: Law Center Press, 2006.

5. Bachurin A. G. Police in the administrative and legal mechanism of law enforcement during the preparation and holding of mass and public events: dis. ... cand. jurid. sciences'. St. Petersburg, 2019. 247 p.

6. Goncharov D. Yu. Causes and conditions conducive to the commission of terrorist crimes during mass events // Victimology. 2022. Vol. 9. № 1.

7. Omarov E. R., Trofimov Y. V. Extremist crimes committed during protest actions // Academic thought. 2019. № 1 (6). Pp. 62–68.

8. Kudashkin S. K. Group hooliganism and mass riots: criminal-legal characteristics and qualification problems: dis. ... cand. of Legal Sciences. M., 2020. 270 p.

9. Martynenko N. E., Martynenko E. V. Criminal-legal assessment of crimes committed during unauthorized public events // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2019. № 4 (44). Pp. 72–79.

10. Ilyin I. S. Methodology of criminography of demonstrative-protest crime (sources of information, observation period, determination of the territory for analysis, research program) // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2021. № 4. Pp. 21–28.

11. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/ofitsialnaya-infogormatsiya> (accessed: 18.05.2022).

12. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1533817> (accessed: 18.04.2022).

13. Vdovichenko K. G. Criminal law counteraction to crimes in the sphere of organization and holding of public mass events: dis. ... cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2015. 240 p.

14. Zorin A. V. Political crime: criminological analysis: dis. ... cand. jurid. sciences'. St. Petersburg, 2018. 227 p.

15. Ilyin I. S. Demonstrative-protest crime: limits of criminological analysis // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (92). Pp. 78–83.

16. Criminal Case No. № 01-0246/2021. Archive of the Tverskoy district court of Moscow.

17. Criminal Case No. № 01-0295/2021.. Archive of the Tverskoy district court of Moscow.

18. Criminal Case No. 1-354/2021. Archive of the Verkh-Isetsky district court of Yekaterinburg.

19. URL: <https://nsk.sledcom.ru/news/item/1535306> (accessed: 18.04.2022).

Статья поступила в редакцию 24.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 24.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья

УДК 343.132

Особенности замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России и пути его совершенствования

Курилов Сергей Иванович

Академия управления МВД России, Москва, Россия, skurilov78@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России. Автором предлагаются пути совершенствования замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России посредством внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: следственные подразделения системы МВД, замещение руководящих должностей, квалификационные требования

Для цитирования: Курилов С. И. Особенности замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России и пути его совершенствования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 118–124.

Original article

Features of the replacement of senior positions in the investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and ways to improve it

Kurilov Sergey I.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, skurilov78@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of the replacement of senior positions in the investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author suggests ways to improve the replacement of senior positions in the investigative units of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia by amending the legislation.

Keywords: investigative units of the Ministry of Internal Affairs system, replacement of senior positions, qualification requirements

For citation: Kurilov S. I. Features of the replacement of senior positions in the investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and ways to improve it // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 118–124.

Постоянный недостаток сил и средств для выполнения поставленных задач, а также недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников подразделений органов внутренних дел заставляют всерьез задуматься о качественно новом подходе и к кадровому обеспечению органов предварительного следствия (далее – ОПС) в системе МВД России. В настоящее время официальный некомплект личного состава в вышеуказанных подразделениях составляет 11,1 %, кроме того, эта статистика крайне неравномерна по территории России. Так, например, в органах предварительного следствия Северо-Кавказского

федерального округа эта цифра составляет примерно 3 %, в то время как в других регионах (Дальневосточный федеральный округ) 20% и более, что в общем отрицательно влияет на результаты служебной деятельности [9]. В этой связи требуется разработка комплексных мер по подготовке руководителей для подчиненных подразделений. При этом необходимо формировать систему, которая могла бы не только отвечать текущим потребностям, но и обеспечивать восполнение образующихся вакансий. Ввиду

© Курилов С. И., 2022

вышеуказанных обстоятельств на первый план выходит вопрос о квалификационных требованиях, необходимых для замещения должностей в подразделениях, непосредственно занимающихся вопросами предварительного следствия.

Как известно, кадровое обеспечение органов расследования преступлений является составной частью ресурсного обеспечения деятельности указанных органов, обладает интегративными характеристиками, образующимися вследствие многокомпонентного состава самих органов расследования преступлений и существующих между ними различий. Встроенность системы кадрового обеспечения в систему ресурсного обеспечения определяется, прежде всего, тем, что трудовые ресурсы являются частью ресурсов органов предварительного расследования. Таким образом, следует отметить, что именно системный подход к кадровому обеспечению органов предварительного расследования в первую очередь определяет специфику и отличие социальных систем (в статической или динамической формах) от иных системных образований в окружающем мире.

В качестве трудовых ресурсов предлагается рассматривать определенную численность трудоспособного населения страны, отвечающего предъявляемым квалификационным требованиям и располагающего совокупностью физических и духовных способностей, необходимых и достаточных для выполнения своих обязанностей при расследовании преступлений или выполнении иных служебных задач, непосредственно связанных с процессуальной деятельностью. Будучи принятыми в установленном порядке на федеральную государственную службу и зачисленными в штат (реестр) соответствующего федерального органа исполнительной власти, сотрудникам которого уголовно-процессуальным законом предоставлено право осуществлять предварительное расследование, граждане Российской Федерации и образуют кадры органов предварительного расследования.

Таким образом, применение системного подхода к кадровому обеспечению органов предварительного расследования позволяет не только определить его место в системе ресурсного обеспечения их деятельности, но и раскрыть составные элементы данного вида деятельности, показать взаимосвязи между ними, определить интегративные качества, отличающие его от иных видов обеспечительной деятельности функционирования органов расследования преступлений, показать взаимосвязи между ними и иными элементами функциональной системы указанных органов, рассмотреть основные исторические этапы развития кадрового обеспечения органов расследования преступлений.

Исходя из смысла системного подхода, элементный состав содержания кадрового обеспечения ОПС образуют следующие действия:

1) отбор кандидатов для замещения вакантной штатной должности в следственном подразделении;

2) изучение кандидатов для замещения вакантной штатной должности в следственном подразделении;

3) прием на службу в следственное подразделение;

4) расстановка, воспитание и обучение личного состава указанного подразделения;

5) осуществление наставничества, реализация программ работы с резервом и планирование служебной карьеры сотрудников;

6) подготовка резерва, проверка и назначение кандидатов на вышестоящие вакантные должности органов предварительного расследования.

Каждая группа действий имеет свое специфическое внутреннее содержание и может быть представлена в виде последовательно реализуемой совокупности операций, подчиненных единой цели. Целевая направленность и сущностное содержание каждого направления определяют характер и последовательность действий по организации кадрового обеспечения ОПС.

Особого внимания, как уже нами было указано выше, заслуживает вопрос замещения вакантных руководящих должностей и формирования резерва кадров в ОПС, что представляет собой последовательно реализуемую совокупность специальных действий по отбору, изучению и проверке кандидатов, проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение руководящих должностей, оценке результатов, полученных из различных источников информации, и принятию решения о приеме на службу (переводу по службе), или отказе в приеме на службу.

В связи с этим, помимо динамичных элементов, характеризующих кадровое обеспечение ОПС как процесс, как разновидность деятельности (направления, стадии, этапы), выделяют и статичные элементы: цель, задачи, принципы, субъектов кадрового обеспечения, методы и средства его осуществления, формы организационного обеспечения работы с кадрами, правовую основу, нормативы численности, квалификационные требования к кандидатам и к лицам, уже проходящим федеральную государственную службу или состоящим в трудовых отношениях с ОПС, а также категории персонала этих органов.

Статичные и динамичные элементы кадрового обеспечения объединяются между собой различными видами связей в механизм, приводящий всю систему кадрового обеспечения в действие, сопряженное с различными внутренними и внешними факторами функционирования ОПС.

В связи с этим определяющее значение для системы кадрового обеспечения ОПС, чьи потребности в кадрах удовлетворяются в процессе функционирования рассматриваемой системы, имеет правовая и организационная основы кадрового обеспечения.

Правовая основа кадрового обеспечения ОПС – это совокупность правовых норм, регулирующих управленческие общественные отношения, возникающие в результате реализации субъектами управле-

ния [1, с. 61–62] органами расследования преступлений и иными лицами, оказывающими им помощь в реализации кадровой политики и предоставленных им властных полномочий.

Правовая основа кадрового обеспечения ОПС является по своему составу комплексным правовым образованием, представленным правовыми нормами различных отраслей права. Прежде всего это определяется категориями персонала следственных подразделений.

Стоит отметить, что одной из особенностей является то, что можно выделить общие и специальные правовые основы, регламентирующие вопросы о замещении руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России.

К общим правовым основам относятся те, которые устанавливают общеобязательные правила для организации деятельности всех структурных подразделений и органов различных уровней системы МВД России, например:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ [10].

2. Федеральные законы России: № 58-ФЗ от 27.05.2003 [3], № 3-ФЗ от 07.02.2011 [4], № 247 от 19.2011 [7], № 342-ФЗ от 30.11.2011 [5], № 273-ФЗ от 29.12.2012 [8], № 172-ФЗ от 28.06.2014 [6].

3. Указы Президента России: № 1422 от 23.11.1998 [11], № 248 от 01.03.2011 [12], № 1377 от 14.10.2012 [13], № 1575 от 22.11.2012 [14], № 699 от 21.12.2016 [15], № 16 от 16.01.2017 [16].

4. Постановления правительства России: № 1259 от 06.12.2012 [17], № 565 от 04.07.2013 [18], № 1642 от 26.12.2017 [19].

5. Приказы МВД России: № 333 от 30.04.2011 [20], № 370 от 14.06.2018 [30], № 355 от 5.06.2017 [24], № 275 от 5.05.2018 [26], № 5 от 12.01.2021 [27].

К специальным правовым основам, учитывающим особенности кадрового обеспечения ОПС, исходя из его функционального назначения в сфере уголовного судопроизводства, можно отнести приказы МВД России: № 780 от 01.07.2011 [21], № 1 от 09.01.2018 [25], № 50 от 01.02.2018 [28], № 54 от 27.08.2021 [29].

Однако, исходя из вышеперечисленной правовой основы, к лицам, претендующим на замещение должностей руководящего состава ОПС территориального органа МВД России, предъявляются квалификационные требования (далее – КТ), только общего характера, как и ко всем сотрудникам МВД России (стаж службы, стаж по специальности, требования к профессиональным знаниям и навыкам). Попытка выделить законодателем специальные КТ наблюдается только в некоторых внутриведомственных нормативных правовых актах (наличие высшего юридического образования), которые в большей части своей носят общий характер для всех органов расследования преступлений. Специальные КТ, содержащие профессиональные и личностные характеристики к кандидатам, претендующим на замещение руководящих должностей в следственных подразделениях

системы МВД России, не находят своего отражения в необходимых НПА. Указанная проблемы свидетельствуют о необходимости законодательного закрепления специальных КТ, содержащих профессиональные и личностные характеристики к должностным лицам, претендующим на замещение руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России. В этой связи предлагается законодательно закрепить специальные квалификационные требования, внося дополнение в Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее – Указ) в виде приложения, изложив его название в следующей редакции: «Квалификационные требования к знаниям правовых основ деятельности, профессиональным знаниям, умениям, навыкам и личностным качествам для сотрудников (кандидатов), претендующих на замещение должности среднего и старшего начальствующего состава в органах предварительного следствия системы МВД России».

Организационную основу кадрового обеспечения ОПС составляют процесс и результат упорядочения всех элементов системы кадрового обеспечения, создающих условия для бесперебойного функционирования ее механизма. Упорядоченность системы кадрового обеспечения достигается посредством формирования, оформления и реализации соответствующими субъектами управляющих воздействий в отношении объектов, выполняющих функции, составляющие содержание кадрового обеспечения ОПС.

Организация кадрового обеспечения как процесс представляет собой осуществление субъектами управления и уполномоченными ими должностными лицами (подразделениями) действий по упорядочению реализации в определенной последовательности мероприятий, составляющих содержание кадровой работы в ОПС, в соответствии с нормативными требованиями, потребностями практических органов и их целевыми установками.

Организация кадрового обеспечения как результат – это отлаженный механизм постоянного взаимодействия между собой в процессе осуществления кадровой работы субъектов управления, уполномоченных ими должностных лиц и подразделений, практических органов и органов, выполняющих иные обеспечительные функции (образовательных, медицинских и иных учреждений).

Однако стоит отметить, что особенностью замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России является также то, что организация кадрового обеспечения ОПС возложена на отдельные специально уполномоченные субъекты на федеральном и региональном уровнях.

Так, в органах предварительного следствия в системе МВД России центрального аппарата в структуре Следственного департамента МВД России функционирует отдел кадров и государственной службы,

положение о котором утверждено приказом Следственного департамента МВД России № 54-2021 [29]. Данное подразделение осуществляет в рамках предоставленных полномочий эффективное кадровое обеспечение Следственного департамента МВД России и ОПС системы МВД России.

На региональном уровне также имеются свои кадровые подразделения ОПС, выполняющие задачи, связанные с организацией их кадрового обеспечения. На районном уровне кадровые подразделения ОПС отсутствуют.

Таким образом, особенностями замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России является следующие:

1. Применение системно-элементного подхода к анализу кадрового обеспечения ОПС позволяет выделить в его составе статичные и динамичные элементы, которые посредством различного вида связей образуют механизм системы кадрового обеспечения. Взаимосвязи между данными элементами различного функционального назначения в рассматриваемой системе вынуждают руководителей ОПС и лиц, оказывающих им помощь в реализации кадровой политики, определять и учитывать возможные последствия своих управленческих решений по реформированию всей системы кадрового обеспечения следственных подразделений системы МВД России.

2. Правовая основа замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России – это совокупность правовых норм, регулирующих управленческие общественные отношения, возникающие в результате реализации субъектами управления ОПС и иными лицами [1, с. 61–62], оказывающими им помощь в реализации кадровой политики и предоставленных им властных полномочий.

3. Правовую основу, регламентирующую замещение руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России, можно разделить на общую и специальную. Ввиду чего правовая основа замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России обладает двойственным характером и включает в себя две группы нормативных правовых актов, которые и формируют в совокупности эту основу.

Первую группу нормативных правовых актов составляют те, которые устанавливают общеобязательные правила для организации деятельности всех структурных подразделений и органов различных уровней системы МВД России.

Вторую группу составляют те, которые учитывают особенности кадрового обеспечения ОПС исходя из его функционального назначения в сфере уголовного судопроизводства.

4. Организационная основа замещения руководящих должностей в следственных подразделениях системы МВД России – это процесс и результат упорядочения всех элементов системы кадрового обеспечения, создающих условия для бесперебойного

функционирования ее механизма. Упорядоченность системы кадрового обеспечения достигается посредством формирования, оформления и реализации ответственными субъектами управляющих воздействий в отношении объектов, выполняющих функции, составляющие содержание кадрового обеспечения ОПС.

Организационная основа как процесс представляет собой осуществление субъектами управления и уполномоченными ими должностными лицами (подразделениями) действий по упорядочению реализации в определенной последовательности мероприятий, составляющих содержание кадровой работы в ОПС, в соответствии с нормативными требованиями, потребностями практических органов и их целевыми установками.

Организация кадрового обеспечения как результат – это отлаженный механизм постоянного взаимодействия между собой в процессе осуществления кадровой работы субъектов управления, уполномоченных ими должностных лиц и подразделений, практических органов и органов, выполняющих иные обеспечительные функции (образовательных, медицинских и иных учреждений).

5. Законодательное закрепление специальных квалификационных требований в Указе в виде приложения существенно повысит качество отбора кадров при назначении кандидатов для замещения руководящих должностей в следственные подразделения системы МВД России. Предложенные пути и рекомендации совершенствования законодательства в данном аспекте будут способствовать эффективной работе аттестационных комиссий, создадут возможности для мобильности кадров и расширят перспективы должностного роста непосредственно сотрудников следственных подразделений системы МВД России.

Список источников

1. Валов С. В. Организация деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 61–62.
2. Ефремова Е. А., Можаяева И. П. Квалификационные требования к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96). С. 124–136.
3. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 12.05.2022).
4. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федераль-

ный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49. Ст. 7020.

6. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 12.05.2022).

7. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30. Ст. 4595.

8. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 12.05.2022).

9. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2021 год // Сборник аналитических и информационных материалов. М.: ДГСК МВД России, 2020

10. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3.

11. Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422 «О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 20.05.2022).

12. Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 10. Ст. 1334.

13. Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 43. Ст. 5808.

14. Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. № 1575 «Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 48. Ст. 6668.

15. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 52. Ст. 7614.

16. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 16 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной

государственной гражданской службы» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 20.05.2022).

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 (ред. от 06.03.2015) «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50 (Ч. 6). Ст. 7075.

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 (ред. от 01.06.2020) «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3831.

19. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 20.05.2022).

20. Приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России» (в ред. приказа МВД России от 17 марта 2021 г. № 132) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 24.05.2022).

21. Приказ МВД России от 1 июля 2011 г. № 780 «Об утверждении Положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 24.05.2022).

22. Приказ МВД России от 16 июня 2011 г. № 680 «Об утверждении Положения о Главном управлении на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 24.05.2022).

23. Приказ МВД России от 28 июня 2016 г. № 343 «Вопросы Управления по организации дознания Министерства внутренних дел Российской Федерации» (в ред. приказа МВД России от 14 февраля 2020 г. № 67) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 24.05.2022).

24. Приказ МВД России от 5 июня 2017 г. № 355 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне» (в ред. приказа МВД России от 30 июня 2020 г. № 469) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 24.05.2022).

25. Приказ МВД России от 09 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» // СПС СТРАС «Юрист» (дата обращения: 24.05.2022).

26. Приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 24.05.2022).

27. Приказ МВД России от 12 января 2021 г. № 5 «Об утверждении Порядка Формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской

Федерации, его территориальных органов и подразделений» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 24.05.2022).

28. Приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС СТРАС «Юрист» (дата обращения: 24.05.2022).

29. Приказ Следственного департамента МВД России от 27 августа 2021 г. № 54 «Об утверждении положений о структурных подразделениях Следственного департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Следственного департамента. URL: <http://10.7.1.206/> (дата обращения: 24.05.2022).

30. Приказ МВД России от 14 июня 2018 г. № 370 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности военно-врачебных комиссий в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС СТРАС «Юрист» (дата обращения: 12.05.2022).

31. Петелин Б. Я. Организация расследования преступлений как вид социального управления // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 66–72.

32. Чувилов А. А. Организация расследования преступлений: курс лекций. М., 1977. Вып. 1. Лекции 2–4; Вып. 2. Лекции 6–9.

References

1. Valov S. V. Organization of activities of internal affairs bodies for the investigation of crimes: a course of lectures. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014, pp. 61–62.

2. Efremova E. A., Mozhaeva I. P. Qualification requirements for employees replacing (applying for) the positions of heads of preliminary investigation bodies // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (96). pp. 124–136.

3. On the public service system of the Russian Federation: Federal Law of May 27, 2003 No. 58-FZ // SPS Consultant Plus (date of access: 05/12/2022).

4. On the Police: Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ (as amended and supplemented) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.

5. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of November 30, 2011 No. 342-FZ (as amended and supplemented) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 49. Art. 7020.

6. On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ (as amended and supplemented) // SPS Consultant Plus (date of access: 05/12/2022).

7. On social guarantees for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 19, 2011 No. 247-FZ (as amended and

supplemented) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 30. Art. 4595.

8. On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ (as amended and supplemented) // SPS Consultant Plus (date of access: 12.05.2022).

9. Information on the state of work with the personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2021 // Collection of analytical and information materials. M.: DGSK MIA of Russia, 2020

10. Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended and supplemented) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 3.

11. Decree of the President of the Russian Federation of November 23, 1998 No. 1422 “On measures to improve the organization of preliminary investigation in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation” (as amended and supplemented) // SPS Consultant Plus (date of access: 05/20/2022).

12. Decree of the President of the Russian Federation of March 1, 2011 No. 248 “Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 10. Art. 1334.

13. Decree of the President of the Russian Federation of October 14, 2012 No. 1377 “On the Disciplinary Charter of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 43. Art. 5808.

14. Decree of the President of the Russian Federation dated November 22, 2012 No. 1575 “Issues of service by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 48. Art. 6668.

15. Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 “On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the constituent entity of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 52. Art. 7614.

16. Decree of the President of the Russian Federation of January 16, 2017 No. 16 “On qualification requirements for the length of service in the state civil service or work experience in a specialty, area of training, which is necessary to fill positions in the federal state civil service” // SPS Consultant Plus (date of access: May 20, 2022).

17. Decree of the Government of the Russian Federation of December 6, 2012 No. 1259 (as amended on March 6, 2015) “On approval of the Rules for professional psychological selection for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 50 (Part 6). Art. 7075.

18. Decree of the Government of the Russian Federation of July 4, 2013 No. 565 (as amended on 06/01/2020) “On approval of the Regulations on military

medical expertise" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 28. Art. 3831.

19. Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 1642 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Development of Education" (as amended and supplemented) // SPS Consultant Plus (date of access: 05/20/2022).

20. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 30, 2011 No. 333 "On some organizational issues and structural organization of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (as amended by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 17, 2021 No. 132) // ATP Consultant Plus (date of access : 24.05.2022).

21. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated July 1, 2011 No. 780 "On approval of the Regulations on the Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" (as amended and supplemented) // SPS Consultant Plus (date of access: 24.05.2022).

22. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 16, 2011 No. 680 "On approval of the Regulations on the Main Directorate for Transport of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" // ATP Consultant Plus (date of access: 24.05.2022).

23. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 28, 2016 No. 343 "Issues of the Office for the Organization of Inquiry of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" (as amended by the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 14, 2020 No. 67) // SPS Consultant Plus (date of access: May 24, 2022).

24. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 5, 2017 No. 355 "On approval of the Model Regulations on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level" (as amended by Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 30, 2020 No. 469) // SPS Consultant Plus (date of access: 05/24/2022).

25. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 09, 2018 No. 1 "On the bodies of preliminary investigation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia" // SPS STRAS "Jurist" (date of access: 24.05.2022).

26. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 5, 2018 No. 275 "On approval of the Procedure for organizing personnel training for filling positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus (date of access: 05/24/2022).

27. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 12, 2021 No. 5 "On approval of the Procedure for the formation of personnel reserves of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, its territorial bodies and divisions" // SPS Consultant Plus (date of access: 05/24/2022).

28. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 1, 2018 No. 50 "On approval of the Procedure for organizing service in the internal affairs

bodies of the Russian Federation" // SPS STRAS "Lawyer" (date of access: 05/24/2022).

29. Order of the Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 27, 2021 No. 54 "On approval of the regulations on structural divisions of the Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" [Electronic resource] // Website of the Investigation Department. URL: <http://10.7.1.206/> (date of access: 24.05.2022).

30. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 14, 2018 No. 370 "On approval of the Instructions for organizing the activities of military medical commissions in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" // SPS STRAS "Lawyer" (date of access: 12.05.2022).

31. Petelin B. Ya. Organization of the investigation of crimes as a type of social management // Sociological research. 1991. No. 4. S. 66–72.

32. Chuvilev A. A. Organization of the investigation of crimes: a course of lectures. M., 1977. Issue. 1. Lectures 2–4; Issue. 2. Lectures 6–9.

Информация об авторе

Курилов Сергей Иванович – кандидат юридических наук

Information about the author

Kurilov Sergey I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 29.06.2022; одобрена после рецензирования 08.07.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 08.07.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Институт околоточных надзирателей в структуре полицейской системы городов Российской империи во второй половине XIX века

Михеева Светлана Николаевна¹, Скипский Георгий Александрович²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹ blacktopaz@mail.ru

² skipsky.georgy@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются процессы становления службы околоточных надзирателей в городах Российской империи в период после отмены крепостного права. Авторы изучили вопросы, связанные с формированием новой нормативно-правовой базы, структуры органов управления, проблемы комплектования, организации службы, взаимоотношения полицейских чиновников с населением в исследуемый исторический период. Особое внимание уделено особенностям организации службы околоточных надзирателей в различных городах Российской империи.

Ключевые слова: околоточные надзиратели, околоток, пристав, управа благочиния, полицейский участок

Для цитирования: Михеева С. Н., Скипский Г. А. Институт околоточных надзирателей в структуре полицейской системы городов Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 125–131.

Original article

The institute of district wardens in the structure of the police system of the cities of the Russian empire in the second half of the XIX century

Mikheeva Svetlana N.¹, Skipskiy Georgiy A.²

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

¹ blacktopaz@mail.ru

² skipsky.georgy@yandex.ru

Abstract. The article examines the processes of the formation of the service of prison guards in the cities of the Russian Empire in the period after the abolition of serfdom. The authors studied the issues related to the formation of a new regulatory framework, the structure of government bodies, the problems of recruitment, the organization of the service, the relationship of police officials with the population in the historical period under study. The authors paid special attention to the peculiarities of the organization of the service of prison guards in various cities of the Russian Empire.

Keywords: neighborhood wardens, neighborhood, bailiff, deanery council, police station

For citation: Mikheeva S. N., Skipskiy G. A. The institute of district wardens in the structure of the police system of the cities of the Russian empire in the second half of the XIX century // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 125–131.

Появление института околоточных надзирателей в структуре полицейского управления городов стало закономерным следствием преобразований социального, экономического, политического характера,

которые осуществляло Правительство Российской империи во второй половине XIX века.

Основная часть преобразований в системе органов правопорядка была связана с подготовкой крестьянской реформы. Освобождение крестьян от административно-полицейской и судебной власти помещиков требовало проведения в жизнь целого комплекса мероприятий, направленных на организацию их быта в масштабах всей центральной части империи. В этой связи одной из ближайших задач по реформированию правоохранительной системы стала реорганизация уездных полицейских органов таким образом, чтобы освободившиеся крестьяне оказались в непосредственном ведении полиции. Для проведения в жизнь полицейской реформы предполагалось выделить порядка 1,5 миллионов рублей серебром.

После введения «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губернии» от 25 декабря 1862 г. в центрально-европейской части Российской империи начали создаваться единые уездные полицейские управления: было образовано 458 уездных полицейских управлений в 44 губерниях и введено 1224 станковых управления [1, с. 94].

Однако в ряде губернских и крупных уездных центров, которые не затронула реформа 1862 г., продолжали действовать самостоятельные городские управления полиции. Вместе с тем и здесь, по замыслу реформаторов, штат городской полиции должен был быть изменен исходя из численности населения, обширности города, а также местных особенностей.

Таким образом, после принятия «Временных правил» для непосредственной охраны общественного порядка на местах образовывались новые полицейские органы и учреждались новые должности. Губернские центры стали делиться на отдельные полицейские участки, вверенные особым участковым приставам; участки, в свою очередь, делились на 2–3 околотка, при этом в каждом околотке на службе состояли два околоточных надзирателя [2, с. 139].

Порядок назначения, подчинения, круг полномочий околоточных надзирателей и иные особенности организации их службы определялись Инструкцией, изданной в 1867 г. Положения инструкции определяли основы правового статуса околоточного надзирателя: порядок взаимоотношений его с вышестоящими органами, права и обязанности по службе.

В тексте Инструкции прямо отмечалось, что околоточные надзиратели, назначаемые «для ближайшего полицейского наблюдения и исполнения полицейских требований» [3, с. 43], стояли в непосредственном подчинении участкового пристава и должны были выполнять все поручения, данные им по службе, с обязательным докладом о проделанной работе. В непосредственное подчинение околоточных надзирателей были определены городские – низшие полицейские чины. По закону «О численном составе и устройстве полицейских команд в городах...» от 14 апреля 1887 г. полагалось не более 1 городского на 500 жителей. На 4 городских полагался один старший городской [4].

На должность околоточного надзирателя назначались лица, достигшие возраста 25 лет, но не старше 40 лет, обладающие здоровым телосложением. Рост полицейского в то время должен был не менее чем 2 аршина и 7 вершков – или около 172 см. Кроме того, предполагалось, что внешность околоточного должна быть без изъяна.

Кандидаты на получение должности околоточного надзирателя должны были иметь образование не менее 4 классов. Предпочтение при отборе будущих околоточных в школы полицейского резерва отдавалось фельдфебелям и унтер-офицерам русской армии, отслужившим действительную военную службу и имеющим право на льготы второго разряда по исполнению воинской повинности. В случае начала войны первоначально такие лица не подлежали призыву в армию, пребывая в запасе. Кроме них в полицию приглашали служить классных чиновников (имеющих классный чин согласно Табели о рангах 1722 г.), обладавших опытом несения государственной службы. Не исключалось привлечение на службу и армейских офицеров, которые сохраняли свое воинское звание и носили особые мундиры, в отличие от классных чинов и низших чинов русской армии.

Околоточные надзиратели не имели права свободно перемещаться по городу. В случае если они покидали свой околоток, они были обязаны предварительно сообщить своему начальству – приставу о цели и месте своего визита. При этом каждый раз, выходя из квартиры или участкового управления, околоточный надзиратель был обязан сообщать ближайшему городскому о месте своего следования, чтобы в случае необходимости его легко было разыскать.

Делопроизводство осуществлялось околоточными не у себя в казенной квартире, а либо на улице, либо в помещениях горожан подведомственного околотка. Это предполагало постоянное ношение околоточными с собой в отдельном портфеле достаточно большого количества письменных принадлежностей и гербовой бумаги.

Согласно инструкции околоточные надзиратели не имели права принимать участие в праздниках в качестве частного лица, а также посещать питейные заведения, предприятия общественного питания, что формально предполагало профилактику коррупции в их рядах.

В случае организации театральных представлений околоточные выступали не только в качестве гаранта охраны общественной безопасности, но и в качестве цензора, для чего они были обязаны знакомиться с новыми поступлениями литературы.

На околоточного надзирателя возлагалась обязанность осуществлять регулярный надзор за соблюдением общественного благоустройства и благочиния в пределах вверенного ему участка. Он был обязан предупреждать и останавливать правонарушителей указанных правил и по данным случаям составлять протоколы. Околоточные надзиратели приступали к производству дознания во всех случаях, когда имели

какой-либо повод подозревать, что совершено преступление. При производстве дознания они должны были руководствоваться Общими правилами, указанными в ст. 253, 254 Устава уголовного судопроизводства.

Вообще при производстве дознания околоточные надзиратели, обладая детальным знанием о поведении обывателей своего околотка, собирали все нужные им сведения посредством розыска, негласного наблюдения, словесных расспросов, стараясь, как было определено в Инструкции, «не беспокоить жителей неуместным вмешательством в их дела». Задачей полицейского было удостовериться в противоправности деяния. Полученную по итогу дознания информацию полиция передавала судебному следователю.

В случаях, не терпящих отлагательств, определенных ст. 258 Судебных уставов, полиция имела право осуществлять обыски и выемки, а также производить допрос без формального закрепления полученных результатов. Обыски и выемки околоточные надзиратели производили по приказу участкового пристава, на котором лежала ответственность за сделанное распоряжение.

Околоточный надзиратель был обязан, «не оставившись на общем знакомстве с населением околотка, стараться ближайшим образом узнать его жителей, чтобы иметь всегда готовыми те сведения, касательно обывателей околотка, которые необходимы для успешного производства розысков», «он не должен был оставлять без внимания ни одного случая, а, напротив, на все обращать внимание, за всеми следить и все события запоминать и использовать все сведения при необходимости» [5, с. 3].

Социально-правовой статус околоточного надзирателя делал его главным посредником в отношениях между органами государственной власти и жителями вверенного ему околотка. Любой документ, исходивший от государственного органа, передавался обывателю лично околоточным надзирателем.

Для достижения надлежащего успеха в охране общественного порядка инструкция обязывала околоточных надзирателей взаимодействовать друг с другом, ибо «при полной солидарности всегда скорее и легче обнаруживаются преступления и разыскиваются преступники».

В столице Российской империи, городе Санкт-Петербурге, под руководством обер-полицмейстера службу по охране порядка несли 6 полицмейстеров, 13 участковых приставов первого разряда, 19 – второго и столько же третьего разряда. В их подчинении находилось 16 старших помощников приставов первого разряда и по 19 – второго и третьего; младших помощников приставов, соответственно, 30, 30 и 50. Полицейских надзирателей по трем разрядам насчитывалось 125, 125 и 300; число городских достигало 4000 человек [6]. При этом согласно данным переписи населения 1897 года в Санкт-Петербурге проживало 1264,9 тыс. человек. Таким образом, на 1 околоточно-

го надзирателя в северной столице в конце XIX века приходилось примерно 2300 человек.

В 1881 г. для Москвы были установлены следующие штаты: участковых приставов – 40, их старших помощников – 41, младших помощников – 40, околоточных надзирателей – 200, городских – 1566 [7, с. 157]. Согласно переписи населения в 1897 г. в городе проживало 1038,6 тыс. человек, соответственно, на 1 околоточного надзирателя приходилось уже 5190 человек.

В целом же данные цифры по стране разительно отличались (табл. 1) [8, с. 128].

Таблица 1

**Соотношение населения городов
и числа околоточных надзирателей
по штатному расписанию в городах
Российской империи**

<i>Город</i>	<i>Количество околоточных надзирателей</i>	<i>Число жителей в городе в 1907 году</i>	<i>Число жителей на 1 околоточного надзира- теля</i>
Рязань	4	51 700	12 929
Самара	38	108 000	2 842
Уфа	16	50 000	3 125
Оренбург	23	73 000	3 173
Курск	21	67 000	3 190
Белосток	20	64 000	3 200

В городе Екатеринбурге, бывшем тогда уездным центром Пермской губернии, по данным переписи населения 1897 г. проживало 43 239 жителей. Сам город был разделен на три полицейских участка, в них службу в разное время несли от 6 до 9 околоточных надзирателей [9]. В начале XX века на одного околоточного в Екатеринбурге приходилось средним около 4000 человек.

Такая разница в цифрах между городами Российской империи была вызвана рядом причин.

Следует иметь в виду, что число полицейских служителей городской управы благочиния должно было соответствовать разряду города, который зависел от количества проживавших в нем жителей. Распределение городов на разряды осуществлял министр внутренних дел [8, с. 50]. Однако на практике в большинстве случаев доходы городской казны не позволяли содержать полицию в должном количестве и состоянии. Именно по этой причине городские власти часто ходатайствовали о сокращении штата полиции.

С целью хоть как-то сохранить минимальный полицейский штат в городах, требуемый для выполнения обязанностей по охране общественного порядка, государство, начиная с 1880-х годов, все чаще стало практиковать совместное с городами финансирование полиции. Такая практика совместного финансирования продолжалась до 1912 г., пока законом «Об улучшении земских и городских финансов», приня-

тым 5 декабря 1912 г., «содержание полиции было почти полностью снято с земских и городских учреждений [7, с. 200].

Несмотря на внушительный круг задач, которые приходилось решать околоточному надзирателю, материальное положение этих полицейских чинов оставляло желать лучшего, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 2 [10].

Таблица 2

**Средний заработок различных
социальных категорий населения
Российской империи в начале XX века**

Должность (статус)	Жалование (в руб.)
рабочий	37,5
учитель гимназии	80
фельдшер	40
коллежский ассессор (чиновник среднего класса)	62
городовой (совр. рядовой сотрудник полиции)	20,5
околоточный надзиратель (совр. участковый уполномоченный полиции)	50
пристав (совр. начальник отдела полиции, подполковник)	200
полковник (совр. начальник управления МВД по городу)	325

Безусловно, размеры денежного довольствия околоточных надзирателей ненамного превышали уровень заработка значительной части фабричных рабочих.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что труд полицейских чинов среднего звена, несмотря на предъявлявшиеся к ним достаточно высокие требования и необходимый при этом образовательный ценз, оценивался как малоквалифицированный, то есть не требующий творческого начала, и представлял собой набор стандартных действий по решению типовых ситуаций. Именно это обстоятельство предопределяло высокий уровень текучести кадров среди большинства классных чинов полиции в пореформенный период.

Только к концу XIX века, вследствие преодоления тяжелых последствий финансово-экономического кризиса, вызванного поражением в Крымской войне (1853–1856 гг.), произошло некоторое повышение размеров денежного жалования полицейских чинов.

Например, в городе Тюмени денежное содержание околоточного надзирателя в период 1867–1887 гг. составляло 120 руб., а к 1896 г. повысилось до 330 руб. [11, с. 16].

Следует отметить, что к концу XIX века масштаб цен также вырос, поскольку до перехода российского рубля к золотому стандарту (финансовая реформа С.

Ю. Вите проходила в 1895–1897 гг.) темпы инфляции оставались достаточно высокими и всегда опережали рост денежных доходов значительной части населения Российской империи.

Таким образом, низкий уровень материального обеспечения и при этом наличие внушительного объема служебных обязанностей создавали большую текучесть полицейских кадров. Из данных, представленных в таблице 1, хорошо видно, что наиболее благоприятная обстановка с полицейскими кадрами в начале XX века сложилась в Самаре, самая неблагоприятная – в Рязани. Самара, будучи крупным губернским торговым центром, имела достаточный бюджет для содержания полиции, в то время как Рязань таким высоким экономическим статусом не обладала. Экономика Рязанской губернии тогда имела аграрный характер; отсутствовали возможности резкого увеличения торговых оборотов, поскольку транспортные потоки по реке Ока были меньше, чем по Волге, где расположена Самара.

Интересно отметить, что экономические возможности уездного центра Гродненской губернии города Белостока были весьма скромными – город не мог похвастаться развитой торговлей, зато он стал одним из центров революционного движения в Привислинском крае, а также обладал смешанным польским и еврейским населением, вследствие чего часто страдал от антисемитских погромов. В ответ на них еврейские мещане и рабочие ткацких фабрик Белостока активно поддерживали местные анархические боевые организации, прославившиеся террористическим актом против полицмейстера Метленко в 1903 г. и взрывом первого полицейского участка в 1904 г., в результате которого были ранены полицейский надзиратель и два городских, а также погибли два посетителя.

В связи с началом Первой русской революции по городу прокатилась серия вооруженных нападений боевиков анархической организации «Борьба» на фабрикантов и полицейских чинов [12]. Именно эти обстоятельства можно объяснить тот факт, что в Белостоке, имевшем статус уездного центра, в 1907 году по штату было 20 полицейских надзирателей, а в губернском центре – Рязани, при аналогичном количестве населения – только 4 полицейских чиновника, отвечавших за поддержание общественного порядка.

Реформы, связанные с отменой крепостного права, повлекли за собой изменения в традиционном укладе жизни крестьянина. По причине безземелья основной поток крестьянского населения устремился на заработки в крупные центры – губернские города, столицы. Так, например, за 1863–1867 гг. прирост населения Нижнего Новгорода составил 44 тысячи человек. К середине 1870-х гг. здесь проживало 56 402 тыс. человек. Обосновавшись на окраинах крупных городов, бывшие крепостные крестьяне, которым не удалось получить работу, сливались с преступным элементом, провоцируя резкий рост преступности в околотке. Именно это обстоятельство также обусло-

вило учреждение новой должности околоточного надзирателя в 1867 году.

По мере обострения политической обстановки и количественного роста правонарушений в городах увеличивается и количество актов о штатных изменениях в кадровом составе полиции. Например, в Санкт-Петербурге в 1895 г. актом об укреплении полиции штаты полиции были увеличены на 4 околоточных надзирателя, а в 1898 г. на – 65. Одесса в 1892 и 1895 г. дополнительно получила по 8 околоточных надзирателей [7, с. 157]. Однако этого было явно недостаточно для поддержания порядка в быстрорастущих городах.

Кроме того, после проведения военной реформы 1861–1874 гг. полиция была отстранена от возможности подбора рекрутов, ограниченно годных к несению строевой службы. Именно последние являлись главным источником пополнения низового звена полиции – городских, непосредственно подчинявшихся околоточным надзирателям. Теперь приходилось искать новые механизмы привлечения в полицию военнослужащих, вышедших в запас, и, начиная с 1873 г., поступавших на службу по вольному найму.

Низкое материальное обеспечение, повышение стоимости жизни в городах, рост цен на продовольственные товары заставляли многих полицейских служащих, особенно низового звена, смотреть на денежное жалование не как на основной источник доходов. Коррупционность дореволюционной полиции России была «притчей во языцех».

Попытки переломить ситуацию в положительную сторону стали возможными лишь после либерализации судебной системы в 1864 г. Стали нередки судебные процессы над полицейскими-«оборотнями». Многие случаи становились достоянием общественности благодаря громким журналистским расследованиям, проводившимся на основании разбирательств многочисленных жалоб городских обывателей [13, с. 122].

Критические публикации о деятельности полицейских чинов постепенно стали приносить свои плоды. И сотрудники низового полицейского звена, боясь быть привлеченными к ответственности за нарушение статьи «О грубом обращении полицейских с людьми», все реже стали использовать излюбленные приемы допроса – битье розгами или палками.

Несмотря на то, что с 1904 г. телесные наказания в Российской империи официально были отменены, фактически они продолжали применяться полицейскими чинами во многих пенитенциарных учреждениях страны. В ответ на это самоуправство в ходе начавшейся Первой русской революции 1905–1907 гг. повсеместно начался террор против представителей правоохранительных органов. Например, в октябре 1906 г. на Мотовилихинском заводе (г. Пермь) после повторного покушения (первое было неудачно совершено членом боевой организации эсеров) был убит помощник пристава С. Ф. Косецкий, выходец из Привислинского края (бывшего ранее Царством Польским), осевший в Пермской губернии после за-

вершения действительной военной службы в чине унтер-офицера [14, с. 110]. Через несколько дней после его похорон в Перми было брошено еще 17 бомб в квартиры подчиненных ему полицейских стражников. Несколько человек были убиты и ранены [15, с. 150–151].

Поводом для мести помощнику пристава С. Ф. Косецкому стала его демонстративная грубость при обращении с арестованными членами партийных ячеек эсеров и большевиков, действовавших на Мотовилихинском заводе, а также откровенная жестокость, с которой тот подавлял забастовки пермских рабочих в 1905 и 1906 году. Он был убит боевиком Мотовилихинской подпольной организации партии большевиков А. А. Миковым [14, с. 110].

Тем не менее, после убийства С. Ф. Косецкого новым приставом Мотовилихинского завода также был назначен еще один выходец из Привислинского края польский шляхтич С. М. Вакульский [14, с. 111].

Такая кадровая политика подбора кандидатов из числа польских подданных Российской империи была далеко не случайной. Выходцы из Привислинского края (так стало называться Царство Польское после подавления восстания 1863–1864 гг.), как правило, были более образованными и мотивированными на служебный рост во всех силовых структурах имперского государственного аппарата. При этом если в Привислинском крае Департамент полиции предпочитал назначать на должности околоточных надзирателей и приставов выходцев из российских губерний, то на Урале, в Сибири и в Туркестане среди классных чинов заметным был удельный вес выходцев из западных частей Российской империи – Привислинского и Прибалтийского края. Например, в Камышловском уезде Пермской губернии пост исправника занимал выходец из остзейских (прибалтийских) немцев Р. К. Вильде [14, с. 114].

Данные полицейские чины не имели никаких устоявшихся связей с местным населением и с нарочитым педантизмом исполняли свои служебные обязанности в надежде на ускоренное продвижение по службе. Например, погибший помощник пристава Мотовилихинского завода С. Ф. Косецкий ставился в пример для подражания другим чинам полиции губернатором Пермской губернии А. В. Болотовым [14, с. 112].

Нельзя забывать и о том, что значительная часть польских подданных за Уралом оказалась не по своей воле – многие жители Привислинского края были высланы на Урал за активное участие в антироссийских восстаниях в 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.

Многие польские подданные российских императоров делали карьеру на государственной службе именно в восточных районах. Так, например, сменивший убитого С. Ф. Косецкого пристав С. М. Вакульский, благодаря своему служебному рвению и продолжению жестких репрессий против революционно настроенных рабочих Мотовилихинского завода, был замечен начальством и вскоре дослужился до долж-

ности помощника Пермского уездного исправника [14, с. 110].

Несмотря на многочисленные нарекания в адрес деятельности околоточных надзирателей и их не всегда эффективную работу, этот институт просуществовал вплоть до 1917 года и был уничтожен вместе со всей полицией Российской империи.

Стремительный рост количества тяжких преступлений и проявлений хулиганства на улицах российских городов после Февральской революции 1917 года быстро привел некогда либерально настроенных обывателей к более объективной оценке деятельности околоточных надзирателей. Но в условиях нараставшего социального катаклизма на фоне крушения Российской империи объективно вызревали предпосылки для зарождения новой правоохранительной службы, которая стала создаваться уже в рамках советской рабоче-крестьянской милиции.

Список источников

1. Мочалова А. А. Полицейская реформа 1862 года: проекты и способы реализации // Историко-правовые проблемы. Новый ракурс. 2017. № 2. URL: <http://pda.ormvd.ru/pubs/102/large-conversion-of-the-reformer-required-a-reliable-police-security/>
2. Тарасов И. Лекция по полицейскому (административному) праву. Т. 2. М., 1908.
3. История органов внутренних дел: хрестоматия. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2016.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. 1887. № 4351.
5. Инструкция околоточного надзирателя Ревельской городской полиции. П. 5. Ревель, 1900.
6. 1703–1903. Столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903.
7. Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Полиция Российской империи: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 320 с.
8. Гомонова С. А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара: Поволжская гос. соц.-гум. академия, 2012.
9. Сафронов А. А. Екатеринбург. Население Екатеринбурга по материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/88437/1/978-5-8295-0039-9_2010_090.pdf
10. Что можно было купить на зарплату в царской России. URL: <http://www.kulturologia.ru/blogs/190415/24168>.
11. Храмцов А. Тюменская уездная полиция: организация, финансирование, деятельность (1867–1917 гг.) // Городское управление. 2008. № 9.
12. Полонский И. В. Столица чернознаменцев: как город ткачей Белосток стал эпицентром российско-го анархизма. URL: <https://topwar.ru/54821-stolica-chnoznamencev-kak-gorod-tkachey-belostok-stal-epicentrom-rossiyskogo-anarhizma.html>

13. Говоров И. В. Проблема коррупции в российской полиции на рубеже XIX–XX вв. // Новейшая история. 2011. № 2.

14. Рязанов С. М. Поляки на полицейской службе в Пермской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Пермского университета. 2015. № 4 (31). С. 110–117.

15. Юдина Л. С. Социалисты-революционеры и террор на Урале в 1905–1908 гг. // Политические партии. История и современность. Орел, 1994.

References

1. Mochalova A.A. The police reform of 1862: projects and methods of implementation // Historical and legal problems. New angle. 2017. No. 2. URL: <http://pda.ormvd.ru/pubs/102/large-conversion-of-the-reformer-required-a-reliable-police-security/>
2. Tarasov I. Lecture on police (administrative) law. Vol. 2. M., 1908.
3. History of internal affairs: a textbook. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016.
4. The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 3. 1887. № 4351.
5. Instructions of the district supervisor of the Revel city police. P. 5. Revel, 1900.
6. 1703-1903. The Metropolitan Police and the Mayor's Office. A brief historical sketch. St. Petersburg: Partnership of R. Golike and A. Vilborg, 1903.
7. Borisov A.V., Malygin A. Ya., Mulukaev R. S. Police of the Russian Empire: monograph. – M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2014. 320 p.
8. Gomonova S. A. Police institutions of the Samara province in 1851-1917: dis. ... candidate of Historical Sciences. Samara: Volga State Social Center-gum. akad., 2012.
9. Safronov A. A. Ekaterinburg. The population of Yekaterinburg according to the materials of the first general population census of 1897 URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/88437/1/978-5-8295-0039-9_2010_090.pdf
10. What could be bought with a salary in Tsarist Russia. URL: <http://www.kulturologia.ru/blogs/190415/24168/>
11. Khramtsov A. Tyumen district police: organization, financing, activities (1867–1917) // City Administration. 2008. No. 9.
12. Polonsky I.V. The capital of the Chernoznamentsy: how the city of weavers Bialystok became the epicenter of Russian anarchism. URL: <https://topwar.ru/54821-stolica-chnoznamencev-kak-gorod-tkachey-belostok-stal-epicentrom-rossiyskogo-anarhizma.html>
13. Govorov I. V. The problem of corruption in the Russian police at the turn of the 19th–20th centuries. // Recent history. 2011. No. 2.
14. Ryazanov S. M. Poles in the police service in the Perm province (late XIX - early XX century) // Bulletin of the Perm University. 2015. No. 4 (31). pp. 110–117.
15. Yudina L. S. Socialist-revolutionaries and terror in the Urals in 1905–1908. // Political parties. History and modernity. Eagle, 1994.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest

Информация об авторах

Михеева Светлана Николаевна – кандидат юридических наук

Скипский Георгий Александрович – кандидат исторических наук, доцент

Information about the authors

Mikheeva Svetlana N. – Candidate of law

Skipskiy Georgiy A. – Candidate of historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 342.95

Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях: проблемы квалификации

Сокол Алексей Михайлович
ГУОООП МВД России, Москва, Россия, asokol@mvd.ru

Аннотация. В настоящей статье с точки зрения административного законодательства рассматриваются проблемные вопросы выявления и документирования сотрудниками органов внутренних дел (полиции) административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.3³ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также результаты деятельности территориальных органов МВД России на современном этапе.

Ключевые слова: административное право, административная ответственность, преступление, уголовная ответственность, общественный порядок, общественная безопасность, дискредитация действий Вооруженных сил Российской Федерации, полномочия полиции, публичные действия, публичные мероприятия, несанкционированные публичные мероприятия, призывы, протестная активность

Для цитирования: Сокол А. М. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях: проблемы квалификации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 132–138.

Original article

Public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, to maintain international peace and security or execution by state bodies of the Russian Federation of their powers for the indicated purposes: qualification problems

Sokol Alexey M.
GUOOOP Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, asokol@mvd.ru

Abstract. In this article, from the point of view of administrative legislation, the problematic issues of identifying and documenting administrative offenses provided for in Article 20.3³ of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses by employees of the internal affairs bodies (police) are considered, as well as the results of the activities of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the present stage.

Keywords: administrative law, administrative responsibility, crime, criminal liability, public order, public safety, discrediting the actions of the Armed Forces of the Russian Federation, police powers, public actions, public events, unauthorized public events, appeals, protest activity

For citation: Sokol A. M. Public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, to maintain international peace and security or execution by state bodies of the Russian Federation of their powers for the indicated purposes: qualification problems // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 132–138.

В современных условиях одной из основных задач органов внутренних дел Российской Федерации является оперативное реагирование на новые вызовы и угрозы в сфере внутренних дел.

Принятие руководством страны решения о проведении специальной войсковой операции на территории Украины (далее – СВО) потребовало защиты правовыми средствами действий Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) и иных государственных органов от попыток искажения целей и задач СВО со стороны представителей так называемой «пятой колонны» и других лиц и организаций.

В связи с этим Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» КоАП РФ [1] дополнен новой статьей 20.3³ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях»¹.

Протоколы об административных правонарушениях по указанной статье КоАП РФ составляются должностными лицами органов внутренних дел (полиции), рассмотрение дел отнесено к компетенции судей районных судов.

Частью 1 статьи 20.3³ КоАП РФ устанавливается административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, а равно направленные на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Санкция предусматривает административный штраф для граждан в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; для должностных лиц – от

ста тысяч до двухсот тысяч рублей; для юридических лиц – от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей.

Частью 2 статьи 20.3³ КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за те же действия, сопровождающиеся призывами к проведению не санкционированных публичных мероприятий, а равно создающие угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Санкция предусматривает административный штраф для граждан в размере от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; для должностных лиц – от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей; для юридических лиц – от пятисот тысяч до одного миллиона рублей.

Состав рассматриваемого правонарушения является формальным, т. е. административная ответственность наступает с момента совершения любого из действий, предусмотренных диспозицией частей 1 и 2 статьи 20.3³ КоАП РФ, независимо от их последствий. Деяние характеризуется умышленной формой вины и выражается в действиях.

Объектом правонарушения являются действия ВС РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а также исполнение государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях. К таким государственным органам можно отнести Росгвардию, МЧС России, Следственный комитет Российской Федерации, ФСБ России, а также иные государственные органы в зависимости от выполняемых в рамках СВО задач.

Публичность действий может выражаться в том, что они направлены на неопределенный круг лиц либо осуществляются в присутствии многих лиц; может определяться местом и обстановкой совершения деяния (митинг, в том числе стихийный, конференция и т. д.), способом (демонстрация фильмов, размещение информации в средствах массовой информации, на открытом сайте в сети «Интернет», раздача листовок на улице либо их размещение на стационарных объектах, автомобилях и т. д.).

¹ В редакции Федерального закона от 25 марта 2022 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова слово «дискредитировать» означает подорвать (подрывать) доверие к кому или чему-либо, умалить (умалять) чей-нибудь авторитет [2].

Применительно к составу правонарушения, предусмотренного статьей 20.3³ КоАП, под дискредитацией понимаются умышленные действия, направленные на подрыв доверия к решениям органов государственной власти Российской Федерации по использованию Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а также непосредственно к действиям Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнению государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях (например, распространение непроверенной, искаженной или заведомо ложной информации о целях принятия решений по использованию Вооруженных Сил Российской Федерации или о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, иных государственных органов Российской Федерации за ее пределами в связи с проведением СВО).

Под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению противоправных действий. При этом должны учитываться место, способ, обстановка и другие обстоятельства дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т. п.) [3, п. 4].

Совершение публичных призывов с использованием средств массовой информации представляет собой их распространение в периодическом печатном издании, в сети «Интернет», на телеканале, радиоканале, в телепрограмме, радиопрограмме, видеопрограмме, кинохроникальной программе, иной форме периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).

Под несанкционированным публичным мероприятием следует понимать публичное мероприятие, в проведении которого органом публичной власти отказано в установленном порядке, уведомление о проведении которого не было подано либо подано с нарушением законной процедуры, в отношении которого по мотивированному предложению органа публичной власти в определенном законом порядке не было согласовано изменение места и (или) времени его проведения либо не устранено указанное в предложении публичного органа несоответствие обозначенных в уведомлении целей, форм и иных условий проведения публичного мероприятия требованиям законодательства о публичных мероприятиях [4, п. 35].

Призывы являются одним из способов организации публичного мероприятия (предварительная агитация). При этом ответственность по части 2 статьи 20.3³ КоАП может наступать в случае, если несанкционированные публичные мероприятия, к проведению которых призывает лицо, направлены на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях. Таким образом, в данном случае указанная правовая норма является специальной по отношению к части 2 статьи 20.2 («Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования») КоАП РФ.

Так, Советский районный суд г. Владивостока Приморского края в своем решении по делу Р. о привлечении к административной ответственности по части 2 статьи 20.3³ указал: «Согласно содержанию сообщения А. Навального, которое Р. опубликовал в группе, безусловно, содержит информацию, направленную на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан. Распространение Р. сообщения с призывом А. Навального о выходе на улицу в целях митинга против войны в группе, пользователем которой является, в открытом доступе и неограниченному кругу лиц направлено именно на обеспечение достижения названной цели. В изложенной ситуации материалами дела объективно доказано осуществление Р. публичных действий, направленных на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов страны, поддержания международного мира и безопасности, сопровождающихся публичным призывом для граждан к участию в несанкционированном публичном мероприятии. Доводы защитника о том, что в действиях Р. первоначально усматривались признаки состава правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20.2 КоАП, не влияют на квалификацию действий последнего, даваемую судом, поскольку в ходе процессуальной проверки обстоятельства совершенных действий лица, подлежащих доказыванию, и содержащиеся в рапорте о наличии признаков административного правонарушения, как и квалификация, деяния представляет собой предположительное определение должностным лицом характера расследуемого события и может изменяться, уточняться, подтверждаться или опровергаться в протоколе об административном правонарушении, являющемся процессуальным документом, определяющим квалификацию действий привлекаемого лица при возбуждении в отношении него дела об административном правонарушении» [5].

Вообще вопрос квалификации публичных мероприятий антивоенной¹ тематики является дискуссионным; представляется, что его решение станет пред-

¹ Здесь и далее по тексту слово «антивоенный» используется в смысле, выраженном в названии статьи 20.33 КоАП.

метом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации в ближайшей перспективе.

Вместе с тем, по мнению автора, необходимо отличать понятие «публичное мероприятие», определению которому дано в пункте 1 статьи 2 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [6] (далее – Закон о публичных мероприятиях), от «публичного мероприятия» как составной части понятия «публичные действия», составляющего объективную сторону правонарушения по статье 20.3³ КоАП.

Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 3 Закона о публичных мероприятиях одним из принципов проведения публичных мероприятий является законность, представляющая собой соблюдение положений Конституции Российской Федерации, Закона о публичных мероприятиях, иных законодательных актов Российской Федерации.

В случае если информация, содержащаяся в тексте уведомления о проведении публичного мероприятия, и иные данные дают основания предположить, что цели запланированного публичного мероприятия не соответствуют положениям Конституции Российской Федерации и (или) нарушают запреты, предусмотренные законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях или уголовным законодательством Российской Федерации, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления незамедлительно доводит до сведения организатора публичного мероприятия письменное мотивированное предупреждение о том, что организатор, а также иные участники публичного мероприятия в случае указанных несоответствия и (или) нарушения при проведении такого мероприятия могут быть привлечены к ответственности в установленном порядке (часть 2 статьи 12 Закона о публичных мероприятиях). Таким образом, любые публичные мероприятия антивоенной тематики по своей цели являются незаконными, действия по их организации и проведению охватываются объективной стороной правонарушения, предусмотренного статьей 20.3³ КоАП, и дополнительной квалификации по статье 20.2 КоАП не требуют.

Вместе с тем, если действия, составляющие объективную сторону статьи 20.3³ КоАП, осуществляются в ходе проведения разрешенного публичного мероприятия, они могут быть квалифицированы по части 5 статьи 20.2 и соответствующей части статьи 20.3³ КоАП в случае невыполнения законных требований организатора публичного мероприятия, уполномоченных им лиц, уполномоченного представителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления и сотрудников органов внутренних дел (военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации) о прекращении противоправных действий или нарушений порядка проведения публичного мероприятия.

Немаловажное значение имеет преюдициальный характер указанной нормы закона, так как повторное совершение деяний, предусмотренных частями 1 или 2 статьи 20.3³ КоАП, в течение года после привлечения лица к административной ответственности образует состав преступления, предусмотренного частью 1 статьи 280³ УК РФ [7].

Действия, предусмотренные частями 1 или 2 статьи 20.3³ КоАП РФ, повлекшие смерть по неосторожности и (или) причинение вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, образуют состав преступления, предусмотренный частью 2 статьи 280³ УК РФ.

Исходя из имеющейся правоприменительной практики, к действиям, создающим реальную угрозу охраняемым правоотношениям, могут быть отнесены призывы принять участие и само участие в заведомо несогласованном публичном мероприятии, предполагающем создание помех нормальному функционированию объектов транспортной или социальной инфраструктуры, движению пешеходов и (или) транспортных средств, ограничивающем доступ граждан к социальным объектам и объектам транспорта, жилым помещениям, вовлечение в него несовершеннолетних, доведение маршрутов движения, мест сбора участников, разъяснение приемов и способов противодействия сотрудникам правоохранительных органов, побуждение к действиям и сами действия, направленные на неповиновение или сопротивление представителям власти, и т. д.

Проведенный анализ судебной практики (изучено более 100 судебных решений в 25 регионах Российской Федерации) позволил выделить основные виды действий, образующих объективную сторону правонарушений, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 20.3³ КоАП.

К ним относятся:

по части 1 статьи 20.3³ КоАП – подача заявления в органы внутренних дел о возбуждении уголовного дела по факту того, что спецоперация является агрессивной войной, геноцидом; выступление с антивоенной тематикой в ходе лекции в образовательной организации высшего образования; выкрикивание антивоенных лозунгов в общественном месте (Амурская, Владимирская, Московская, Иркутская области); размещение информации с антивоенной тематикой в сети «Интернет», в том числе репосты видеороликов, текстовой информации из открытых пабликов, пикетирование (во всех субъектах Российской Федерации, в которых проводился анализ); распространение листовок (Московская область, Санкт-Петербург); использование ленточек зеленого цвета на предметах одежды и личных вещах (Новгородская область); использование одежды с антивоенной атрибутикой,

размещение антивоенных плакатов на ручной кледи (Ленинградская область); нанесение изображений антивоенной тематики на стенах в подъездах жилых домов, нанесение надписей на рекламных конструкциях (Алтайский край); нанесение наклеек антивоенного содержания на стекло автомобиля (Архангельская область); использование антивоенной тематики в рекламном объявлении (Алтайский край);

по части 2 статьи 20.3³ КоАП – размещение информации в сети «Интернет».

Отдельным блоком необходимо выделить противоправные действия в отношении так называемых «символов СВО»: изображений букв «V» и «Z».

Министерство обороны РФ 2 марта на своем интернет-ресурсе разъяснило, что символ «Z» означает «За победу», символ «V» – «Сила в правде» и «Задача будет выполнена» [8].

В своем официальном ответе депутату Московской городской Думы Е. В. Ступину Минобороны России разъяснило, что «данные знаки не являются официальными воинскими символами (обозначениями) и не несут специальной нагрузки». При этом в ведомстве отметили, что «в настоящее время данные знаки узнаваемы и положительно принимаются военнослужащими и гражданами Российской Федерации, Донецкой и Луганской народных республик и многими другими» [9].

Заявление оборонного ведомства о поддержке символов СВО подтверждается многочисленными акциями граждан и общественных объединений (нанесение символов СВО на транспортные средства, предметы одежды, проведение флэш-мобов в поддержку СВО с использованием указанной символики, к которой также можно отнести георгиевскую ленту, использование букв «V» и «Z» в качестве средств наглядной агитации при проведении публичных, спортивных и культурных мероприятий и т. д.).

Учитывая изложенное, отсутствие официального статуса у перечисленных символов СВО не исключает противоправность совершаемых в отношении них публичных оскорбительных действий.

Аналогичной позиции придерживается адвокат Дмитрий Аграновский, который заявил, что человек уничтожает или закрашивает буквы «V» и «Z» именно с прямым умыслом: выражает протест спецоперации. «Умысел в данном случае абсолютно ясен. Человек выражает протест не буквам, а тому, что с ними связано» [10].

Именно по этому пути формируется правоприменительная и судебная практика. Изучение имеющихся на официальных сайтах судов постановлений по делам об административных правонарушениях по статье 20.3³ КоАП, связанных с оскорблением символов СВО, позволяет разделить их на две группы. Первая связана с оскорбительными действиями непосредственно в отношении этих символов (плевок в изображение букв «V» и «Z», георгиевской ленты, порча или уничтожение средств наглядной агитации, повреждение стекол транспортных средств, на кото-

рых нанесены символы, и т. п.). Вторая – использование символов в текстах переписки в соцсетях, фото- и видеоизображениях оскорбительного характера, нанесение оскорбительных надписей «Z = фашизм», «позор» и др.

При квалификации действий лиц по статье 20.3³ КоАП необходимо отграничивать их от схожих составов административных правонарушений. Так, организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка, направленная на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях должна квалифицироваться по статье 20.3³ КоАП и соответствующей части статьи 20.2² КоАП.

Так, Василеостровским районным судом г. Санкт-Петербурга объединены в одно производство дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.2² КоАП и частью 1 статьи 20.3³ КоАП в отношении В., которая «находясь (...) добровольно приняла участие в одновременном массовом пребывании граждан в общественном месте, не являющемся публичным мероприятием, в количестве более 100 человек, собравшихся с целью выражения своего мнения по поводу актуальных проблем социально-политического характера на тему «Война на Украине» в нарушение установленных санитарных норм и правил, а именно В. не соблюдала установленную социальную дистанцию.

Она же, находясь на том же месте, при большом скоплении людей в количестве не менее 100 человек, держала в руках плакат в виде листа бумаги и демонстрировала его окружающим, на котором была размещена надпись «Нет войне», при этом публично, чтобы это было слышно окружающим лицам, выкрикивала лозунг «Нет войне», тем самым выражала свое мнение и формировала мнение окружающих об отношении к действиям ВС РФ на Украине как к войне, а не специальной войсковой операции» [11].

Если действия, предусмотренные частью 1 статьи 20.3³ КоАП, связаны с блокированием транспортных коммуникаций, то такие действия подлежат квалификации как по статье 20.3³ КоАП, так и по статье 20.18 КоАП.

Кроме того, публичные действия, предусмотренные статьей 20.3³ КоАП, могут выражаться в распространении в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений. В данном случае правоприменителю необходимо дать правовую оценку указанных действий применитель-

но к наличию состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 13.15 КоАП.

Представляется, что дискредитация действий ВС РФ и иных государственных органов может выражаться, в том числе, в распространении недостоверных сведений о проводимой СВО. При этом действия, предусмотренные частью 9 статьи 13.15 КоАП, охватываются объективной стороной части 2 статьи 20.3³ КоАП.

Вместе с тем, если публичные действия по дискредитации ВС РФ и иных государственных органов выразились в распространении заведомо недостоверной общественно значимой информации и повлекли создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, то, исходя из буквального толкования закона, они должны квалифицироваться не как административное правонарушение, а как преступление по части 2 статьи 280³ УК РФ.

В случаях, если при пресечении правонарушения, предусмотренного статьей 20.3³ КоАП, оказывается неповиновение законным требованиям сотрудника полиции или воспрепятствование осуществлению им своих полномочий, составляются два протокола об административном правонарушении (как по части 1 статьи 19.3, так и по статье 20.3³ КоАП). При этом ответственность наступает за каждое правонарушение в отдельности. В данном случае лицо может быть задержано на срок до 48 часов, так как санкция статьи 19.3 КоАП предусматривает в качестве одного из наказаний административный арест. Анализ показывает, что данная практика наиболее характерна для города федерального значения Москвы.

Также в публичных действиях по дискредитации ВС РФ и иных государственных органов может содержаться информация в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, выражает явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации. В этом случае указанные действия подлежат дополнительной квалификации по части 3–5 статьи 20.1 КоАП. Как правило, для установления признаков данного правонарушения требуется проведение соответствующей экспертизы.

Деятельность органов внутренних дел по выявлению и пресечению новой категории административных правонарушений дала положительный профилактический эффект. Так, если в марте текущего года, т. е. на момент внесения соответствующих изменений в КоАП, в ряде регионов Российской Федерации имели место массовые публичные акции, то к концу мая антивоенные акции приобрели единичный характер. На активности публичных действий антивоенной тематики, очевидно, сказывается и угроза привлечения

к уголовной ответственности. Однако это не исключает рост протестной активности при соответствующей поддержке, прежде всего финансовой, иностранных «партнеров» и местных деструктивных сил.

В соответствии с частью 1 статьи 280³ УК РФ повторные действия, предусмотренные объективной стороной статьи 20.3³ КоАП, совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности в течение одного года, образуют состав преступления.

На момент написания статьи судебная практика по данной норме УК РФ отсутствует, что не позволяет проанализировать подходы к квалификации нового преюдициального состава преступления, которые представляют большой практический и теоретический интерес.

В заключение необходимо отметить, что введение новых составов административных правонарушений и преступлений представляет собой очередной этап развития административного и уголовного законодательства, объективно вызывая необходимость как выработки единого научного подхода к квалификации новых видов противоправных деяний, так и формирования единой правоприменительной и судебной практики, а также создает широкие возможности для научных исследований и практических предложений, в том числе в контексте подготовки проекта нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд. испр. и доп. Москва: ОНИКС, 2009. 1359 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.05.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.05.2022).
5. Постановление по делу № 5-464/2022 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <http://www.sovetsky-prm.sudrf.ru> (дата обращения: 26.05.2022).

6. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Газета «Известия». 2022. 2 марта. Электрон. Версия. URL: <https://iz.ru/1299717/2022-03-02/minoborony-obiasnilo-znachenie-bukv-na-rossiiskoi-tekhnikе-na-ukraine> (дата обращения: 26.05.2022).

9. РИА НОВОСТИ. 2022. 19 мая: сайт. URL: <https://ria.ru/20220519/minoborony-1789452602.html> (дата обращения: 26.05.2022).

10. Деловая газета «Взгляд». 2022. 19 мая. Электрон. Версия. URL: <https://vz.ru/news/2022/5/19/1159204.html> (дата обращения: 26.05.2022).

11. Постановление по делу № 5-580/2022 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <http://www.vos--spb.sudrf.ru> (дата обращения: 26.05.2022).

9. RIA NEWS. 2022. May 19: website. URL: <https://ria.ru/20220519/minoborony-1789452602.html> (date of access: 05/26/2022).

10. Business newspaper «Vzglyad». May 19, 2022 Electron. Version. URL: <https://vz.ru/news/2022/5/19/1159204.html> (date of access: 05/26/2022).

11. Ruling on case No. 5-580/2022 // State automated system of the Russian Federation «Pravosudie»: Internet portal. URL: <http://www.vos--spb.sudrf.ru> (date of access: 05/26/2022).

Статья поступила в редакцию 26.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 26.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

References

1. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. one.

2. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions / ed. L. I. Skvortsova. 26th ed. correct and additional Moscow: ONIKS, 2009. 1359 p.

3. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 No. 11 "On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist orientation" // Consultant Plus: site. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 05/26/2022).

4. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 26, 2018 No. 28 "On some issues arising from the courts when considering administrative cases and cases of administrative offenses related to the application of legislation on public events" // Consultant Plus: site. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 05/26/2022).

5. Ruling on case No. 5-464/2022 // State automated system of the Russian Federation «Pravosudie»: Internet portal. URL: <http://www.sovetsky--prm.sudrf.ru> (date of access: 05/26/2022).

6. On meetings, rallies, demonstrations, processions and pickets: Federal Law of June 19, 2004 No. 54-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 25. Art. 2485.

7. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

8. Newspaper «Izvestia». 2022. March 2. Electron. Version. URL: <https://iz.ru/1299717/2022-03-02/minoborony-obiasnilo-znachenie-bukv-na-rossiiskoi-tekhnikе-na-ukraine> (date of access: 05/26/2022).

Научная статья
УДК 343.9

Причины насилия над женщинами в Российской Федерации как факторы, порождающие уголовно наказуемое деяние

Тарасова Людмила Яковлевна
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, Lmila09@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8819-9741>

Аннотация. В статье рассматривается проблема внутрисемейного насилия в отношении женщины. Приводится классификация причин, различные научные подходы к пониманию проблемы причин насилия над женщинами. На основе анализа судебной практики сделаны выводы о необходимости реакции государства на случаи домашнего насилия в отношении женщин для устранения причин, способствующих совершению подобных преступных деяний.

Ключевые слова: домашнее насилие, причины насилия, уголовно наказуемое деяние, назначение наказания, профилактика насилия в семье

Для цитирования: Тарасова Л. Я. Причины насилия над женщинами в Российской Федерации как факторы, порождающие уголовно наказуемое деяние // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 139–143.

Original article

Causes of violence against women in the Russian Federation, as factors that give rise to a criminally punishable act

Tarasova Ludmila Ya.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, Lmila09@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8819-9741>

Abstract. The article deals with the problem of intra-family violence against women. A classification of the causes, various scientific approaches to understanding the problem of the causes of violence against women are given. Conclusions are made on the basis of the analysis of judicial practice, on the need for the state to respond to cases of domestic violence against women in order to eliminate the causes that contribute to the commission of criminal acts.

Keywords: domestic violence, causes of violence, criminal offense, sentencing, prevention of domestic violence

For citation: Tarasova L. Ya. Causes of violence against women in the Russian Federation, as factors that give rise to a criminally punishable act // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 139–143.

Изучению насилия в любой его форме, в том числе и над женщинами, в семейно-бытовой сфере уделяется немало внимания учеными и исследователями. Принимаемые уполномоченными органами профилактические меры зачастую не дают результата. В настоящее время отмечается рост насилия, в частности

насилия над женщинами. Приведем следующие статистические данные, полученные из открытых источников (см. Табл. 1).

Таблица 1
Общее число погибших в семейно-бытовых конфликтах
по данным МВД России [1]

год	детей	женщин	мужчин
2015	36	304	756
2016		352	
2017		288	
2018		253	
2019	22	243	472

Статистика семейно-бытовых конфликтов, отраженная в таблице 1, показывает актуальность исследования: женщины более всего подвержены насилию в семье. Кроме того, необходимо отметить, что многие эксперты в области домашнего насилия обращают внимание на неполноту статистических данных МВД РФ, так как учтено только число возбужденных уголовных дел, а по более чем 80 % обращений полиция выносит постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [2].

По данным Росстата [3] со ссылкой на МВД России, число потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении члена семьи, выглядит следующим образом.

Таблица 2

год	всего потерпевших	из них женщин
2015	50 780	36 493
2016	65 543	49 765
2017	36 037	25 667
2018	33 235	23 518

При рассмотрении данных по насильственным преступлениям против женщин в сфере семейно-бытового насилия заметно, что до начала 2017 года число потерпевших росло, однако в 2017 году оно неожиданно снизилось до 36 000 (годом ранее оно составило 65 500). Снижение имело место после частичной декриминализации побоев Государственной Думой Российской Федерации в январе 2017 года, после которой физическое воздействие без тяжелых последствий в ходе семейных конфликтов стало административным правонарушением.

Согласно Докладу семи организаций по защите прав женщин [4] «Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России» (2020–2021 годы) отмечается увеличение количества обращений женщин за помощью в период строгой изоляции. В начале мая 2020 года Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова отметила, что, по информации, представленной вышеуказанными общественными организациями, с 10 апреля 2020 года количество зарегистрированных случаев домашнего насилия выросло более чем в два раза (с 6 054 в марте 2020 г. до 13 000 в апреле 2020 г.) [5].

Это одна из серьезных нерешенных проблем в современном обществе, в том числе и в России. Считаю,

что без установления причинного комплекса насилия над женщинами не могут быть сформулированы профилактические мероприятия по предупреждению отдельных видов преступлений, по составам которых квалифицируются действия виновных лиц.

В настоящее время нет единого мнения о причинах насилия в отношении женщин в РФ. Установлением и рассмотрением одной причины мы не можем ограничиться, так как разнообразные формы насилия в разных семьях (иногда между женщиной и мужчиной, не являющимися супругами), индивидуальные характеристики субъекта насилия, учет его стереотипов, общественных и внутренних установок порождают и множество причин насилия.

Совокупность причин мы предлагаем рассмотреть по следующим блокам. По мнению А. Б. Фахретдиновой [6, с. 123–130], можно выделить две группы причин: первичные и вторичные. К первичным относятся причины, которые приводят к супружескому насилию. Вторичные причины, по которым супружеское насилие продолжается. Рассматривая с учетом судебной практики предложенную классификацию, первичные причины мы можем причислить к внутренним, то есть к субъекту совершения насилия. По нашему мнению, к ним относятся: прежний опыт насилия (насилие в родительской семье), материальная необеспеченность, низкий уровень образования и культуры, злоупотребление алкоголем, беременность супруги, влияние религиозных предписаний.

Примером может служить приговор Вологодского городского суда Вологодской области, согласно которому С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ. Как установлено в ходе судебного рассмотрения, С. на почве личных неприязненных отношений к бывшей сожительнице Ф., достоверно зная, что она находится на девятом месяце беременности, держа в руке металлическую часть топора и находясь в непосредственной близости от потерпевшей, высказал в адрес последней угрозу убийством: «Я тебя зарублю! Я тебя по частям порублю!». Ф. данные действия С. воспринимала реально как угрозу для своей жизни и здоровья и будущего ребенка и опасалась ее осуществления [7].

В России среди второстепенных причин можно выделить гендерное превосходство мужчин (традиции гендерного доминирования). Отсюда можно сформулировать следующую выявленную нами причину насилия над женщинами, это основанное на патриархальных представлениях обыденное сознание превосходства мужчин над женщинами. Нередко данное превосходство проявляется в агрессии. При анализе судебной практики установлено, что обвиняемые мужчины в большинстве случаев признают вину, раскаиваются и ходатайствуют о постановлении в отношении них обвинительного приговора без судебного разбирательства. По нашему мнению, делают они это, чтобы избежать строгого наказания за совершенные деяния и в дальнейшем продолжают

совершать противоправные действия идентичного характера. Примером может служить уголовное дело в отношении З. Судом установлено, что он, осознавая свое физическое превосходство над женщиной, взял в руки фрагмент деревянной гардины, умышленно и целенаправленно с силой стал наносить Г. множественные удары по голове и телу. Нанес множественные, не менее 5 (пяти) ударов кулаком по телу Г., при этом Г. плакала от боли и страха, просила сожителя успокоиться и прекратить свои действия. Однако З., осознавая свое физическое превосходство над Г, воля к сопротивлению которой была сломлена, стал умышленно и целенаправленно с силой наносить множественные удары. Кроме того, в приговоре указано, что он ранее судим по ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 119 УК РФ и снова осужден по п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ [8]. Назначено наказание в виде 1 года 6 месяцев условно. При такой практике назначения наказания по фактам применения домашнего насилия у нас нет уверенности, что граждане не продолжают свою деятельность по применению насилия в отношении женщин.

Назначаемые за совершение указанных преступлений и административных правонарушений штрафные санкции не всегда способствуют достижению цели наказания, при этом уплата штрафов ложится на членов семьи «дебошира», что может послужить причиной возникновения новых бытовых конфликтов.

Продолжая рассмотрение вторичных причин насилия, необходимо отметить, что в большинстве случаев насилие в отношении женщины совершается в состоянии алкогольного опьянения. Либо при употреблении (не исключено совместное употребление), либо в состоянии опьянения (реже в практике встречается наркотическое опьянение).

Также во вторичные причины некоторые авторы [9] включают культурно-исторические. Свое мнение они подкрепляют следующими данными проведенного телефонного опроса: 47 % россиян назвали домашнее насилие частной проблемой, в которую не должны вмешиваться государство или общество; 61 % интервьюированных россиян заявили, что проблема семейного насилия не является актуальной для России; вместе с тем 39 % интервьюированных допускают применение физической силы к близким людям, а 10 % утверждают, что факт принуждения супруги к интимным отношениям не является преступлением против половой неприкосновенности; 63 % россиян отмечают, что иногда женщины своим внешним видом, одеждой или поведением сами провоцируют применение к ним насилия; 9 % опрошенных мужчин ответили, что бывают случаи, когда «полезно» ударить жену или ребенка; еще 7 % россиян считают, что домашнее насилие можно простить, если оно произошло «сгоряча». Недопустимым насилие в семье назвали 50 % опрошенных мужчин и 69 % женщин [10]. С анализом приведенных данных, сделанных некоторыми исследователями [9], о том, что насилие мужчин над женщинами можно объяснить следующими

факторами: сложившимся культурно-историческим опытом; стереотипом о том, что женщина ответственна за отношения внутри семьи; ее внешним видом, провоцирующим мужчин на применение к ней насилия; давлением на женщин общественных стереотипов, поддерживаемых официальными лицами по принципу «не выносить сор из избы», – мы можем согласиться частично. Считаем, что полученные данные дают основание сделать вывод о том, что насилие в семье носит латентный характер и основа этому в большинстве случаев – правовая незащищенность, боязнь продолжения насилия, мести за заявление о насилии. При этом женщины не имеют информации о правовой защите себя и своих детей, а также, возможно, некое безразличное отношение их к своему будущему (часто совместному будущему с мужчиной, применившим насилие).

Не можем согласиться с мнением лиц, которые в качестве аргумента при декриминализации побоев в отношении близких лиц приводили аргументы, что это вторжение в семью и что уголовное наказание за побои в семье – это давление на семью [11].

Каждый, чьи права и свободы, признанные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод [12], нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты.

Рассмотренные нами причины насилия над женщинами в семье (первичные и вторичные) влекут различные формы насилия (физическое, сексуальное, экономическое, эмоциональное, словесное). В настоящее время данная проблема выходит за рамки отдельного уголовного дела и отдельной семьи. Особая уязвимость женщин, которые чаще всего являются жертвами домашнего насилия, требует активного участия государства в их защите. По результатам проведенного исследования судебной практики можно говорить о том, что рассмотренные нами некоторые причины насилия над женщинами в большинстве случаев влекут такие деяния, которые подпадают под признаки конкретного вида преступлений. Даже при отсутствии телесных повреждений, физических и нравственных страданий имеет место унижение и оскорбление человеческого достоинства, что вызывает у женщины чувство страха, ощущение неполноценности, способное подорвать и сломить моральное и физическое состояние личности. Необходимо обратить внимание на то, что в случае уголовного преследования домашнего «насильника» назначение ему определенного вида уголовного наказания (штрафа или условного осуждения) не может предотвратить повторения аналогичных преступлений. Даже в случае вынесения обвинительного приговора потерпевшей не может быть гарантирована защита от дальнейшего насилия со стороны обвиняемого лица. Необходима реакция государства на случаи домашнего насилия, в том числе и в отношении женщин, для устранения причин, способствующих совершению данных преступных деяний.

Список источников

1. Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics> (дата обращения: 12.05.2022).
2. Домашнее насилие остается неофициальным НКО говорят о росте жалоб от пострадавших, МВД – о снижении // Коммерсантъ: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4424150> (дата обращения: 03.03.2022).
3. Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=репродуктивное+здоровье+2021> (дата обращения: 16.05.2022).
4. «Зона права», АННА – Центр помощи пострадавшим от домашнего насилия, Консорциум Женских Неправительственных Объединений, Российская Правовая Инициатива (РПИ), «Ты не одна» Сеть взаимопомощи женщин, Центр «Сестры», Центр «Китеж».
5. В России отмечен рост домашнего насилия с 10 апреля в два с половиной раза // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20200505/1570971794.html> (дата обращения: 03.03.2022).
6. Фахретдинова А. Б. Факторы, провоцирующие насилие над женщинами в супружеских взаимоотношениях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 123–130.
7. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области в отношении Серков И. С. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AlheXwl5tyYB/?regular-txt> (дата обращения: 24.02.2022).
8. Приговор Балахнинского городского суд Нижегородской области в отношении Загуменного А. А. Дело № 1-93/2015 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S3o0MloiDpUK/?page=2&regular> (дата обращения: 22.03.2022).
9. Сошникова И. А. Проблема семейно-бытового насилия над женщинами в России и возможные пути ее решения // Издательский дом «ХОПС»: сайт. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2020/11 (дата обращения: 23.01.2022).
10. Названо число одобряющих домашнее насилие россиян // Lenta.ru. 2019: сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2019/05/22/violence> (дата обращения: 23.01.2022).
11. Госдума приняла закон о декриминализации побоев в семье // ТАСС: информ. Агентство России: сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3976806> (дата обращения: 22.03.2022).
12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом [№ 1]: подписан в г. Париже 20.03.1952, Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней: подписан в г. Страсбурге 16.09.1963, Протоколом № 7: подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // Консультант-

Плюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 03.03.2022).

References

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official. website. URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics> (date of access: 05/12/2022).
2. Domestic Violence Remains Unofficial NGOs report an increase in complaints from victims, the Ministry of Internal Affairs - a decrease // Kommersant: website. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4424150> (date of access: 03.03.2022).
3. Federal State Statistics Service: official. website. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=reproductive+health+2021> (date of access: 05/16/2022).
4. "Zone of Law", ANNA - Center for Assistance to Victims of Domestic Violence, Consortium of Women's Non-Governmental Associations, Russian Legal Initiative (RPI), "You are not alone" Women's Mutual Help Network, Center "Sisters", Center "Kitezh".
5. In Russia, there has been a two and a half-fold increase in domestic violence since April 10 // RIA Novosti: site. URL: <https://ria.ru/20200505/1570971794.html> (date of access: 03.03.2022).
6. Fakhretdinova A. B. Factors provoking violence against women in marital relationships // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series Social Sciences. 2008. No. 1 (9). pp. 123–130.
7. The verdict of the Vologda city court of the Vologda region in relation to Serkov I. S. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: site. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AlheXwl5tyYB/?regular-txt> (date of access: 02/24/2022).
8. Verdict of the Balakhna City Court of the Nizhny Novgorod Region against Zagumenny A.A. Case No. 1-93/2015 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: site. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S3o0MloiDpUK/?page=2&regular> (date of access: 03/22/2022).
9. Soshnikova I. A. The problem of domestic violence against women in Russia and possible solutions // Publishing house "HORS": website. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2020/11 (date of access: 01/23/2022).
10. The number of Russians who approve of domestic violence has been named // Lenta.ru. 2019: website. URL: <https://lenta.ru/news/2019/05/22/violence> (date of access: 01/23/2022).
11. The State Duma adopted a law on the decriminalization of beatings in the family // TASS: inform. Agency of Russia: site. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3976806> (date of access: 03/22/2022).
12. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome on November 4, 1950 (as amended on June 24, 2013) (together with Protocol [No. 1]: signed in Paris on March 20, 1952, Protocol No. 4 on ensuring certain rights and freedoms in addition to those already included in the Convention and its first Protocol: signed in Strasbourg on

September 16, 1963, Protocol No. 7: signed in Strasbourg on November 22, 1984) // ConsultantPlus: site. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed 03.03.2022).

Информация об авторе

Тарасова Людмила Яковлевна – кандидат исторических наук

Information about the author

Tarasova Ludmila Ya. – Candidate of historical Sciences

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья

УДК 343.9

Анализ состояния и предупреждение хищений чужого имущества в России

Федоров Александр Федорович

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, fedoroffaf@mail.ru

Аннотация. Исследуются вопросы, связанные с количественной характеристикой наиболее распространенных преступлений корыстной направленности за последние десять лет.

На основе подробного изучения статистических данных и практической деятельности правоохранительных органов автор приходит к выводу о том, что проводимая сегодня в стране политика, направленная на противодействие преступности в целом, является достаточно эффективной.

Однако, с учетом наблюдающейся явной тенденции к росту количества мошенничеств, она нуждается в серьезной корректировке и оптимизации в плане реализации дополнительных мер по профилактике хищений, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием, но без ущерба для профилактической работы по другим составам хищений, количество которых остается достаточно значительным.

Ключевые слова: корыстная преступность, кража, мошенничество, грабеж, разбой, присвоение и растрата, профилактика преступлений

Для цитирования: Федоров А. Ф. Анализ состояния и предупреждение хищений чужого имущества в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 144–148.

Original article

Analysis of the state and prevention of theft of other people's property in Russia

Fedorov Alexander F.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, fedoroffaf@mail.ru

Abstract. The issues related to the quantitative characteristics of the most common crimes of a mercenary orientation over the past ten years are being investigated.

Based on a detailed study of statistical data and the practical activities of law enforcement agencies, the author comes to the conclusion that the current policy in the country aimed at countering crime in general is quite effective.

However, taking into account the observed clear trend towards an increase in the number of frauds, it needs serious adjustment and optimization in terms of implementing additional measures to prevent theft committed by deception and abuse of trust, but without prejudice to preventive work on other types of theft, the number of which remains quite significant.

Keywords: mercenary crime, theft, fraud, robbery, robbery, embezzlement and embezzlement, crime prevention

For citation: Fedorov A. F. Analysis of the state and prevention of theft of other people's property in Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 144–148.

Корыстные правонарушения были характерны для многих типов культур человеческого общества. С развитием цивилизации проблема противоправных посягательств на чужую собственность не теряет своей актуальности, особенно в периоды социально-экономических и политических реформ и преобразований, когда происходит активный передел всех сфер общественных отношений.

Наглядным примером этого, к большому сожалению, может послужить опыт нашей страны, где в результате подобных реформ произошли такие негативные последствия, как значительный разрыв в уровне благосостояния граждан, постоянный рост цен в результате слабо контролируемой инфляции, высокий уровень безработицы и целый ряд других

последствий, что повлекло резкий всплеск количества корыстных преступлений [1, с. 252–253].

С учетом этого проблема корыстной преступности была и остается постоянным объектом для научного изучения со стороны органов, ведущих борьбу с этим негативным социально-правовым явлением.

В аналитическом обзоре по исследованию проблем криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, подготовленном специалистами ФГКУ «ВНИИ МВД России» на основе комплексного анализа состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2021 года, отмечено, что наиболее распространенной группой преступлений, составляющих ежегодно более половины от всех зарегистрированных нарушений уголовного закона в нашей стране, традиционно остаются посягательства на собственность, доля которых достигла 59,7 %, что соответствует такому же показателю по итогам 2020 года и на 1,8 % выше показателя 2019 года.

Подавляющая часть данных посягательств, а именно 96,1% в 2021 году, представлена хищениями чужого имущества, предусмотренными ст. 158–162 УК РФ.

Самая большая доля в структуре преступлений против собственности принадлежит кражам, которые составили 61,3 %. Далее идут мошенничества всех ви-

дов – 28,4 %, грабежи – 2,6 %, мелкие хищения, совершенные лицами, подвергнутыми административному наказанию, – 2,3 %, присвоения и растраты – 1,1 %, разбои – 0,4 %.

В структуре всех зарегистрированных преступлений в России по итогам 2021 года согласно официальной статистической отчетности доля хищений превысила 57 %, что в абсолютных показателях составило 1 148 823 преступления [2, с. 23–26].

Сложившиеся неблагоприятные показатели количества хищений, касающиеся их стабильности и огромного числа – свыше одного миллиона ста тысяч преступных деяний ежегодно, остро ставят вопрос о необходимости проведения более глубокого анализа их состояния в России за достаточно длительный период, как минимум за последние десять лет, с целью выявления существующих тенденций и прогнозных характеристик, обязательных для поиска и выработки наиболее эффективных средств и методов профилактической деятельности.

В этой связи количественные показатели хищений, начиная с 2012 года, представленные в таблице 1 позволили сделать ряд важных выводов об их состоянии, структуре и динамике за период до 2021 года включительно [3].

Таблица 1

Количество зарегистрированных хищений в России в 2012–2021 годах

Год / Вид преступления	158	158.1	159–159.6	160	161	162	Всего хищений
2012	992 238		163 553	30 651	110 063	18 622	1 315 127
2013	922 562		164 629	28 049	92 069	16 416	1 223 725
2014	908 961		159 342	20 526	77 725	14 340	1 180 894
2015	1 018 456		200 598	19 494	72 739	13 529	1 324 816
2016	871 084	464	208 926	17 633	61 524	11 416	1 171 047
2017	788 531	9 250	222 772	16 615	56 855	9 104	1 103 127
2018	756 395	13 861	215 036	15 452	50 111	7 474	1 058 329
2019	774 159	19 091	257 187	15 324	45 815	6 739	1 118 315
2020	751 243	24 323	335 631	13 958	38 392	5 280	1 168 827
2021	733 075	27 551	339 606	12 699	31 456	4 436	1 148 823

Общее количество всех хищений за десять предыдущих лет менялось волнообразно и в целом уменьшилось на 12,6 % – с 1 315 127 в 2012 году до 1 148 823 в 2021 году.

В качестве одной из важных причин такого снижения количества хищений необходимо отметить тот факт, что на фоне общего уменьшения количества уголовно наказуемых хищений заметно увеличилось общее количество хищений, регламентированных ст. 7.27 КоАП РФ, – с 118 109 пресеченных правонарушений в 2012 году до 222 310 пресеченных случаев по итогам 2021 года.

Однако наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет структурная составляющая хищений, в которой весьма четко прослеживаются серьез-

ные изменения по количеству конкретных составов преступлений. Так, за весь десятилетний период наблюдается устойчивая тенденция по сокращению грабежей и разбоев, а также присвоений и растрат.

Наиболее значительно (в 4,2 раза) сократилось количество разбоев: с 18 622 случаев в 2012 году до 4 436 по итогам 2021 года. Количество грабежей также уменьшилось весьма существенно – в 3,5 раза, соответственно, с 110 063 преступлений до 31 456. Несколько менее, но все равно достаточно заметно – в 2,4 раза, сократилось количество присвоений и растрат: с 30 651 случая в 2012 году до 12 699 в 2021 году.

Что касается краж, мошенничества и уголовно наказуемых мелких хищений, по этим видам преступлений ситуация в стране гораздо сложнее.

Количество краж с 2012 до 2014 года постепенно уменьшалось с 992 238 преступлений до 908 961 случая. Затем, в 2015 году, число посягательств резко увеличилось более чем на сто тысяч – до 1 018 456, а далее вновь уменьшилось до 756 395 в 2018 году. На следующий год опять произошел рост числа краж до 774 159 случаев, затем два года снова шло снижение до 733 075 преступлений по итогам 2021 года.

Общее число краж за десять лет при такой волнообразной динамике снизилось на 26,1 %, однако в абсолютных показателях продолжает оставаться значительным.

Отдельно следует сказать о преступлениях, предусмотренных ст. 158.1 УК РФ. Введенные в законодательство в июле 2016 года нормы, предусматривающие ответственность за мелкое хищение по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ и по ст. 158.1 УК РФ, позволили получить соответствующие статистические данные, свидетельствующие о том, что количество нарушений закона, регламентированных данными статьями, неуклонно возрастает.

Так в 2017 году было пресечено 39 846 правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, а в 2021 году – уже 61 797. Соответственно, и по ст. 158.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за совершение мелкого хищения чужого имущества лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, наблюдается рост числа преступлений с 9 250 в 2017 году до 27 551 в 2021 году.

Таким образом, количество мелких хищений с момента введения уголовной ответственности за данное преступление неуклонно растет и по итогам 2021 года уже превысило показатель по числу разбоев, а также присвоений и растрат вместе взятых.

Анализ случаев мошенничества показывает, что их динамика также менялась волнообразно, однако некоторое снижение в 2014 и 2018 годах было незначительным при общей тенденции к росту количества данных преступлений, который особенно усилился за последние три года.

В целом же число преступлений по всем составам мошенничества в стране за исследуемый десятилетний период выросло более чем в два раза и достигло 339 606 посягательств, что составляет 16,9 % от всего количества зарегистрированных преступлений в стране.

Кроме представленных выводов о количестве и тенденциях различных видов хищений, при их анализе также необходимо учитывать и постоянно меняющиеся социальные реалии, в которых данные преступления совершаются.

В первую очередь это касается все более стремительного внедрения в повседневную жизнь граждан и производственные процессы огромного количества информации, компьютерной техники, смартфонов и других атрибутов IT-индустрии. Подавляющее большинство наших граждан все активнее используют возможности сети Интернет, которая позволя-

ет удовлетворять самый разнообразный спектр потребностей и интересов дистанционно, не выходя из дома, что в разы сокращает физические, трудовые, временные и иные затраты граждан на их получение, в том числе приобретение товаров или получение услуг со значительной финансовой выгодой за счет отсутствия посредников.

Вместе с тем представители криминального мира не могли упустить из своего внимания данные обстоятельства и также все более активно используют новинки цифровых технологий в своих преступных интересах. С помощью создания подставных фирм, сайтов-клонов, специальных программных продуктов и иных способов они очень эффективно и достаточно безопасно совершают посягательства на имущественные интересы граждан и организаций, используя их доверчивость, отсутствие элементарной грамотности в IT-сфере и, соответственно, неумение защитить себя и свои электронные устройства.

Данные обстоятельства обуславливают снижение уровня и без того крайне низкой раскрываемости таких преступлений, что еще более усугубляет ситуацию, при которой безнаказанность большинства преступлений ведет к дальнейшему их росту. Это полностью подтверждают официальные статистические данные о количестве зарегистрированных и раскрытых преступлений, свидетельствующие о том, что если в начале исследуемого периода по итогам 2012 года раскрываемость по кражам составила около 38,5 %, а по мошенничествам – около 46,9 %, то в 2021 году раскрываемость была на уровне 37,6 % и 16,6 % соответственно [3].

Дополнительный импульс дистанционным преступлениям с использованием IT-технологий придала неблагоприятная эпидемиологическая обстановка в нашей стране и во всем мире, при которой большинство граждан в условиях строгой изоляции и самоизоляции существенно ограничили контакты и посещения магазинов, перешли в основном к общению на виртуальных платформах, в том числе при совершении различных покупок и финансовых операций.

Такие факторы оказали существенное влияние на резкий рост в 2020–2021 годах числа мошеннических преступлений, краж с банковских счетов, а равно преступлений в отношении электронных денежных средств.

В результате дистанционные мошенничества и кражи с банковских счетов стали одними из самых распространенных видов посягательств, направленных против собственности. Это можно увидеть исходя из официальных статистических данных сайта МВД России, на котором информацию о количестве преступлений против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, начали публиковать отдельной строкой только с 2019 года.

Так, в 2019 году было зарегистрировано 98 798 таких краж и 136 709 мошенничеств, а по итогам 2021

года их число значительно возросло – соответственно до 156 792 случаев краж и 249 249 мошенничеств. Таким образом, кражи с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации составили в 2019 году 12,8 % от общего их количества, а в 2021 году – уже 21,4 %. Мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации составили 53,2 % в 2019 году и 73,4 % по итогам 2021 года [3].

Жертвами таких преступлений чаще всего становились жители европейской части страны и крупных городов, где имеется развитая IT-инфраструктура и, соответственно, более высокая оснащенность техническими устройствами проживающих там граждан, которые из-за слабой технической грамотности легко попадают в поле зрения мошенников.

Наглядным примером может послужить уголовное дело, возбужденное сотрудниками отдела полиции по Железнодорожному району УМВД России по городу Барнаулу по заявлению молодой жительницы столицы Алтайского края, которая поверила мошенникам и потеряла крупную сумму денег.

По словам потерпевшей, позвонивший ей незнакомец представился сотрудником службы безопасности банка и сообщил, что в данный момент злоумышленники пытаются оформить кредит на её имя. Чтобы помешать им это сделать, ей предложили самой через мобильное приложение взять кредит и разместить эти деньги якобы на безопасном счете. Таким образом, потерпевшая, следуя инструкциям мошенников, перевела им 1 345 000 рублей [4].

Разместив информацию о данном преступлении на официальном сайте ГУ МВД России по Алтайскому краю, сотрудники полиции в рамках профилактики хищений дают рекомендации не верить незнакомым людям, которые звонят по телефону.

Помимо все более широкого внедрения в повседневную жизнь граждан IT-технологий в последнее время существенное влияние на состояние преступности оказывает международная обстановка, связанная с возрастающим количеством санкций со стороны зарубежных государств в отношении нашей страны. Данные условия ведут к постоянному удорожанию иностранных товаров и услуг, дефициту запасных частей, что особенно отражается на сфере электроники и автомобилестроения. В связи с этим логично предположить, что возможен значительный рост хищений товаров, связанных с указанными сферами, особенно автомобилей иностранного производства, для последующего их разбора и продажи в виде запасных частей.

Кроме того, нельзя не учитывать, что совершаются и иные виды хищений, которые имеют место при любых социально-экономических и политических условиях и наносят обществу и государству ущерб, исчисляемый миллиардами рублей.

Так, суд Железнодорожного района города Барнаула вынес приговор по уголовному делу в отношении

руководителя коммерческой организации. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159.1 УК РФ.

В суде установлено, что в 2013–2014 годах генеральный директор ОАО «НОВАЭМ» обращался в один из коммерческих банков с заявками о получении для ведения организацией хозяйственной деятельности заемных денежных средств. При этом он предоставил сотрудникам кредитного учреждения документы, содержащие заведомо ложные и не соответствующие действительности сведения о финансово-экономическом состоянии общества для создания у работников банка видимости платежеспособности. Перечисленные кредитные денежные средства в размере более 1,7 миллиардов рублей мужчина похитил.

Суд приговорил мужчину к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 500 тысяч рублей. Также он лишен права заниматься деятельностью, связанной с осуществлением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в коммерческих организациях сроком на 3 года [5].

Данный пример дополнительно иллюстрирует определенную лояльность к преступникам со стороны государства в лице судебных органов, что не способствует уменьшению подобных деяний. Вполне вероятно, что при хорошем поведении преступник, похитивший миллиарды рублей, реально отбудет далеко не весь срок лишения свободы, а сумма штрафа при таком количестве похищенного вообще представляется для него незначительной.

Тем не менее, усилия органов власти, как на федеральном уровне, так и в регионах, направленные на профилактику рассматриваемых преступлений, уже начали давать существенные результаты, выразившиеся, как минимум, в замедлении их роста. Огромную роль в этом играют, в первую очередь, органы внутренних дел, которые совместно с заинтересованными ведомствами реализовывают весьма широкий спектр профилактических мер.

Наиболее масштабным мероприятием является комплексная профилактическая отработка жилого массива городов и иных населенных пунктов. В задачу сотрудников полиции входит стопроцентный охват населения в рамках разъяснительных бесед с вручением памяток о способах действий мошенников и о том, как обезопасить себя от таких действий. Для этих целей осуществляются обходы квартир и домовладений, встречи с гражданами совместно с представителями управляющих компаний, руководством трудовых коллективов и образовательных организаций.

Кроме того, профилактическая информация регулярно размещается на сайтах государственных и муниципальных органов, в зданиях многофункциональных центров, маршрутах общественного транспорта. В средствах массовой информации регулярно публикуются статьи и видеоролики. Сотрудники и руководители органов власти и правоохранительных органов выступают с информацией профилактиче-

ского характера в эфире федеральных и региональных телекомпаний.

В уточненном годовом отчете МВД России о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2021 год отмечено, что с целью снижения IT-преступности усилена профилактическая работа. В средствах массовой информации и на ведомственных интернет-ресурсах размещен цикл мультимедийных материалов по профилактике преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Приняты меры по информированию граждан о способах защиты от данных видов преступлений.

В отчетном году дан старт новому проекту «Предупрежден – значит вооружен», в различных форматах информирующему о преступлениях, совершаемых с использованием высоких технологий, конкретных примерах и методах профилактики кибермошенничества. На сайте МВД России размещен видеоролик, в котором официальный представитель МВД России подробно рассказывает о приемах аферистов, использующих IT-технологии, а также о том, как не стать жертвой обмана [6].

Обобщая сказанное, на основе проведенного анализа количественных показателей и практики предупреждения хищений можно констатировать, что группа рассматриваемых преступлений по-прежнему остается самой значительной по объему в общей структуре преступности страны. Вместе с тем исследование динамики отдельных составов хищений показывает явные тенденции их изменений, на которые необходимо обратить самое пристальное внимание при планировании и реализации профилактических мероприятий, так как именно такого рода аналитическая информация позволяет составить краткосрочные и среднесрочные прогнозы развития криминальной ситуации, которые и должны лежать в основе планирования по ее корректировке в желаемую сторону.

В этой связи очевидно, что при имеющихся в распоряжении органов власти и органов внутренних дел страны ресурсах по противодействию преступным посягательствам, связанным с совершением хищений чужого имущества, необходимо осуществить перераспределение и оптимизацию данных ресурсов в соответствии со сложившейся криминальной ситуацией в сторону усиления профилактической работы, направленной на снижение количества мошеннических посягательств. Однако совершенно логично, что такая оптимизация должна быть проведена без ущерба для профилактики по другим составам хищений, количество которых, как уже указывалось, продолжает оставаться достаточно значительным.

Список источников

1. Абызов Р. М. Региональная криминология: учебник. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. 416 с.

2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2021 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2022. 78 с.

3. Состояние преступности [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 04.05.2022).

4. Жительница Барнаула оформила на себя кредит и перевела мошенникам более миллиона рублей. URL: <https://22.мвд.рф/news/19> (дата обращения: 07.06.2022).

5. Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края. Дело № 1-5/2022.

6. Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2021 год [Электронный ресурс]. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/3513820> (дата обращения: 27.05.2022).

References

1. Abyzov R. M. Regional criminology: textbook. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 416 p.

2. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation in 2021 and expected trends in its development: an analytical review. M.: VNII MVD of Russia, 2022. 78 p.

3. The state of crime // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: site. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (date of access: 05/04/2022).

4. A resident of Barnaul took out a loan and transferred more than a million rubles to scammers // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: site. URL: <https://22.mvd.rf/news/19> (date of access: 06/07/2022).

5. Archive of the Zheleznodorozhny District Court of Barnaul, Altai Territory. Case No. 1-5/2022.

6. Ensuring public order and combating crime: updated annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program for 2021. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/3513820> (date of access: 05/27/2022).

Информация об авторе

Федоров Александр Федорович – кандидат педагогических наук, доцент

Information about the authors

Fedorov Alexander F. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 08.06.2022; одобрена после рецензирования 24.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 08.06.2022; approved after reviewing 24.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Некоторые аспекты деятельности органов милиции Свердловской области в послевоенный восстановительный период (1945–1953 гг.)

Чашников Всеволод Александрович

**Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия, v.a.chashnikov@usla.ru**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов деятельности органов милиции Свердловской области в период после окончания Великой Отечественной войны. В послевоенные годы количество функций, выполняемых сотрудниками милиции, сократилось: отпала необходимость обеспечения комендантского часа в местностях, объявленных на военном положении, ведения борьбы с военным дезертирством, участия милицеских подразделений в боевых действиях, организации деятельности истребительных батальонов. Автор статьи приводит примеры, характеризующие направления деятельности органов милиции Свердловской области по борьбе с преступностью и обеспечению общественного порядка в послевоенный восстановительный период, используя обширный материал Центра документации общественных организаций Свердловской области.

Ключевые слова: преступность, борьба с преступностью, безопасность, общественная безопасность, милиция, сотрудники милиции, правопорядок, общественный порядок

Для цитирования: Чашников В. А. Некоторые аспекты деятельности органов милиции Свердловской области в послевоенный восстановительный период (1945–1953 гг.) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 149–153.

Original article

Some aspects of the activities of the militia of the Sverdlovsk region in the post-war recovery period (1945–1953)

Chashnikov Vsevolod A.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, v.a.chashnikov@usla.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of certain aspects of the activities of the police of the Sverdlovsk region in the period after the end of the Great Patriotic War. In the post-war years, the number of functions performed by police officers decreased: there was no need to ensure curfews in areas declared under martial law, to combat military desertion, the participation of police units in combat operations, the organization of the activities of fighter battalions. The author of the article gives examples characterizing the activities of the police of the Sverdlovsk region to combat crime and ensure public order in the post-war recovery period, using extensive material from the Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk region.

Keywords: crime, fighting crime, security, public safety, police, police officers, law and order, public order

For citation: Chashnikov V. A. Some aspects of the activities of the militia of the Sverdlovsk region in the post-war recovery period (1945–1953) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 149–153.

История советских органов внутренних дел уникальна. Становление советской милиции происходило методом проб и ошибок, что было закономерной платой за отказ от накопленного опыта предшественников. Тем не менее новшества и попытки модернизации правоохранительной системы дали мощный импульс к развитию советской милиции, получившей массовую поддержку от населения, которой так не хватало российской полиции в досоветский период. Пройдя суровые испытания в период Великой Отечественной войны, советские органы внутренних дел приобрели новый опыт, но при этом понесли серьезные потери. Дальнейшая эволюция советской правоохранительной системы, безусловно, была связана с социально-экономическими и политическими процессами в послевоенном СССР.

С окончанием Великой Отечественной войны начался новый этап в развитии советской милиции. Необходимо было восстановить разрушенное войной народное хозяйство, но при этом обеспечить общественную безопасность на территории всей страны.

Особую роль в системе правоохранительных органов в послевоенный период выполнял Народный комиссариат внутренних дел СССР (далее – НКВД). Эффективное решение задач по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности требовало четкого построения всей системы органов милиции и строжайшего распределения компетенции между отдельными звеньями этой системы [3, с. 69].

В 1946 г. НКВД был преобразован в Министерство внутренних дел (далее – МВД), в состав которого вошло Главное управление милиции (далее – ГУМ) [7, с. 28; 8, с. 134].

В октябре 1949 г. милиция была передана из МВД СССР в Министерство государственной безопасности СССР (далее – МГБ). В августе 1950 г. ГУМ объединяло три управления: милицейской службы, по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, уголовного сыска [4, с. 72].

Изменения в структуре центрального аппарата НКВД – МВД – МГБ СССР в 1946–1950-х гг. не привели к серьезным переменам в работе органов милиции Свердловской области. Ряд функций, характерных для военного времени (организация деятельности истребительных батальонов, размещение имущества эвакуированных промышленных предприятий, учреждений и обустройство населения, оказание содействия в привлечении граждан к трудовой повинности, проведении военно-квартирной обязанности и автогужевой повинности, изъятии транспортных средств у государственных, общественных организаций и отдельных граждан и т. д.), потеряли свою актуальность.

Рост числа преступлений и правонарушений на территории Свердловской области в послевоенный период был обусловлен следующими факторами:

1) массовая эвакуация промышленных предприятий на Урал;

2) перемещение огромных масс людей в порядке эвакуации и реэвакуации, среди которых имелись лица и с уголовным прошлым;

3) усложнение работы транспортной системы страны;

4) существование карточной системы распределения продуктов питания и промышленных товаров, проблема снабжения продовольствием и промышленными товарами;

5) увеличение детской беспризорности и безнадзорности;

6) проникновение уголовного элемента в торговые и промышленные организации;

7) разруха и неустроенность послевоенного восстановительного периода и другие.

В связи с этим основные усилия сотрудников милиции Свердловской области были направлены на улучшение работы по охране общественного порядка, борьбу с уголовной преступностью и расхитителями социалистической собственности.

В качестве примера можно привести некоторые данные из ежеквартальных докладов начальника Управления милиции Свердловской области о политико-моральном состоянии, служебной дисциплине личного состава в партийно-политической работе, которые представляют собой важный источник информации, формирующий представления о сложностях работы сотрудников милиции Урала в послевоенный восстановительный период.

Так, в докладе за четвертый квартал 1950 г. отмечается, что в Ачитском, Березовском, Билимбаевском, Висимском, Исовском, Нижне-Сергинском, Сухоложском и других горрайорганах милиции Свердловской области добились снижения уголовной преступности и повышения раскрываемости совершенных преступлений. Несмотря на принятые меры по улучшению работы органов милиции, уголовная преступность в четвертом квартале 1950 г. по сравнению с третьим кварталом 1950 г. возросла с 748 до 801, т. е. более 7 %. Общая раскрываемость преступлений в четвертом квартале 1950 г. составляла 86,3 %, против 88 % в третьем квартале 1950 г.

По линии Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (далее – ОБХСС) всего по Свердловской области в четвертом квартале 1950 г. было возбуждено 450 уголовных дел, против 444 в третьем квартале 1950 г., по которым привлечено к уголовной ответственности 637 человек, из них арестовано 161 [1, л. 3].

Тем не менее улучшения в работе органов милиции Свердловской области стали наблюдаться уже в первом квартале 1951 г. Так, преступность по сравнению с четвертым кварталом 1950 г. снизилась на 4,6 %. Раскрываемость преступлений соответственно повысилась с 86 до 90 %. Кроме того, в первом квартале 1951 г. было раскрыто 57 ранее совершенных преступлений [1, л. 21].

В послевоенные годы аппарат милиции стал более активно бороться со спекуляцией и хищениями

[2, с. 52; 6, с. 141]. Только в первом квартале 1951 г. аппаратом ОБХСС Свердловской области было возбуждено 521 дело или на 71 дело больше, чем в четвертом квартале 1951 г. Причем почти 70 % всех дел было раскрыто по оперативным данным. Например, заместитель начальника первого отделения ОБХСС Областного управления милиции коммунист Морозов «благодаря умелой организации оперативной работы и настойчивости вскрыл хищническую группу в Нижне-Салдинском Райпо». По этому делу к уголовной ответственности было привлечено 25 человек.

Другой яркий пример: старший сыщик седьмого отделения милиции города Нижнего Тагила коммунист товарищ Крепин 12 марта 1951 г. получил задание раскрыть кражу, совершенную в магазине Госторга. Изучив обстановку, Крепин вскоре нашел похищенные вещи и на месте их нахождения устроил засаду. Просидев в засаде более двух суток (беспрерывно), задержал преступников, пришедших за краденным, и доставил их в отделение. Задержанные в краже признались [1, л. 21].

Начальник Управления милиции Свердловской области в докладе за первый квартал 1951 г. отмечает, что уголовная преступность на территории Свердловской области считается высокой и особенно неблагоприятно дело обстоит с хулиганством. Если такие тяжкие преступления, как убийства, грабежи, значительно сократились, то хулиганство резко возросло. Мало предупреждается и пресекается преступлений. Имеются серьезные недостатки в работе по борьбе с хищениями социалистической собственности, слабо поддерживается паспортный режим. Имеются факты волокиты в расследовании жалоб и заявлений граждан.

Некоторые начальники органов милиции проявляют исключительную медлительность в перестройке работы и не принимают исчерпывающих мер к улучшению деятельности аппарата. Проверкой работы Исовского РОМ выявлено, что начальник милиции майор милиции Викулов вместо перестройки работы встал на антигосударственный путь очковитательства, оперативную работу запустил. К аппарату райотделения требования не предъявлял, вследствие чего отдельные работники нарушали дисциплину и своим поведением дискредитировали органы милиции. Приказом начальника УМГБ Викулов снят с работы и понижен в должности [1, л. 22].

В докладе за второй квартал 1951 г. начальник Управления милиции Свердловской области сообщает о снижении уголовной преступности на 1,6 %. При этом отмечает, что число предупрежденных преступлений возросло на 3,4 %, а пресеченных – на 3 %. В 24 органах милиции Свердловской области обеспечена стопроцентная раскрываемость. Розыск преступников по области во втором квартале 1951 г. составил 21,3 %, неплательщиков алиментов – 28 %, труддезертиров – 38,7 % [1, л. 41].

Доклад содержит большое количество положительных примеров деятельности сотрудников мили-

ции во втором квартале 1951 г. Так, 24 июля 1951 г. милиционер Краснотурьинского горотдела Лапшов, будучи в патрулировании по городу, задержал граждан Артемьева и Мясникова и при помощи бригады милицев доставил их в горотдел. При проверке оказалось, что Артемьев и Мясников только что совершили грабеж Еремина и пытались скрыться.

Другие примеры, 8 апреля 1951 г. в городе Красноуральске неизвестными лицами был убит рабочий завода Тимофеев. На место преступления по раскрытию убийства был командирован старший сыщик ОУС УМ лейтенант милиции Кабанов. Благодаря умелой организации оперативных мероприятий, проявленной инициативе и настойчивости, Кабанов установил и задержал преступника [1, л. 42]. Милиционер Нижне-Тагильского Горуправления милиции Коротков, будучи на посту, ночью заметил проходившего гражданина с вещами. Коротков задержал его и доставил в отделение. При проверке оказалось, что задержанный только что совершил квартирную кражу у граждан Горшкова и Бахтина [1, л. 22].

Вместе с тем в докладе отмечается, что политикоморальное состояние личного состава и дисциплина во многих подразделениях милиции Свердловской области остаются неудовлетворительными. Основным видом проступков остаются факты пьянства.

Пьянство, являясь самым распространенным видом проступков, выступает одной из главных причин нарушения дисциплины и во всех остальных случаях. На почве пьянства отдельные работники злоупотребляют своим служебным положением, разлагаются в быту, теряют бдительность, халатно относятся к исполнению служебных обязанностей.

Например, милиционер 7 отделения милиции города Нижнего Тагила Шушаков, будучи пьяным, задержал на улице гражданина Исакова, у которого незаконно произвел обыск и отобрал 250 рублей. Шушаков передан суду Военного трибунала. Участковый уполномоченный Бисерстского РОМ Ишплатов был направлен на задержание хулиганов. Придя на место, хулиганы ему предложили выпить, на что Ишплатов согласился, вместе с ними напился и задание не выполнил. Ишплатов подвергнут аресту на 20 суток [1, л. 43].

Милиционер Краснотурьинского ГОМ Репин, 1928 года рождения, образование 7 классов, член ВЛКСМ, в органах милиции работает с 1950 г., будучи в столовой в нетрезвом состоянии, в форме, проявлял грубость к отдельным гражданам. Позднее зашел в комнату техники Дьяченковой и вел себя крайне непристойно. За что был наказан в дисциплинарном порядке – трое суток ареста [1, л. 65].

Во втором квартале 1951 г. отмечались факты нарушения работниками милиции Свердловской области советской законности и незаконного применения огнестрельного оружия. Так, участковый уполномоченный третьего городского отделения милиции Нижнетагильского Горуправления милиции Овчинников будучи в пьяном состоянии, 19 августа 1951 г. на

улице задержал гражданина Балабашева, заподозрив его в хулиганстве, совершенном в рабочем клубе. Балабашев, убедившись в неправильных действиях Овчинникова, пытался от него уйти, но Овчинников, не отпускал. В результате чего завязалась борьба, во время которой Овчинников произвел три бесцельных выстрела, а четвертым – смертельно ранил Балабашева. Овчинников осужден судом военного трибунала [1, л. 65].

По мнению В. Н. Мамяченкова, кадровый состав милиции Свердловской области в послевоенные годы был далеко не образцовым: в ее рядах имелось немало людей, не соответствующих занимаемым ими должностям. ... Однако далеко не все милиционеры пьянствовали и пренебрегали своими обязанностями [5, с. 84–86].

Факты нарушения дисциплины со стороны сотрудников милиции сурово пресекались, обсуждались на собраниях политотделов и не скрывались от личного состава. Можно с уверенностью заявить, что в данный период органы внутренних дел Свердловской области успешно справлялись с возложенными на них обязанностями, впоследствии способствующими формированию в общественном сознании образа советского милиционера как определенного идеала, отражающего духовно-экзистенциальные качества защитника правопорядка.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Структура органов милиции Свердловской области в послевоенные годы не претерпела серьезных изменений, во многом сохранив организационные формы военных лет.

2. В послевоенные годы количество функций, выполняемых органами милиции Свердловской области, сократилось: отпала необходимость ведения борьбы с военным дезертирством, организации деятельности истребительных батальонов, размещении имущества эвакуированных промышленных предприятий, учреждений, обеспечении мер противозащитной обороны.

3. Борьба с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности, обеспечение общественного порядка и личной безопасности граждан, организация проведения паспортной системы, обеспечение изоляции преступников и их трудовое использование, борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью являлись основными направлениями деятельности органов милиции Свердловской области в послевоенный восстановительный период.

Список источников

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 49. Д. 131.
2. Гребенщикова И. В. Борьба правоохранительных органов со спекуляцией на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере Челябинской области) // Теория и практика мировой науки. 2021. № 10. С. 47–52.

3. Исторический опыт участия органов и войск НКВД – МГБ – МВД СССР в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности (1939–1960 гг.): монография. М.: Ред. журнала «На боевом посту», 2019. 120 с.

4. Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД-МВД СССР (1934–1956 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 71–78.

5. Мамяченков В. Н. Моральное состояние и служебная дисциплина работников советской милиции в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (по архивным материалам Свердловской области) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 4. С. 82–86.

6. Мамяченков В. Н. Экономическая преступность на среднем Урале в первые послевоенные годы (1946–1948 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2(62). С. 136–141.

7. Упоров И. В. НКВД – МВД СССР в послевоенное время (1945–1953 гг.): особенности организационного строения // Оригинальные исследования. 2021. Т. 11. № 2. С. 28–33.

8. Упоров И. В. Структурные преобразования Наркомата внутренних дел СССР в послевоенное время // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2019. № 2-3 (82-83). С. 133–140.

Reference

1. Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (TsDOOSO). F. 4. Op. 49. D. 131.
2. Grebenshchikova I. V. The struggle of law enforcement agencies against speculation in the Urals during the Great Patriotic War (1941–1945) (on the example of the Chelyabinsk region) // Theory and practice of world science. 2021. No. 10. P. 47–52.
3. The historical experience of the participation of bodies and troops of the NKVD - the MGB - the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the protection of public order and public security (1939–1960): monograph. M.: Red. magazine "On a combat post", 2019. 120 p.
4. Kuzminykh A. L. The evolution of the NKVD-MVD system of the USSR (1934–1956) // Bulletin of the institute: crime, punishment, correction. 2010. No. 10. S. 71–78.
5. Mamyachenkov V. N. The moral state and service discipline of the workers of the Soviet police in the late 1940s - early 1950s. (based on archival materials of the Sverdlovsk region) // Electronic supplement to the Russian legal journal. 2019. No. 4. P. 82–86.
6. Mamyachenkov V. N. Economic crime in the middle Urals in the first post-war years (1946–1948) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2015. No. 12-2 (62). pp. 136–141.
7. Uporov I. V. NKVD - Ministry of Internal Affairs of the USSR in the post-war period (1945–1953): features of the

organizational structure // Original research. 2021. V. 11. No. 2. S. 28–33.

8. Uporov IV Structural transformations of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR in the post-war period // Economics. Right. Seal. Bulletin of KSEI. 2019. No. 2-3 (82-83). pp. 133–140.

Информация об авторе

Чашников Всеволод Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Chashnikov Vsevolod A. – Candidate of Law, Assistant professor

Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 16.09.2022.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 343.9.02

Особенности установления признаков специального субъекта состава преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации

Масленникова Татьяна Васильевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, tanyamaslennikova7@list.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специального субъекта состава преступления, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Проанализированы точки зрения ученых по поводу того, кого следует относить к лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии. Сформулированы предложения по применению ст. 210¹ УК РФ, которые направлены на установление единого подхода к содержанию признаков состава рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: организованная преступность, высшее положение, преступная иерархия, «вор в законе», субъект преступления

Для цитирования: Масленникова Т. В. Особенности установления признаков специального субъекта состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 154–158.

Original article

Features of establishing the content of a special subject of the corpus delicti provided for in Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation

Maslennikova Tatyana V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
tanyamaslennikova7@list.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of a special subject of the corpus delicti provided for in Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy». The points of view of scientists about who should be attributed to the person occupying the highest position in the criminal hierarchy are analyzed. The proposals on the application of Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation are formulated, which are aimed at establishing a unified approach to the content of the signs of the composition of the crime under consideration.

Keywords: organized crime, higher status, criminal hierarchy, «thief in law», subject of crime

For citation: Maslennikova T. V. Features of establishing the content of a special subject of the corpus delicti provided for in Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 154–158.

Организованная преступность представляет одну из наиболее серьезных проблем постиндустриального общества. Её количественная характеристика демонстрирует высокий прирост противоправных деяний, а качественная составляющая ежедневно эволюционирует, разрабатываются всё новые способы внедрения незаконной деятельности в различные сферы функционирования социума. Так, анализируя статистические данные социально-криминологической характеристики преступности на территории России, можно отметить, что значительный скачок организованной преступности приходится на 2021 год, когда в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) было совершено 22 172 преступления, что на 25,1 % больше в сравнении с 2020 годом. Неутешительные данные представлены и за период с января по июль 2022 года. В указанный временной промежуток было выявлено 18 264 противоправных деяния, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), что на 27,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Процентное увеличение количества преступлений, составляющее более $\frac{1}{4}$, позволяет сделать вывод о возникновении реальных проблем на поприще борьбы с одним из наиболее опасных социальных явлений современности.

Проникновение организованной преступности во все сферы жизнедеятельности представляет значительную опасность как для граждан, так и для страны в целом. Оказывая существенное влияние на государство, организованная преступность в большей степени провоцирует экономическую, идеологическую и суверенную нестабильность. Особенную роль в деятельности преступных формирований играют лидеры криминального сообщества. Помимо руководящих функций, высокопоставленные лица в преступной иерархии занимаются обеспечением существования преступного мира. Их деятельность выражается во взаимодействии с коррумпированными представителями властных органов для облегчения незаконного промысла той или иной преступной организации, в выборе форм и методов осуществления противоправной активности, в вовлечении новых участников в преступное сообщество, в оказании финансовой поддержки лицам, отбывающим наказание, а также в решении повседневных вопросов, возникающих как в ходе реализации преступного умысла, так и в обыденной деятельности приближенных к «криминальному авторитету» лиц.

Выполняя все эти функции, высшие лица в преступной среде долгое время чувствовали себя безнаказанно, поскольку привлечение их к уголовной ответственности не всегда представлялось возможным. Законодатель старался ограничить воздействие «воров в законе» на уголовное сообщество путем введения в 2009 году ч. 4 ст. 210 УК РФ, однако данная норма в силу своей обязательной привязанности к совершению какого-либо преступления не принесла должных

результатов и не смогла в полной мере обеспечить изоляцию реального организатора и руководителя преступного формирования.

В рамках продолжающейся борьбы с организованной преступностью законодателем была сформулирована новая норма, предусматривающая уголовную ответственность уже не за перечень общественно опасных деяний, а за статус лица. Таким образом, в апреле 2019 г. Федеральным законом № 46 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» были внесены коррективы в положения статьи 210 УК РФ, а также включена статья 210¹ УК РФ, предполагающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Появление нового состава преступления обуславливается потребностью в пресечении оказания влияния преступного лидера на криминальное общество. Кроме того, авторитеты преступного мира вторгаются в социальные вопросы правопослушных граждан, выступая в роли разрешительного органа. Также берется во внимание и высокая общественная опасность личности преступника, так как в отличие от обычного правонарушителя, который преследует цель остаться незамеченным, скрыться от внимания общества и властных структур, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, противопоставляет себя окружающему его социальному порядку.

Стоит сказать и о том, что установление ответственности за наличие авторитета в преступном мире не является новеллой в международной практике. Так, еще в 2005 г. в Уголовном кодексе Грузии появилась норма, предусматривающая ответственность за «членство в воровском обществе, пребывание лица в положении "вора в законе"» [1]. В соответствии с ч. 2 ст. 223.1 УК Грузии пребывание лица в положении «вора в законе» подлежит уголовному наказанию.

Практика применения в нашей стране аналогичной статьи 210¹ УК РФ также существует. Несмотря на появление нормы в 2019 году, первый приговор был вынесен только спустя год её существования. К уголовной ответственности сроком на 11 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 2 года был приговорен «вор в законе» Шалва Озманов (Кусо). Доказательством виновности Озманова послужили имеющиеся на его теле перманентные рисунки в виде пистолетов на груди, восьмиконечных звезд на коленях и ключицах, крестов и пауков, эполета на плече. Специалисты, проводившие культурологическую экспертизу, принесли данные изображения к символике «воровского общества». Также в ходе допроса свидетелей из числа сотрудников правоохранительных органов, осведомленных о структурной организации криминального мира, было получено подтверждающее мнение о возможности нанесения подобных татуировок только лидерами «тюремной касты». Помимо этого, сторона обвинения в материалах уголовного дела ссылается

на наличие так называемого «воровского прогона», который был передан в следственный изолятор, где находился Кусо. Обнаруженная записка сообщала о прибытии «вора в законе» на территорию исправительного учреждения, а также указывалось на беспрекословное подчинение его распоряжениям. Данное письмо, по словам сотрудника службы исполнения наказания, было адресовано как заключенным, так и работникам пенитенциарного учреждения, поскольку Шалва Озманов мог спровоцировать массовые акции не только в месте своего пребывания, но и в пределах других регионов России.

Данный пример является не единственным случаем привлечения к ответственности лиц, обладающих властными полномочиями в уголовной среде. Согласно судебной статистике РФ за 2021 год к лишению свободы по ст. 210¹ УК РФ было приговорено 8 человек.

Имеющийся практический опыт применения данной статьи довольно скромнен. Причиной этому может служить представленная законодателем формулировка нормы, которая вызывает оживленные дискуссии как в научном сообществе, так и среди правоприменителей. Одним из спорных является вопрос о содержании признаков субъекта рассматриваемого состава преступления, а точнее о том, кого именно следует подразумевать под «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии».

По этому поводу В. С. Ишигеев и В. Л. Лапша отмечали, что с введением новой статьи на законодательном уровне было признано существование таких понятий, как «преступная иерархия», а также лицо, обладающее особым статусом и занимающее высокое положение в криминальной структуре. Такое заключение позволило признать их специальными субъектами нового состава преступления, наделенными весьма специфическими признаками [2].

Субъект преступления ст. 210¹ УК РФ специальный, т. е. физическое вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет и занимающее высшее положение в преступной иерархии.

В. Г. Степанов-Егиянц, рассматривая положительные аспекты появления новой статьи, в своем исследовании отмечал отсутствие необходимости установления факта управления преступным сообществом лицом, которое имеет высшее положение в преступной иерархии, что требовалось для вменения ч. 4 ст. 210 УК РФ. Тем самым, для реализации ст. 210¹ УК РФ достаточно доказательства того, что преследуемое лицо является не рядовым преступником, а лидером «воровского» мира. В результате у судов появляется реальная возможность привлекать к уголовной ответственности индивида, который возложил на себя такие полномочия в иерархии преступного мира, «за одно звание, имидж, должность преступного лидера» [3].

Представляется, что данная позиция полностью поддерживает основную идею введения анализируемой статьи, так как цель её создания заключается в формировании такого аппарата уголовного регули-

рования, который сможет воздействовать на лицо, имеющее авторитетное мнение в преступном мире и способное управлять не только преступным сообществом, а осуществлять руководство и контроль за нелегальной деятельностью в уголовном обществе в целом.

Подтверждением вышесказанного является и текст пояснительной записки к законопроекту «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)», в котором указывалось, что «лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность» [4].

Однако существует и обратная сторона такого подхода к построению уголовно-правовой нормы. Полное транслирование названия статьи в её диспозиции привело к отсутствию понимания среди практических сотрудников признаков субъекта состава преступления. Помимо этого, в теории уголовного права также не сложилось единого представления о сущности понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» относительно ст. 210¹ УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» в п. 24 даны пояснения применительно к ч. 4 ст. 210 УК РФ о том, какие обстоятельства могут свидетельствовать об авторитете и лидерстве лица в преступной иерархии. Указанные разъяснения сформулированы с акцентом на состав упомянутой статьи, поэтому не совсем подходят для применения в контексте ст. 210¹ УК РФ. Однако можно выделить некоторые признаки, которые характеризуют лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. К ним следует отнести контролирование взаимодействия преступных формирований; развитие коммуникаций между членами «воровского» сообщества; осуществление распределения преступного влияния и нелегальных доходов, а также совершение иных действий, подтверждающих престиж и властность лица в уголовном обществе.

Описанные положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в свою очередь, не позволяют сделать категоричный вывод о признаках, которыми должен обладать субъект состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. В связи с этим в юридической литературе встречаются различные подходы к пониманию характеристики лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Первое упоминание о криминальном авторитете как о субъекте состава преступления относится к 2009 году, к моменту появления ч. 4 ст. 210 УК РФ [5]. За прошедшее время в научном сообществе довольно часто поднимался вопрос об оценочном характере введенного понятия, его абстрактности и отсутствии его толкования в нормативно-правовой базе. Специалисты в области юриспруденции неоднократно рекомендовали дополнить вышеуказанное постановление положениями, разъясняющими содержание признаков субъекта и конкретизирующими условия признания того или иного субъекта лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Однако в научном обществе существуют различия во мнениях исследователей относительно того, кого именно следует относить к рассматриваемой категории лиц.

Так, А. Мондохонов считает, что предложенная законодателем формулировка должна охватывать «воров в законе», а также криминальных лидеров организованных преступных объединений, не относящихся к «воровской среде» [6].

Исходя из данной позиции, к лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии, можно отнести не только «воров в законе», но и иные категории преступных авторитетов, которые ввиду наличия соответствующего статуса могут оказывать негативное воздействие как на преступный контингент, так и на законопослушных граждан.

К. А. Максимова придерживается другой точки зрения. По её мнению, субъектом состава преступления в ст. 210¹ УК РФ следует считать исключительно «воров в законе». Остальных лиц, среди которых на «тюремном» жаргоне принято выделять «положенцев», «смотрящих» и любых лидеров преступной среды, не следует приравнять к «ворам в законе» [7].

Подобной теории придерживается и А. Я. Гришко. Он также настаивает на том, что только «вор в законе» должен быть отнесен к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, поскольку этот статус является пожизненным и присваивается в особом порядке, носитель такого статуса впоследствии сам заявляет его, тогда как другие статусы («смотрящего», «положенца») лица получают от «вора в законе» [8].

Действительно, изучение «воровского» уклада жизни и структурных ветвей преступной иерархии позволяет сделать вывод о том, что главенствующее место в криминальном мире занимает «вор в законе». Достижение этого статуса означает обладание непоколебимым авторитетом среди представителей преступного контингента. Поскольку такое лицо осуществляет деятельность по жизнеобеспечению на территории своего влияния, его назначение происходит путем собирания «воровской сходки», состоящей из уже признанных «воров в законе», которые по результатам голосования «коронуют» выдвигаемую кандидатуру.

Следующим звеном в преступной иерархии считается «положенец», «смотрящий». Данное лицо, безусловно, занимает высокое место, так как в его ведении оказываются как небольшие формирования или организации, так и целые города. Главной особенностью является то, что его назначение возможно не только «воровской сходкой», но и «вором в законе» единолично. Данный аспект указывает на неравенство рассматриваемых категорий и наличие между ними вертикальной подчиненности.

Говорить об идентичности представленных категорий криминальных лидеров не приходится, поскольку они имеют различный уровень общественной опасности. Соответственно, отнесение их к одному виду специального субъекта преступления нелогично. Но и отрицать причастность «положенцев» и «смотрящих» к элите преступной иерархии не стоит. Тем более, сложившаяся практика применения положений ст. 210¹ УК РФ показывает, что к уголовной ответственности по рассматриваемой норме привлекаются не только «воры в законе», но и «смотрящие» и «положенцы» [9].

В контексте данного вопроса целесообразно рассмотреть значение термина «высший» относительно положения лица. Толковый словарь русского языка раскрывает значение этого слова: «представляющий самую высокую ступень», «самый главный», «наиболее сложный и развитой по сравнению с предшествующим» [10], следовательно, законодатель говорит о наличии многоуровневой структурной организации, выстроенной по вертикали, где субъект рассматриваемой статьи занимает самое верхнее положение. Исходя из этого, наивысшую ступень в преступной иерархии занимает «вор в законе», следовательно, уголовная ответственность за статус «положенца» или «смотрящего» по данной статье наступать не может.

Изложенное говорит о том, что в теории уголовного права возникает существенная потребность в выработке и закреплении дефиниции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. В настоящее время этим занимается суд, который, исходя из представленных доказательств, принимает решение о соответствии или несоответствии индивиду инкриминируемому ему статусу. Разъяснение признаков лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, необходимо реализовать в качестве примечаний к исследуемой статье либо в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

1. Об организованной преступности и рэке: Закон Грузии от 20 декабря 2005 г. № 2354 // Законодательный вестник Грузии: сайт. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1> (дата обращения: 13.09.2022).
2. Агапов П. В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего поло-

жения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3. С. 50–54.

3. Степанов-Егиянц В. Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57–61.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

6. Мондохонов А. Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 4. С. 23–27.

7. Максимова К. А. К вопросу о содержании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого законодателем в ч. 4 ст. 210 УК РФ // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых: сб. ст., посвященный 20-летию Алтайской академии экономики и права. Барнаул, 2013. С. 75–81.

8. Гришко А. Я. Уголовная ответственность лидеров преступного мира: вопросы реализации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 46–51.

9. Банк судебных решений: сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru>.

10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Электрон. версия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/775566>.

References

1. On organized crime and racketeering: Law of Georgia dated December 20, 2005 No. 2354 // Legislative Bulletin of Georgia: website. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1> (date of access: 09/13/2022).

2. Agapov P. V. Topical issues of the implementation of criminal liability for occupying a higher position in the criminal hierarchy // Law and order: history, theory, practice. 2021. No. 3. P. 50–54.

3. Stepanov-Egiyants V. G. On the issue of criminalization of occupation by a person of the highest position in the criminal hierarchy // Russian investigator. 2019. No. 5. P. 57–61.

4. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of combating organized crime: Federal Law of April 1, 2019 No. 46-FZ // ConsultantPlus: website. URL: <https://www.consultant.ru>

5. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 100 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law of November 3, 2009 No. 245-FZ // ConsultantPlus: site. URL: <https://www.consultant.ru>

6. Mondokhonov A. N. Features of the criminal law status of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy // Bulletin of the Buryat State University. 2013. No. 4. S. 23–27.

7. Maksimova K. A. To the question of the content of the concept “a person occupying the highest position in the criminal hierarchy”, used by the legislator in Part 4 of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation // Questions of legal science: the view of young scientists: Sat. Art., dedicated to the 20th anniversary of the Altai Academy of Economics and Law. Barnaul, 2013, pp. 75–81.

8. Grishko A. Ya. Criminal liability of the leaders of the criminal world: issues of implementation // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. P. 46–51.

9. Bank of judgments: site. URL: <https://www.vsrfr.ru>.

10. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. D. N. Ushakova. Electron. version. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/775566>.

Библиографический список

Александров, Ю. К. Очерки криминальной субкультуры / Ю. К. Александров. – Москва : Права человека, 2001. – 152 с.

Bibliographic list

Alexandrov, Yu. K. Essays of criminal subculture / Yu. Alexandrov. – M. : Human Rights, 2001. – 152 p.

Статья поступила в редакцию 11.08.2022; одобрена после рецензирования 11.09.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 11.09.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 343.2/7

Вопросы уголовной ответственности за преступления в отношении особо охраняемых диких животных

Петрова Татьяна Михайловна
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, tatyasalniko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемы уголовной ответственности за преступления против особо охраняемых видов диких животных. Отсутствие системности и дифференциации ответственности по таким преступлениям на законодательном уровне способствует возникновению разногласий в теории, а также проблем квалификации преступлений на практике. Автор анализирует вопросы криминализации преступлений в отношении редких видов животных. В целях правильной квалификации деяний предложено введение в уголовно-правовое поле нового понятия – браконьерство.

По итогам изложенного материала аргументированы выводы по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: незаконная охота, охотничьи ресурсы, браконьерство, уголовная ответственность, преступления, особо охраняемые биоресурсы, Красная книга, особо ценные дикие животные, квалификация преступных посягательств

Для цитирования: Петрова Т. М. Вопросы уголовной ответственности за преступления в отношении особо охраняемых диких животных // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 159–165.

Original article

Problems of the criminalization of poaching in relation to specially protected wild animals

Petrova Tatyana M.
St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, tatyasalniko@yandex.ru

Abstract. The article deals with some problems of criminal liability for crimes against specially protected species of wild animals. The lack of consistency and differentiation of responsibility for such crimes at the legislative level contributes to the emergence of disagreements in theory, as well as problems of qualifying crimes in practice. The author analyzes the issues of criminalization of crimes against rare species of animals. In order to properly qualify the acts, it is proposed to introduce a new concept into the criminal law field - poaching.

Based on the results of the material presented, the conclusions on the improvement of criminal legislation and law enforcement practice are argued.

Keywords: illegal hunting, hunting resources, poaching, criminal liability for crimes against specially protected biological resources, the Red Book, especially valuable wild animals, qualification of criminal encroachments

For citation: Petrova T. M. Problems of the criminalization of poaching in relation to specially protected wild animals // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 159–165.

Проблема сохранения многообразия животного и растительного мира, особенно видов, находящихся под угрозой уничтожения, является одной из самых актуальных на сегодняшний день. На протяжении длительного времени браконьерство (или незаконная охота) в нашей стране признается наиболее рас-

пространенным преступлением в экологической сфере. При этом самым действенным и в то же время крайним способом защиты представителей дикой флоры и фауны от преступных посягательств выступают средства уголовно-правового воздействия.

Вопросы правовой охраны животного мира являются предметом исследования в работах многих теоретиков уголовного права. Вместе с тем проблема определения охоты в уголовно-правовом смысле до сегодняшнего дня не получила должного разрешения. В целях поиска ее решения следует провести анализ нормативно-правовой базы, материалов судебной практики, а также исследовательских позиций ученых-теоретиков, занимающихся разработкой данной тематики.

Статья 1 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» определяет охоту как деятельность, связанную с поиском, отслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой [1]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 21 [2]) данное понятие трактуется аналогично. Отсюда следует, что, выполняя любое из шести действий, входящих в понятие «охота» и образующих объективную сторону, лицо становится виновным в совершении преступления – незаконной охоты. Таким образом, само определение понятия «охота» полностью отдается на откуп экологическому праву, что с уголовно-правовой позиции представляется нам не совсем верным.

Полагаем, что в уголовно-правовом понимании трактование термина «охота» является чрезмерно расширенным. На это обращает внимание в своих исследованиях авторитетный ученый, профессор Э. Н. Жевлаков [3]. Об отсутствии указаний на цели такой деятельности, как охота, и ее толкования, исходя из «выгодных» на определенный момент целей, говорят другие авторы [4, 5].

В научной литературе существуют различные определения понятия «охота». В словаре С. И. Ожегова она понимается как поиск, отслеживание зверей, птиц с целью умерщвления или ловли [6, с. 484]. Р. А. Забавко предлагает рассматривать охоту как деятельность, направленную на умерщвление дикого животного с целью последующего завладения его тушей или ее частями, либо деятельность, направленную на отлов, повреждение или уничтожение диких животных с целью реализации спортивного или иного интереса [7, с. 71–73]. Б. Н. Звонков считает, что охота – это любая деятельность, имеющая своей целью добычу диких животных и птиц, представляющих хозяйственную, или научную, или культурную, или просветительную ценность [8, с. 101]. При этом в уголовно-правовом значении охоту все же предлагается понимать непосредственно как добычу охотничьих ресурсов, то есть как их отстрел или отлов. Так, комментарий к Уголовному кодексу РФ (далее – УК РФ) под редакцией В. М. Лебедева определяет ее аналогично положениям Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов», понимая под ней действия по поиску, отслеживанию, преследованию охотни-

чьих ресурсов, их добыче, первичной переработке и транспортировке [9, с. 240].

Мы разделяем такой подход и полагаем, что охота – это вид деятельности, определенный процесс, направленный на достижение конкретного результата, то есть цели. Таким результатом будет являться добыча того или иного животного. В широком смысле слова данная деятельность включает в себя общественные отношения, связанные с осуществлением права природопользования и распределением охотничьих ресурсов. При этом используются административно-правовые средства, обеспечивающие рациональное использование и охрану объектов животного мира, которые по своей сути шире уголовно-правовых.

Браконьерские действия в отношении редких и исчезающих видов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ и красные книги субъектов РФ, по нашему мнению, вряд ли можно относить к незаконной охоте. Вопросы квалификации преступных посягательств на такие биоресурсы являются наиболее актуальными среди всех проблем экологического характера.

Автор предлагает закрепить за данными видами термин «особо охраняемые дикие животные». Он обладает таким существенным признаком, как необходимость особой охраны данных видов, заключающимся в совокупности соответствующих предписаний, обязательств и запретов, требующих особого механизма реализации и характеризующихся, в отличие от обычной охраны, применением более строгих мер юридической ответственности за посягательства на указанные объекты.

Вводимое понятие «особо охраняемые дикие животные», на наш взгляд, более емко определяет данные виды. В связи с этим оно имеет преимущество перед иными дефинициями, встречающимися сегодня в законодательных нормах применительно к рассматриваемым объектам дикой фауны. Так, положения федеральных законов «Об охране окружающей среды» и «О животном мире» содержат термин «редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные» [10, ст. 24; 11 ст. 60]. Между тем, Красная книга РФ и красные книги субъектов РФ содержат и иные категории редкости таксонов и популяций: вероятно исчезнувшие, сокращающиеся в численности, неопределенные по статусу, восстанавливаемые и восстанавливающие. В таком случае при буквальном толковании правовых норм остальные перечисленные категории биоресурсов выпадают из законодательного поля. УК РФ оперирует термином «животные, охота на которых полностью запрещена» [12, ст. 258]. Однако, по мнению автора, данная формулировка представляется неудачной, так как ответа на вопрос: какие именно животные в данном случае попадают под правовую охрану – те, на которых охота запрещена вовсе или в определенное время, или на определенной территории, – законодатель не дает.

На сегодняшний день посягательства в отношении «краснокнижных» животных могут быть квалифи-

цированы по ст. 258.1 УК РФ, введенной в действие в 2013 году. Однако предметом данного преступления являются лишь 22 представителя дикой фауны, входящие в Перечень особо ценных видов животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 УК РФ (далее – Перечень) [13], которые выделены в числе приоритетных для уголовно-правовой защиты. Остальные же виды животных, внесенные в красные книги, охраняются общими нормами уголовного законодательства наряду с теми, существование которых опасений не вызывает (статьи 253, 256, 258 УК РФ).

Так, п. 13.2 постановления Пленума ВС РФ № 21 предписывает судам квалифицировать незаконную охоту в отношении птиц и зверей, занесенных в Красную книгу Российской Федерации или Красную книгу субъекта Российской Федерации и (или) охраняемых международными договорами Российской Федерации, но не включенных в Перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, по п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ [2]. Анализ судебных решений показывает, что к ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ виновные лица, как правило, привлекаются в случае отнесения ущерба, причиненного незаконной добычей «краснокнижных» водных биоресурсов, к крупному. Согласно положениям п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» вопрос о наличии в действиях лица признаков совершения незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов с причинением крупного ущерба или с причинением особо крупного ущерба должен решаться в соответствии с примечанием к ст. 256 УК РФ [14].

Приведем примеры из судебной практики. Из материалов уголовного дела № 1-46/2019 от 2 июля 2019 г. следует, что С. вступил в преступный сговор с К., направленный на незаконную охоту на антилоп дзерен, занесенных в Красную книгу РФ. Действия С. квалифицированы по ч. 2 ст. 258 УК РФ как незаконная охота с причинением крупного ущерба в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, группой лиц по предварительному сговору [15]. По приговору мирового судьи судебного участка № 127 Волгоградской области от 11 июня 2013 г. Ю. был осужден по п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ за то, что он, используя запрещенное орудие лова, извлек из реки Дон два экземпляра рыбы вида «азово-черноморская шемая». Судья обоснованно признала, что деянием государству был причинен крупный ущерб, так как этот вид рыб занесен в Красную книгу Российской Федерации [16].

Бесспорно, дополнение УК РФ ст. 258.1 – это шаг вперед на пути охраны «краснокнижных» животных. Однако, учитывая современные реалии, необходимо совершенствовать действующее законодательство в целях более эффективной охраны и защиты всех уязвимых видов животного мира.

По мнению автора, квалификация преступлений в отношении особо охраняемых диких животных по ст. 258 УК РФ как незаконной охоты вызывает сомнения в целесообразности в связи со следующим: такие действия посягают на отношения, касающиеся биологического разнообразия окружающей среды, и не затрагивают права природопользования. Под данными преступлениями следует понимать деяния, направленные на прямое уничтожение указанных видов фауны путем отлова, отстрела и иных действий, в силу которых биоресурсы изымаются из естественной природной среды. С учетом этого использование термина «охота» применительно к редким и исчезающим видам животного мира является неверным.

Также автор считает, что квалификация преступлений в отношении особо охраняемых диких животных по п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ будет ошибочной в силу того обстоятельства, что рассматриваемые биоресурсы не относятся к предмету преступления о незаконной охоте. Законодателем в настоящее время не определен конкретный перечень зверей и птиц, охота на которых полностью запрещена. Вместе с тем ранее действующие Типовые правила охоты РСФСР 1974 г. четко определяли данные виды, а под охотой понимали «выслеживание с целью добычи, преследование и саму добычу диких зверей и птиц» [17]. Действующие с 1 января 2021 г. правила охоты, утвержденные приказом Минприроды России от 24 июля 2020 г. № 477 [18], в п. 63 содержат положение о запрете добычи млекопитающих и птиц, занесенных в Красную книгу Российской Федерации и (или) в красные книги субъектов Российской Федерации, за исключением отлова млекопитающих и птиц в целях, предусмотренных ст. 15 и 17 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов».

В юридической литературе нет единого мнения о том, что считать предметом преступления, предусмотренного ст. 258 УК, – только зверей и птиц, отнесенных нормативными актами к охотничьим животным (охотничьим ресурсам), либо всех диких животных, с учетом того факта, что уголовное законодательство уточнений по отношению к добываемым птицам и зверям не содержит.

Исходя из толкования действующих норм экологического законодательства, первая позиция представляется нам вполне обоснованной. В соответствии с вышеуказанными выше положениями Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» охота определена как деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием именно охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой. Под охотничьими ресурсами понимаются объекты животного мира,

которые согласно нормам названного Федерального закона и (или) законов субъектов Российской Федерации используются или могут быть использованы в целях охоты. При расширенном толковании ст. 258 УК РФ весь смысл ее существования будет утрачен. Соответственно, квалификация посягательств на виды, занесенные в красные книги по п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ, на сегодняшний день представляется необоснованной. В связи с этим вопрос уголовно-правовой охраны таких биоресурсов должен быть решен на законодательном уровне в целях восполнения законодательного пробела.

Автор полагает необходимым закрепить в уголовно-правовом поле иное понятие, в полной мере отражающее преступные посягательства на особо охраняемых и особо ценных диких животных. Таким понятием, на наш взгляд, является «браконьерство». Под ним следует понимать незаконное посягательство на особо охраняемое дикое животное, включая особо ценное, совершенное путем отлова, отстрела, иного деяния, которые могут привести к уничтожению таких животных и (или) их изъятию из привычной природной среды обитания.

Примеры из правоприменительной практики подтверждают наши выводы. В отдельных приговорах судов первой инстанции отмечается, что биоресурсы, занесенные в Красную книгу РФ и добытые во время охоты, не относятся к объектам охоты. Так, из материалов дела № 10-1/2011 следует, что У. осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ за совершение незаконной охоты с причинением крупного ущерба в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена. Установлено, что У., являясь охотником-любителем, находясь на охоте на пернатую водоплавающую дичь, заметив стаю журавлей, произвел два выстрела, в результате чего добыл две птицы, являющиеся, согласно акту вскрытия даурскими журавлями (*Grusvripio*), принадлежащими к семейству журавлиные (*Gruidae*), отряду журавлеобразные (*Gruiformes*), *не относящиеся к объектам охоты* (курсив наш. – Т. П.) и занесенные в первую категорию Красной книги Российской Федерации» [19].

Само понятие «браконьерство», как посягательство на особо охраняемые виды дикой фауны, по своему юридическому и жизненному содержанию не менее емкое, чем такие дефиниции, как хищение, убийство, телесное повреждение в отличие от действия «добыча», закрепленного в настоящее время в уголовно-правовых нормах. Об этом указывал в своем диссертационном исследовании Б. Н. Звонков. Он определял браконьерство как уголовно-наказуемое, умышленное (в особых случаях и неосторожное) посягательство как частных, так и должностных лиц на общественные отношения в области использования официально охраняемых видов природной фауны [8, с. 43].

С учетом закрепления в ст. 258.1 УК РФ ответственности за посягательства в отношении особо ценных

видов диких животных и водных биологических ресурсов мы считаем логичным и отвечающим правилам законодательной техники преобразовать ее в уголовно-правовую норму, устанавливающую ответственность за браконьерство.

Автор поддерживает позицию исследователей, полагающих сделать возможным объединение статей 256 и 258 УК РФ в одну [8, с. 43; 20, с. 18–19; 21, с. 21–22]. В связи с этим ответственность за посягательства на особо охраняемые виды диких животных и водные биоресурсы также должна быть предусмотрена в единой уголовно-правовой норме. Такой законодательный прием обеспечит беспрекословное соблюдение принципа справедливости при назначении наказания за совершение преступлений с одинаковой степенью общественной опасности. Использование единого понятийного аппарата, основанного на нормах экологического законодательства, исключит возможные коллизии при квалификации и разграничении таких деяний [5, с. 58]. При этом понятие «дикое животное» в соответствии с Федеральным законом № 52-ФЗ от 25.04.1995 «О животном мире» охватывает своим содержанием как наземные, так и водные виды дикой фауны [11].

Предметом преступления в качестве основного состава в ст. 258.1 УК РФ в новой редакции мы предлагаем считать особо охраняемых диких животных, к которым относятся и водные биологические ресурсы. В качестве квалифицирующего признака необходимо выделить посягательства на особо ценных диких животных, перечень которых установлен вышеуказанным постановлением Правительства РФ. Во избежание конкуренции уголовно-правовых норм полагаем необходимым исключить п. «в» из ч. 1 ст. 258 УК РФ – совершение незаконной охоты в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена.

Под особо охраняемыми дикими животными в Российской Федерации в статьях Уголовного кодекса РФ следует понимать как наземные, так и водные виды, указанные в Красной книге РФ и красных книгах субъектов РФ: вероятно исчезнувшие, находящиеся под угрозой исчезновения, сокращающиеся в численности, редкие, неопределенные по статусу, восстанавливаемые и восстанавливающие.

Отнесение диких животных к особо охраняемым видам фауны и включение их в Красную книгу в каждом конкретном случае требует своей перепроверки. Это связано с тем, что характеристика животного как «редкого или исчезающего» может измениться и данный вид либо будет отнесен к числу особо охраняемых, либо, напротив, будет исключен из такого числа.

В заключение сформулируем следующие выводы. На законодательном уровне в настоящее время предусмотрена уголовная ответственность за посягательства на исчерпывающий перечень редких видов дикой фауны, являющихся особо ценными. Иные виды животных, занесенные в Красную книгу РФ и красные книги субъектов РФ, охраняются нормами ст. 253, 256,

258 УК РФ наряду с объектами животного мира, существование которых опасений не вызывает.

Полагаем, что все виды «краснокнижных» животных являются особо охраняемыми и посягательства на них не могут быть отнесены к незаконной охоте. Такие деяния затрагивают отношения, касающиеся не природопользования как такового, а биологического разнообразия окружающей среды. Незаконная охота состоит из действий, направленных на изъятие животных, являющихся охотничьими ресурсами. К последним априори не могут быть отнесены животные, занесенные в Красную книгу, которые не являются таковыми. Ответственность за преступления в отношении особо охраняемых видов животных, включая особо ценных, должна быть закреплена в единой правовой норме. Считаем логичным и целесообразным введение понятия «браконьерство» для обозначения преступных посягательств в отношении рассматриваемых видов.

С учетом предложения о криминализации ответственности за браконьерство в отношении животных, занесенных в Красную книгу, и в целях избежания конкуренции уголовно-правовых норм п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ подлежит изъятию из правового поля.

Список источников

1. Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» // СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.
3. Жевлаков Э. Н. Квалификация незаконной охоты // Уголовное право. 2009. № 6. Электрон. версия. URL: <http://center-bereg.ru/i933.html>.
4. Сурихин П. Л., Бабурин В. В. Внесистемность определения понятия «охота» как признака состава преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 9–16.
5. Базаров П. Р. Уголовно-правовая охрана особо ценных объектов животного мира. Москва, 2020. 208 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Рус. яз., 1991. 921 с.
7. Забавко Р. А. К вопросу о диалектическом единстве видов общественно опасных деяний, составляющих незаконную охоту // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 71–73.
8. Звонков Б. Н. Уголовно-правовая борьба с браконьерством в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1968. 283 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. 15-е изд. перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2017. Т. 2. 885 с.
10. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 26.03.2022) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
11. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1462.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 2954.
13. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 «Об утверждении Перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 45. Ст. 5814.
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.
15. Приговор Ононского районного суда Забайкальского края от 2 июля 2019 г. по делу № 1-46/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.02.2021).
16. Обобщение судебной практики по применению судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: утв. Постановлением Президиума Волгоградского областного суда от 27 мая 2015 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2022).
17. Типовые правила охоты в РСФСР: утв. Приказом Главохоты РСФСР от 1 марта 1974 г. № 66. Москва: Главохота РСФСР, 1974.
18. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 24 июля 2020 г. № 477 «Об утверждении Правил охоты» // Российская газета. 2020. № 271.
19. Приговор Ханкайского районного суда Приморского края от 21 ноября 2011 г. по делу № 20-1/2011 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.02.2021).
20. Пушкарев В. Г. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных животных и незаконную охоту: по материалам Уральского федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 247 с.
21. Шарипкулова А. Ф. Предмет экологического преступления. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 232 с.

References

1. Federal Law of July 24, 2009 No. 209-FZ "On hunting and conservation of hunting resources" // SZ RF. 2009. No. 30. Art. 3735.
2. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 18, 2012 No. 21 "On

the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management" // Consultant Plus: website. URL: <https://www.consultant.ru>

3. Zhevlakov EN Qualification of illegal hunting // Criminal law. 2009. No. 6. Electron. version. URL: <http://center-bereg.ru/i933.html>.

4. Surikhin P. L., Baburin V. V. Non-systematic definition of the concept of "hunting" as a sign of a crime under Art. 258 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (75). pp. 9–16.

5. Bazarov P. R. Criminal law protection of especially valuable objects of the animal world. Moscow, 2020. 208 p.

6. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language: 70,000 words / ed. N. Yu. Shvedova. Moscow: Rus. yaz., 1991. 921 p.

7. Zabavko R. A. To the question of the dialectical unity of the types of socially dangerous acts constituting illegal hunting // Russian justice. 2018. No. 9. P. 71–73.

8. Zvonkov BN Criminal-legal fight against poaching in the USSR: dis. ... cand. legal Sciences. Rostov n/D, 1968. 283 p.

9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. V. M. Lebedev. 15th ed. revised and additional Moscow: Yurayt, 2017. Vol. 2. 885 p.

10. Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ "On Environmental Protection" (as amended on March 26, 2022) // SZ RF. 2002. No. 2. Art. 133.

11. Federal Law of April 24, 1995 No. 52-FZ "On the Wildlife" // SZ RF. 1995. No. 12. Art. 1462.

12. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on July 14, 2022) // SZ RF. 1996. No. 1. Art. 2954.

13. Decree of the Government of the Russian Federation of October 31, 2013 No. 978 "On approval of the List of especially valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to species listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation, for the purposes of Articles 226.1 and 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation" // SZ RF. 2013. No. 45. Art. 5814.

14. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 23, 2010 No. 26 "On Certain Issues of Application by Courts of Legislation on Criminal Liability in the Sphere of Fishing and Conservation of Aquatic Biological Resources (Part 2 of Article 253, Articles 256, 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // ConsultantPlus: site. URL: <https://www.consultant.ru>

15. Judgment of the Ononsky District Court of the Trans-Baikal Territory dated July 2, 2019 in case No. 1-46/2019. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02/21/2021).

16. Generalization of judicial practice on the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and

nature management: approved. Decree of the Presidium of the Volgograd Regional Court dated May 27, 2015 // ConsultantPlus: website. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 20.04.2022).

17. Model rules for hunting in the RSFSR: approved. By order of the RSFSR Glavokhota dated March 1, 1974 No. 66. Moscow: RSFSR Glavokhota, 1974.

18. Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation of July 24, 2020 No. 477 "On Approval of the Rules of Hunting" // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 271.

19. Sentence of the Khankaisky District Court of Primorsky Krai dated November 21, 2011 in case No. 20-1 / 2011 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: site. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02/21/2021).

20. Pushkarev VG Criminal liability for illegal hunting of aquatic animals and illegal hunting: based on materials of the Ural Federal District: dis. ... cand. legal Sciences. Krasnoyarsk, 2004. 247 p.

21. Sharipkulova A. F. Subject of environmental crime. dis. ... cand. legal Sciences. Tyumen, 2009. 232 p.

Библиографический список

1. Жевлаков, Э. Н. Проблемы применения нормы об ответственности за незаконные добычу и оборот краснокнижных животных // Уголовное право. – 2014. – № 1.

2. Краева, В. Н. Уголовно-правовая охрана видов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2016. – № 1.

3. Курманов, А. С. Незаконная охота как экологическое преступление. Уфа. – 2019.

4. Лапина, М. А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения. – М.: Экзамен. – 2003.

5. Надточий, Ю. В. Уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (целесообразность криминализации ст. 258.1 УК РФ) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4.

6. Ображиев, К. В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. – 2019. – № 3. – КонсультантПлюс: сайт. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.03.2021).

7. Раднаев, В. М. Борьба с браконьерством (уголовно-правовой и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. СПб. – 2000.

Bibliographic list

1. Zhevlakov, E. N. Problems of application of the norm on responsibility for illegal production and circulation of red-listed animals // Criminal law. – 2014. – No. 1.

2. Kraeva, V. N. Criminal law protection of species listed in the Red Book of the Russian Federation // Legislation and Economics. – 2016. – No. 1.

3. Kurmanov, A. S. Illegal hunting as an environmental crime. Ufa. – 2019.

4. Lapina, M. A. Legal liability for environmental offenses. - M.: Exam. – 2003.

5. Nadtochy, Yu. V. Criminal law protection of especially valuable wild animals and aquatic biological resources (expediency of criminalization of Art. 258. 1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. - 2014. - No. 4.

6. Obrazhiev, KV Aiding crime: problems of criminal law assessment // Criminal law. - 2019. - No. 3. - Consultant Plus: website. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 03/18/2021).

7. Radnaev, V. M. The fight against poaching (criminal and criminological aspects): dis. ... cand. legal Sciences. SPb. – 2000.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 03.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья

УДК 343.5

О некоторых уголовно-правовых средствах защиты несовершеннолетних от преступных посягательств

Родыгин Роман Александрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

romanrodygin03101995@gmail.com

Аннотация. В статье проанализирован уровень развития правовых средств защиты законных интересов несовершеннолетних. В контексте наличия новых вызовов и возникающих угроз отдельно рассмотрено современное состояние системы уголовно-правовой охраны прав указанной категории лиц. В частности, выявлены основания и условия криминализации составов преступлений, предусмотренных ст. 110¹, 110², 151² УК РФ, которые были имплементированы в уголовное законодательство Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». Изучена практика применения указанных норм.

Ключевые слова: права несовершеннолетних, правовые средства защиты, уголовная политика, уголовный закон, уголовная ответственность, интересы несовершеннолетних

Для цитирования: Родыгин Р. А. О некоторых уголовно-правовых средствах защиты несовершеннолетних от преступных посягательств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 166–170.

Original article

About some criminal legal means of protecting minors from criminal encroachments

Rodygin Roman A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

romanrodygin03101995@gmail.com

Abstract. The article analyzes the level of development of legal means to protect the legitimate interests of minors. In the context of the presence of new exports and emerging threats, the current state of the system of criminal law protection of the rights of this category of persons is considered separately. In particular, the grounds and conditions for criminalizing the elements of crimes provided for in Articles 110¹, 110², 151² of the Criminal Code of the Russian Federation, which were implemented in criminal legislation by Federal Law № 120 - FZ of June 7, 2017 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional mechanisms to counteract activities aimed at encouraging children to suicidal behavior». The practice of applying these norms has been studied.

Keywords: the rights of minors, legal remedies, criminal policy, criminal law, criminal liability, interests of minors

For citation: Rodygin R. A. About some criminal legal means of protecting minors from criminal encroachments // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 166–170.

Безусловным приоритетом в деятельности любого государства является наличие установки, направленной на повсеместную защиту семьи, материнства и детства. Необходимость обеспечения гармоничного развития личности несовершеннолетнего, а также недопущение деструктивного воздействия на процессы его воспитания, социализации, усвоения положитель-

ных поведенческих установок, признается руководством Российской Федерации в качестве основного направления деятельности государства. Так, в рамках своего выступления на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Фе-

© Родыгин Р. А., 2022

дерации по итогам ее работы в 2021 году Президент Российской Федерации В. В. Путин отдельно отметил, что охрана прав и законных интересов несовершеннолетних остается несомненным приоритетом работы всей системы органов публичной власти [1].

Указанные постулаты нашли свое нормативное закрепление и в Конституции РФ, а именно в ст. 37 и 67¹, что говорит о чрезвычайной важности рассматриваемых отношений в контексте устойчивого и последовательного развития общества и государства.

В международной системе нормативного обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних основными столпами являются два акта: Декларация прав ребенка, а также Конвенция о правах ребенка, принятые резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. и от 20 ноября 1989 г. соответственно. Указанные правовые источники признают необходимость специальной защиты ребенка, а также обеспечивают развитие благоприятных условий для его физического, умственного, нравственного, духовного благополучия.

Национальную правовую систему обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних образует достаточно значительное количество нормативных актов и стратегических документов различного уровня, среди которых можно выделить следующие:

- Семейный кодекс Российской Федерации;
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, который предусматривает ряд составов административных правонарушений, устанавливающих ответственность за совершение противоправных посягательств в отношении несовершеннолетних;
- Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», который в дополнение к Конституции РФ закрепляет основные гарантии прав и законных интересов ребенка в целях создания правовых, социально-экономических условий для их реализации;
- Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», устанавливающий основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» – основополагающий нормативный документ, регулирующий отношения в сфере защиты детей от воздействия на них деструктивной информации;
- Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р, которая содержит систему взглядов, принципов и приоритетов в профилактической работе с

несовершеннолетними, предусматривает основные направления, формы и методы совершенствования и развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Помимо вышеперечисленных правовых актов хотелось бы отдельно обозначить План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р, в качестве архизначимого документа стратегического планирования деятельности органов государственной власти, направленной на обеспечение и защиту законных интересов несовершеннолетних. Указанный документ стал закономерным следствием и непосредственной практической реализацией Указа Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240, согласно которому период времени с 2018 по 2027 г. объявлен десятилетием детства на территории Российской Федерации.

Одним из действенных средств защиты интересов института семьи и детства является установление уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний, которые посягают на общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое развитие и нравственное воспитание несовершеннолетних, а также благоприятное функционирование семьи.

Обозначенный тезис подтверждается подавляющим большинством исследователей анализируемой сферы правового регулирования. Причем некоторые ученые даже выделяют самостоятельные задачи уголовно-правовой отрасли в отношении деятельности государства по охране прав и законных интересов несовершеннолетних. Так, И. И. Нагорная к таковым задачам относит следующие: установление повышенной ответственности за преступные посягательства, совершаемые в отношении несовершеннолетних; усиление карательного воздействия уголовных наказаний в отношении тех виновных лиц, в обязанности которых входит воспитание несовершеннолетних и осуществление надзора за ними; ограждение семьи и несовершеннолетних от «произвольного вмешательства в их жизнь иных лиц, включая государственные органы» и другие [2, с. 89].

Непосредственная реализация обозначенных задач осуществляется за счет применения норм, содержащихся в главе 20 УК РФ, которая предусматривает следующие уголовно-правовые запреты:

- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ) и действий, представляющих опасность для его жизни (ст. 151² УК РФ);
- розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151¹ УК РФ);
- подмена ребенка (ст. 153 УК РФ);
- незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ);
- разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ);

- неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ);
- неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ).

Кроме того, необходимо отметить, что помимо указанных специальных норм УК РФ содержит и множество иных статей, которые также обеспечивают уголовно-правовую защиту интересов несовершеннолетних. К таковым можно отнести различные квалифицированные составы преступлений, где несовершеннолетнее либо малолетнее лицо указано в качестве потерпевшего от преступления. Примерами таких норм являются: ст. 106, п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3 ст. 110¹, ч. 2 ст. 122, п. «д» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132, ч. 2 ст. 133, ч. 3 ст. 137, п. «в» ч. 4 ст. 228¹, п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ и другие.

В связи с наличием значительного количества рассматриваемых норм ряд исследователей предприняли попытки дифференцировать составы преступлений, посягающих на интересы несовершеннолетних в зависимости от различных оснований такой дифференциации.

Так, Ю. Е. Пудовочкин предлагает систематизировать рассматриваемые нормы в следующие группы:

- 1) преступления, нарушающие право несовершеннолетнего на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию;
- 2) преступления, нарушающие право несовершеннолетнего проживать с родителями и воспитываться в семье;
- 3) преступления, нарушающие право несовершеннолетнего на воспитание, заботу и обязательную финансовую поддержку;
- 4) преступления, нарушающие право несовершеннолетнего на защиту от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации;
- 5) преступления, нарушающие право несовершеннолетнего в сфере профессиональной ориентации, профессиональной подготовки [3, с. 93].

Однако подобную классификацию можно считать достаточно условной, что подтверждается наличием на страницах юридической литературы иных классификаций составов преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних.

Например, Ю. В. Николаева предлагает дифференцировать рассматриваемые нормы в зависимости от характера и степени их общественной опасности на четыре категории:

- 1) преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений и (или) иных антиобщественных действий;
- 2) преступления против личности несовершеннолетних;
- 3) преступления против физического и психического развития несовершеннолетних;

- 4) преступления, связанные с нарушением интересов и имущественных прав несовершеннолетних [4, с. 17].

Несмотря на наличие различных подходов и мнений по поводу содержания классификаций и видов рассматриваемых преступлений, необходимо отметить, что подавляющее число исследователей в качестве самостоятельной группы выделяют составы, посягающие на гармоничное психическое развитие несовершеннолетнего. С подобным подходом нельзя не согласиться. Действительно, в настоящее время большую значимость приобретают уголовно-правовые запреты, направленные на охрану несовершеннолетних от повсеместного, неконтролируемого распространения деструктивной, «токсичной» информации. В качестве основной причины развития обозначенной негативной ситуации следует признать активное вовлечение несовершеннолетних в интернет-среду.

В условиях функционирования информационного общества, современный человек обрел значительную зависимость от информационных ресурсов сети «Интернет». Данные аналитических исследований показывают, что число активных пользователей сети «Интернет» по всему миру ежегодно увеличивается, и к 2022 г. оно составило 4,95 миллиарда людей, то есть 62,5 % от численности всего мирового населения [5]. При этом стремительно растет доля вовлечения в информационное пространство несовершеннолетних лиц. Так, чуть менее 70 % российских детей в возрасте до 6 лет постоянно пользуются ресурсами «всемирной паутины» [6, с. 42]. Приведенные данные являются безусловным подтверждением всеобщего влияния сети «Интернет» на мировое сообщество в целом, в том числе и на несовершеннолетних.

В качестве яркого примера деструктивного воздействия ресурсов сети Интернет на сознание и психику молодого поколения можно привести ситуацию, связанную с распространением деятельности так называемых «групп смертей», целью которых является пропаганда и навязывание различных форм суицидального поведения среди несовершеннолетних.

Безусловно, подобные негативные явления признаются в качестве серьезных угроз безопасности российского общества и государства. Так, например, в ранее действовавшей Национальной стратегии действий в интересах детей прямо отмечалось, что развитие высоких технологий, открытость страны мировому сообществу привели к незащищенности детей от противоправного контента в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также подтверждалось наличие ситуации, связанной с круглосуточной доступностью для подростков значительного числа сайтов, посвященных суицидам [7].

Считаем, что особое место в системе противодействия анализируемым противоправным явлениям отводится уголовно-правовым средствам.

Так, закономерной реакцией законодателя на распространение новых форм общественно опасных

действий, способствующих формированию и дальнейшему укреплению склонности к противоправному поведению, представляющему опасность для жизни несовершеннолетнего, стало дополнение главы 20 УК РФ ст. 151², предусматривающей ответственность для лиц, виновных в вовлечении несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для их жизни. Указанная новелла была введена в действие Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению».

В качестве одной из целей появления рассматриваемого состава преступления стало противодействие новым общественно опасным действиям, представляющие непосредственную угрозу для жизни несовершеннолетних.

К подобным действиям относят различные экстремальные формы активности несовершеннолетних, например, такие как:

- 1) зацепинг (проезд снаружи поездов, вагонов и железнодорожных составов);
- 2) скайукинг (покорение высотных зданий и сооружений без страховочного снаряжения);
- 3) «опасные игры» (например, «собачий кайф», то есть достижение кратковременной потери сознания путем целенаправленного перекрытия доступа кислорода в организм, «беги или умри» – игра, целью которой является стремление пересечь проезжую часть перед близко следующими транспортными средствами);
- 4) руфинг (посещение крыш высотных зданий и домов);
- 5) стalkerство (посещение и исследование заброшенных мест).

Как уже отмечалось ранее, еще одной распространенной формой деструктивного воздействия на сознание и волю несовершеннолетнего является широкое распространение так называемых «суицидальных игр», к числу которых относится, например, игровая акция «Синий кит». Целью указанной игры является подавление воли подростка и внушение ему мысли о необходимости совершения самоубийства.

В целях пресечения распространения указанных явлений в Уголовный кодекс РФ вышеупомянутым Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ были имплементированы нормы, предусматривающие ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ), а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110² УК РФ).

Однако анализ судебной статистики показывает, что рассматриваемые нормы применяются крайне редко.

Так, в период с 2018 г. по 2021 г. количество осужденных лиц за совершение преступлений, предусмотренных ст. 110¹ УК РФ составило 15 человек; ст. 110² УК РФ – 6 человек; ст. 151² УК РФ – 2 человека[8].

Считаем, что подобный низкий уровень практики применения анализируемых норм обусловлен не отсутствием рассматриваемых преступных деяний в действительности, а, прежде всего, ошибками законодательного конструирования указанных уголовно-правовых запретов, которые требуют соответствующей корректировки.

Так, например, традиционно вызывают споры о соотношении между собой категорий «склонение» и «вовлечение», которые образуют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 151² УК РФ. По смыслу указанной нормы склонение является разновидностью вовлечения. Однако подобное одномоментное употребление законодателем указанных терминов вызывает у правоприменителя закономерные вопросы, связанные с трудностью установления момента окончания анализируемого преступления. Кроме того, в связи с устоявшимся в судебной практике пониманием содержания категорий «склонение» и «вовлечение» возникают некоторые трудности применения отдельных квалифицированных видов рассматриваемого преступления.

Так, в ч. 2 ст. 151² УК РФ законодатель предусмотрел повышенную ответственность за склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, совершенное в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Однако необходимо отметить, что если такая побудительная деятельность к совершению подобных действий осуществляется в сети «Интернет» и она рассчитана на неопределенный круг лиц, то такое поведение не может оцениваться по п. «в» ч. 2 ст. 151² УК РФ, так как категории «склонение» и «вовлечение», которые и образуют объективную сторону рассматриваемого состава преступления, предполагают установление конкретно определенного потерпевшего [9, с. 89].

Если говорить о проблемах понимания конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 110¹ УК РФ, то уже традиционными стали дискуссии, связанные с содержанием и обоснованностью закрепления в указанной норме конкретных альтернативных способов склонения к совершению самоубийства.

Однако, хотелось бы отметить, что в рамках данной статьи мы не ставим цель подробно рассмотреть все выявленные нами недостатки законодательного описания составов преступлений, предусмотренных ст. 110¹, 110², 151² УК РФ.

Подводя итог, необходимо сказать, что в настоящее время процессы негативного воздействия на сознание и психику несовершеннолетних приобретают все большую актуальность и представляют, на наш взгляд, без преувеличения непосредственную угрозу

безопасности государства, подрывают сложившиеся устои гармоничного функционирования общества. Учитывая обозначенные обстоятельства, несомненно, важное значение приобретает регулирование указанной сферы государством, в том числе уголовно-правовыми средствами. Однако проведенный анализ показывает малую эффективность такой деятельности, что, безусловно, является недопустимым.

Список источников

1. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68274> (дата обращения: 19.05.2022).
2. Нагорная И. И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних средствами уголовного закона // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 84–102.
3. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб., 2002. 293 с.
4. Николаева Ю. В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: автореф. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012. С. 17.
5. Digital 2022: another year of bumper growth // We Are Social: сайт. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (дата обращения: 19.05.2022).
6. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
7. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.05.2022).
8. Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 19.05.2022).
9. Харламова А. А., Щетинина Н. В., Макеева И. С. Особенности квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. 159 с.

References

1. Extended meeting of the Board of the Prosecutor General's Office // President of Russia: official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68274> (date of access: 05/19/2022).
2. Nagornaya I. I. Ensuring the rights and legitimate interests of minors by means of the criminal law // Law. Journal of Higher School of Economics. 2018. No. 2. S. 84–102.
3. Pudovochkin Yu. E. Responsibility for crimes against minors under Russian criminal law. SPb., 2002. 293 p.
4. Nikolaeva Yu. V. Differentiation of responsibility for infringement on the interests of minors in the criminal

law of Russia: author. ... Dr. jurid. Sciences. Moscow, 2012. S. 17.

5. Digital 2022: another year of bumper growth // We Are Social: website. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (accessed 05/19/2022).

6. Digital economy: 2022: a brief statistical collection / G. I. Abdrakhmanova, S. A. Vasilkovsky, K. O. Vishnevsky et al. M.: NRU HSE, 2022.

7. On the National Strategy for Action in the Interests of Children for 2012-2017: Decree of the President of the Russian Federation of 06/01/2012 No. 761 // Consultant Plus: website. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 05/19/2022).

8. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: <http://www.cdep.ru> (date of access: 05/19/2022).

9. Kharlamova A. A., Shchetinina N. V., Makeeva I. S. Peculiarities of qualification of crimes against family and minors: monograph. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 159 p.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Обоснованность придания норме о примирении с потерпевшим дискреционного характера

Сидорова Ирина Владимировна¹, Суверов Сергей Евгеньевич²

^{1,2} Омская академия МВД России, Омск, Россия

¹ sidorova.81@mail.ru

² s.suverovse95@mail.ru

Аннотация. Выбор варианта конструирования правовых норм, составляющих институт освобождения от уголовной ответственности, оказывает непосредственное влияние на проводимую государством уголовную политику. Одной из тенденций уголовного закона на современном этапе развития является расширение альтернативных мер реагирования на факт совершения лицом преступления, что ставит перед исследователями проблему соблюдения частных и публичных интересов при реализации подобных мер. Наделение правоприменительного органа полномочием по усмотрению целесообразности освобождения лица от уголовной ответственности выступает ключевым инструментом, который используется для соблюдения обозначенного равновесия. Авторами поддерживается принятая законодателем позиция о придании норме о примирении с потерпевшим дискреционного характера, что сопровождается приведением определенной аргументации.

Ключевые слова: примирение с потерпевшим, освобождение от уголовной ответственности, уголовная политика, императивный и дискреционный характер, общие (теоретические) основания

Для цитирования: Сидорова И. В., Суверов С. Е. Обоснованность придания норме о примирении с потерпевшим дискреционного характера // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 171–176.

Original article

Justification for making the provision on reconciliation with the victim discretionary

Sidorova Irina V. ¹, Suverov Sergey E. ²

^{1,2} Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Omsk, Russia

¹ sidorova.81@mail.ru

² s.suverovse95@mail.ru

Abstract. The choice of the option of constructing legal norms that make up the institution of exemption from criminal liability has a direct impact on the criminal policy pursued by the state. One of the tendencies of the criminal law at the present stage of development is the expansion of alternative response measures to the fact that a person has committed a crime, which poses a problem for researchers to observe private and public interests in the implementation of such measures. The empowerment of the law enforcement agency with the discretion of the expediency of releasing a person from criminal liability is a key tool that is used to maintain the designated balance. The authors support the position adopted by the legislator on giving the rule of reconciliation with the victim of a discretionary nature, which is accompanied by a certain argumentation.

Keywords: reconciliation with the victim, exemption from criminal liability, criminal policy, imperative and discretionary nature, general (theoretical) grounds

For citation: Sidorova I. V., Suverov S. E. Justification for making the provision on reconciliation with the victim discretionary // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 3. Pp. 171–176.

Содержание норм уголовного закона претерпевает перманентное воздействие со стороны возникающих общественных потребностей, которые могут варьироваться в зависимости от различных факторов. Данное обстоятельство ставит перед исследователями задачу поиска наиболее оптимальной конструкции таких норм, что позволяет критически воспринимать принятые законодателем решения в данной части.

На современном этапе развития государства серьезное внимание уделяется разработке нетрадиционных вариантов реагирования правоохранительных органов на факт совершения лицом преступления. Представляется, что преимущество от использования таких альтернативных мер может заключаться:

- в частичной разгрузке судебно-следственной системы путем отказа от уголовного преследования виновных;
- в уменьшении числа лиц, имеющих судимость и (или) отбывавших (отбывающих) наказание, связанное с изоляцией от общества;
- в создании стимула для совершения положительных постпреступных действий, направленных на заглаживание причиненного вреда, оказание помощи в раскрытии и расследовании преступлений и пр.

Вероятно, стремление к достижению таких результатов выступило катализатором для постепенной утраты своей привлекательности такой классической формы ответа на общественно опасные деяния, как применение уголовного наказания. Это привело к отказу от фундаментального принципа неотвратимости наказания, дальнейшему поэтапному переходу к принципам неотвратимости уголовной ответственности и неотвратимости мер уголовно-правового принуждения [1, с. 101].

Влияние норм, составляющих институт освобождения от уголовной ответственности, на проводимую Российской Федерацией уголовную политику колоссально. В этой связи видится особо важным соблюсти разумность в конструировании норм, входящих в институт освобождения от уголовной ответственности, чтобы их применение носило исключительный характер, а каждый случай обращения к ним был обоснованным и целесообразным. В конечном счете, при трансформации обозначенного института должны учитываться задачи, поставленные перед уголовным законом, а также принципы уголовного права.

Полагаем, что существенное ослабление требований к лицам, которые могут быть (должны быть) освобождены от уголовной ответственности, приведет к девальвации авторитета уголовного закона, поскольку субъекты, имеющие укоренившуюся криминальную привычку, не будут испытывать на себе необходимой меры уголовно-правового воздействия, что может детерминировать развитие в них чувства безнаказанности и способствовать дальнейшему совершению ими преступлений.

В этой связи особую актуальность приобретает исследование нормы о примирении с потерпевшим, по-

скольку ее применение, как в абсолютных, так и в относительных показателях, является наиболее частым среди всех норм института освобождения от уголовной ответственности. В действующей редакции обозначенная правовая норма излагается в следующем виде: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред» [2].

Не переходя к анализу требований, предъявляемых законом для реализации этой нормы, обратим внимание на её дискреционный характер. В юридической литературе обозначенный признак правовой нормы некоторыми исследователями отождествляется с диспозитивностью. Вместе с тем, исходя из имеющегося различия в их содержании, полагаем верным использовать именно термин «дискреционность» [3, с. 364–366]. Представляется, что под приведенным явлением следует понимать наделение определенных органов государства правомочием по самостоятельному принятию процессуально значимых решений, которые заключаются в прекращении или продолжении уголовного преследования лица, несмотря на то обстоятельство, что формально могут быть соблюдены необходимые юридические требования (выполнены условия освобождения от уголовной ответственности).

Законодатель в некоторых случаях при конструировании иных норм института освобождения от уголовной ответственности, например, в связи с истечением сроков давности (ч. 1 ст. 78 УК РФ) [4, с. 168], установил обязательность принятия соответствующим субъектом определенного решения, если соблюдены юридические требования, несмотря на собственное мнение о целесообразности или нецелесообразности такого решения. В таком случае нормы института освобождения от уголовной ответственности обладают императивным (обязательным) характером действия.

На страницах научных работ нередко можно обнаружить критическую оценку изложения действующей редакции нормы о примирении с потерпевшим по типу: «лицо может быть освобождено от уголовной ответственности». Ученые поступательно и последовательно отстаивают позицию о том, что этому виду освобождения от уголовной ответственности нужно придать императивный (обязательный) характер [5, с. 9; 6, с. 17]. Представленная идея сопровождается аргументами, которые возможно выразить в наиболее обобщенном виде:

- сохранение исследуемого признака нормы о примирении с потерпевшим осложняет выполнение принципа равенства граждан перед законом, поскольку при схожих обстоятельствах совершенного преступления не наблюдается единой практики освобождения от уголовной ответственности [7, с. 49];
- наделение сотрудников судебно-следственного аппарата правом на самостоятельное решение о воз-

возможности или невозможности реализации ст. 76 УК РФ создает предпосылки к злоупотреблению полномочиями относительно освобождения лиц от уголовной ответственности [8, с. 50];

– содержание ст. 76 УК РФ не стимулирует лиц, совершивших преступления, осуществлять положительные посткриминальные действия (в связи с тем, что лицо точно не уверено, будет ли оно освобождено от уголовной ответственности даже при соблюдении установленных законом требований). Кроме того, с помощью использования дискреционного механизма создается дополнительное условие реализации нормы о примирении с потерпевшим [9, с. 17–18].

Соглашаясь с наличием недостатков в избранном отечественным законодателем варианте изложения исследуемой нормы в обозначенной части, позволим себе критически отнестись к инициативе о придании ст. 76 УК РФ императивного характера, для чего обратимся к следующим рассуждениям.

Во-первых, видится, что наделение нормы дискреционным характером само по себе не может нарушить принцип равенства граждан перед законом, поскольку оно не способно изменить действие уголовного закона в отношении различных категорий граждан. Данный вопрос выступал предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, которым было отмечено, что предоставление уполномоченным на то субъектам права отказывать в прекращении уголовного дела по ст. 76 УК РФ не противоречит положениям Основного закона нашего государства [10].

Во-вторых, осуществляя выбор в пользу наделения нормы, освобождающей от уголовной ответственности, императивным или дискреционным характером, следует принимать во внимание дополнительные факторы. В частности, приняв известную нам конструкцию ст. 76 УК РФ, законодатель позволил в каждом случае применения нормы учитывать как государственные, так и общественные интересы. Особую актуальность такое решение приобретает при совершении лицом преступления, посягающего на несколько объектов, охраняемых уголовным законом. При обязательном применении нормы приведенные обстоятельства не принимаются во внимание правоприменителем.

Следует согласиться с М. В. Бавсуном, который пишет, что в основе деятельности правоохранительных органов по освобождению от уголовной ответственности должны лежать начала целесообразности [11, с. 115]. Видится, что в рассматриваемой ситуации целесообразность должна определяться компетентными органами при изучении не только интересов лица, совершившего преступление, и потерпевшего (персонифицированных субъектов), но и публичных образований. Противоположный подход использован в институте дел частного обвинения, когда потерпевшее лицо самостоятельно определяет необходимость инициировать уголовное преследование (за исключением некоторых случаев).

Более того, это позволяет не обращаться к ст. 76 УК РФ, поскольку следует применять иной вид освобождения от уголовной ответственности (при возникновении конкуренции между видами освобождения от уголовной ответственности). Свои рассуждения мы строим и на той позиции, согласно которой реализация нормы о примирении с потерпевшим допустима лишь тогда, когда причиненный общественно опасным деянием вред затронул интересы конкретных (персонифицированных) лиц. Представленное видение может быть обосновано позицией, отраженной в решении Верховного Суда Российской Федерации, которым было указано, что при принятии решения о возможности применения ст. 76 УК РФ требуется учитывать особенности и число объектов преступного посягательства [12].

В-третьих, обратим внимание на то, что, исходя из содержания нормы о примирении с потерпевшим, она является субъективным видом освобождения от уголовной ответственности. Так, именно благодаря желанию лица и совершаемым им действиям возможно добиться примирения с потерпевшим, а также загладить причиненный ему вред. Потребность в оценке выполнения данных условий предопределяет использование дискреционного подхода, поскольку при различных обстоятельствах может меняться их наполнение (к примеру, когда потерпевшему достаточно лишь частичной компенсации причиненного вреда). На основании вышеизложенного, справедливым представляется подход, предложенный А. В. Ендольцевой, который заключается в том, что субъективные виды освобождения от уголовной ответственности также должны быть диспозитивными [13, с. 46]. В свою очередь, регулирование объективных видов освобождения от уголовной ответственности не требует дополнительной оценки, поскольку достаточно лишь констатировать наступление не зависящих от лица обстоятельств, что обосновывает придание им императивного характера действия.

В-четвертых, для понимания смысла отдельных видов освобождения от уголовной ответственности требуется сделать акцент на том обстоятельстве, что все они базируются на общих (теоретических) основаниях. Несмотря на значительную палитру мнений по вопросу определения таких оснований, подчеркнем, что большинство ученых относят к ним уменьшение (утрату) общественной опасности личности лица, совершившего преступление. Представляется, что подтверждение данного факта предопределяет наделение соответствующего органа необходимым ему усмотрением [14, с. 19].

Очевидно, что все положения уголовного закона должны учитывать как задачи, стоящие перед уголовным законом (предупреждение преступлений), так и принципы уголовного права (принцип справедливости и гуманизма). В конечном счете, у института освобождения от уголовной ответственности также имеются свои специфические цели, которые базируются на наиболее общих идеях. Следовательно, используя

дискреционный подход в регулировании действия нормы о примирении с потерпевшим, правоприменитель способен оценить обозначенные нами обстоятельства.

В научной литературе данному вопросу уделяется должное внимание. Так, Л. В. Лобанова и С. М. Мкртчян указывают, что при применении ст. 76 УК РФ, кроме тех требований, которые конкретно установлены в законе, нужно учитывать иные аспекты, свидетельствующие об утрате актуальности целей уголовной ответственности и наказания [15, с. 110–111]. Разделяя общую идею о необходимости учета дополнительных факторов, заметим, что цели института освобождения от уголовной ответственности не могут быть тождественны целям, стоящим перед иными институтами уголовного права, поэтому в данной части позволим себе не согласиться с приведенным суждением исследователей.

Поскольку цели института освобождения от уголовной ответственности прямо не установлены в уголовном законе, то следует исходить из наиболее общих и базовых положений, обозначенных нами ранее. В этой связи поддержим позицию Р. С. Кашаргина, который отмечает, что наделение правоприменителя правом на выбор (в части освобождения лица от уголовной ответственности) является инструментом, используемым для достижения поставленных перед уголовным законом задач [16, с. 259].

Следует согласиться с мнением В. В. Сверчкова, согласно которому наделение норм исследуемого уголовно-правового института императивным характером действия требует закрепления в их содержании исчерпывающего перечня требований к лицу, совершившему преступление [17, с. 85–86]. Однако, поскольку затруднительно предусмотреть точное число требований, указывающих на наличие общих (теоретических) оснований освобождения от уголовной ответственности, целесообразно сохранить за правоприменителем возможность их установления, исходя из каждого конкретного случая применения нормы.

Вместе с тем следует отметить обоснованность выявленного исследователями недостатка, согласно которому предоставление компетентным субъектам права на самостоятельное принятие решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) не способствует единообразной оценке тех обстоятельств, которые могут свидетельствовать о возможности или невозможности освобождения лица от уголовной ответственности. Например, имевшийся у лица криминальный опыт (отбытие лицом уголовного наказания, прекращение уголовно-правовых последствий судимости, освобождение лица от уголовной ответственности или наказания) может не учитываться правоприменителем, поскольку соответствует пониманию условия о совершении преступления «впервые», предлагаемого Верховным Судом Российской Федерации.

Для преодоления указанного недостатка правоприменителю при обосновании принимаемого ре-

шения необходимо приводить аргументацию, не ограничиваясь лишь ссылкой на то, что он может самостоятельно определять допустимость освобождения лица от уголовной ответственности, хотя выполнены все юридические требования для этого. Подчеркнем, что в некоторых процессуальных актах отражается данный подход [18; 19].

Отталкиваясь от результатов проведенного нами анализа процессуальных решений о применении ст. 76 УК РФ¹, считаем, что невозможность реализации нормы о примирении с потерпевшим может быть обоснована следующими обстоятельствами:

- неоднократное освобождение лица от уголовной ответственности (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям;
- причинение совершенным преступлением вреда интересам неопределенного круга лиц или общества и государства, в том случае, когда они являются основным объектом преступного посяательства;
- наступление смерти потерпевшего, который не успел выразить свое согласие на освобождение виновного от уголовной ответственности;
- непризнание своей вины лицом, освобождаемым от уголовной ответственности;
- необходимость применения иного вида освобождения от уголовной ответственности и т. д.

Отрицательно восприняла идею об изменении характера действия ст. 76 УК РФ большая часть респондентов. Так, лишь 18,18 % от числа тех, кто полагает, что требуется законодательное совершенствование ст. 76 УК РФ, указали, что в данной норме следует заменить слова «может быть освобожден» на «освобождается»².

Исходя из сказанного, позволим себе не согласиться с точкой зрения Н. Э. Мартыненко, которая пишет, что для поднятия уголовно-правового статуса потерпевшего требуется обязать соответствующих должностных лиц прекращать уголовные дела, если на этом настаивает потерпевший (при наличии соответствующих требований закона) [20, с. 339]. В случае реализации приведенной инициативы использование такой исключительной меры реагирования на факт совершения лицом преступления станет полностью зависимым от позиции потерпевшего по типу механизма дел частного обвинения. При этом представляется, что использование последнего жестко ограничено законодателем в целях сохранения обозначенного выше баланса.

Таким образом, дискреционный характер нормы о примирении с потерпевшим в уголовном законе

¹ Было изучено 309 постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением с потерпевшим (по ст. 76 УК РФ), вынесенных судами Российской Федерации в период с 2015 г. по 2020 г.

² Приведенные данные были получены в результате анкетирования 111 следователей и дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации и 84 судей по вопросам, связанным с регламентацией и применением ст. 76 УК РФ.

РФ обоснован и необходим для сохранения смысла этого вида освобождения от уголовной ответственности. Соблюдение допустимых пределов при решении вопроса об оказании «снисхождения» лицам, совершающим общественно опасные деяния, является важнейшим условием эффективности проводимой государством уголовной политики. Поэтому мы весьма настороженно подходим к возможности придания императивности (обязательности) общим субъективным видам освобождения от уголовной ответственности, в частности норме о примирении с потерпевшим.

Список источников

1. Суверов С. Е. Генезис нормы о примирении с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности в Уголовном кодексе Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4. С. 100–105.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.
3. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. 542 с.
4. Зубкова В. И., Кузнецова Н. Ф., Крылова Н. Е. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании: учебник для вузов. М., 2002. 464 с.
5. Кузбагарова Е. В. Особенности прекращения дел в связи с примирением сторон в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 22 с.
6. Лянго Л. Н. Проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 24 с.
7. Петрикова С. В. Вопросы реформирования законодательства об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим // Lex Russica. 2015. № 6. С. 48–57.
8. Владимирова О. А. Реализация освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Вестник Самарского юридического института. 2011. № 1. С. 49–51.
9. Аликуперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности. М.; Воронеж, 2001. 128 с.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.
11. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 186 с.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изм. и доп. от 29.11.2016) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.
13. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности. Проблемы и пути их решения. М., 2017. 231 с.
14. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. 232 с.
15. Лобанова Л. В., Мкртчян С. М. Некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших мошенничество в сфере кредитования, в связи с примирением их с потерпевшими // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 108–114.
16. Кашаргин Р. С. О практике освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы правоприменения // Известия вузов. Правоведение. 2018. № 2. С. 254–267.
17. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении. Проблемы теории и практики. СПб., 2008. 586 с.
18. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 6 февраля 2020 г. по делу № 22-161/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.04.2022).
19. Обзор апелляционной практики по рассмотрению уголовных дел, связанных с безопасностью дорожного движения и эксплуатации транспорта, за 2018 год (глава 27 УК РФ) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.
20. Мартыненко Н. Э. Проблемы применения нормы о примирении с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4-1. С. 335–340.

References

1. Suverov S. E. The genesis of the norm on reconciliation with the victim as a basis for exemption from criminal liability in the Criminal Code of the Russian Federation // Altai Legal Bulletin. 2020. No. 4. P. 100–105.
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on March 25, 2022) // ConsultantPlus: website. URL: <https://www.consultant.ru>
3. Golovko L. V. Alternatives to criminal prosecution in modern law. SPb., 2002. 542 p.
4. Zubkova V. I., Kuznetsova N. F., Krylova N. E. Course of criminal law. A common part. T. 2: The doctrine of punishment: a textbook for universities. M., 2002. 464 p.
5. Kuzbagarova E. V. Features of termination of cases in connection with the reconciliation of the parties in the criminal process: author. dis. ... cand. legal Sciences. SPb., 2003. 22 p.
6. Lyango LN Problems of termination of a criminal case in connection with reconciliation with the victim: author. dis. ... cand. legal Sciences. Volgograd, 2000. 24 p.
7. Petrikova S. V. Issues of reforming the legislation on exemption from criminal liability in connection with active repentance and reconciliation with the victim // Lex Russica. 2015. No. 6. P. 48–57.
8. Vladimirova OA Implementation of exemption from criminal liability in connection with reconciliation

with the victim // Bulletin of the Samara Law Institute. 2011. No. 1. S. 49–51.

9. Alikperov Kh. D. Exemption from criminal liability. M.; Voronezh, 2001. 128 p.

10. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 4, 2007 No. 519-O-O "On the refusal to accept for consideration the request of the Leninsky District Court of the city of Makhachkala to verify the constitutionality of Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Consultant Plus: site. URL: <https://www.consultant.ru>

11. Bavsun M. V. Expediency in criminal law: dis. ... cand. legal Sciences. Omsk, 2002. 186 p.

12. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2013 No. 19 "On the application by the courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability" (as amended and supplemented on November 29, 2016) // ConsultantPlus: site. URL: <https://www.consultant.ru>

13. Endoltseva A. V. Institute of exemption from criminal liability. Problems and ways to solve them. M., 2017. 231 p.

14. Kelina S. G. Theoretical issues of exemption from criminal liability. M., 1974. 232 p.

15. Lobanova L. V., Mkrtchyan S. M. Some problems of exemption from criminal liability of persons who have committed fraud in the sphere of lending, in connection with their reconciliation with the victims // Legal Science. 2016. No. 6. P. 108–114.

16. Kashargin R. S. On the practice of exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine: problems of law enforcement // Izvestiya vuzov. Jurisprudence. 2018. No. 2. S. 254–267.

17. Sverchkov VV Exemption from criminal liability, termination of a criminal case (prosecution), refusal to initiate it. Problems of theory and practice. SPb., 2008. 586 p.

18. Appeal ruling of the Rostov Regional Court dated February 6, 2020 in case No. 22-161 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 04/14/2022).

19. Review of the appellate practice for the consideration of criminal cases related to road safety and transport operation, for 2018 (Chapter 27 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Consultant Plus: site. URL: <https://www.consultant.ru..>

20. Martynenko N. E. Problems of application of the rule of reconciliation with the victim (Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. 2012. No. 4-1. pp. 335–340.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Сидорова Ирина Владимировна – кандидат юридических наук

Information about the authors

Sidorova Irina V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 25.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.